
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (148). Т. 2. Май, 2015

Серия: **Общественные и гуманитарные науки**

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Москва)
- Ю. ИНОУЭ**
профессор (Токио, Япония)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)
- М. ВОХОЗКА**
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)
- В. М. ЛЕВИН**
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
доктор философии (Тромсё, Норвегия)
- В. И. МАЕВСКИЙ**
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)
- Н. Н. МЕЛЬНИКОВ**
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. П. ОРФИНСКИЙ**
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
- П. ПЕЛКОНЕН**
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
- И. В. РОМАНОВСКИЙ**
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор (Москва)
- К. СКВАРСКА**
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
- Р. М. ЮСУПОВ**
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

- Т. А. БАБАКОВА**
доктор педагогических наук,
профессор (Петрозаводск)
- С. Г. ВЕРИГИН**
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
- Р. ГРЮНТХАЛ**
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
- Ю. М. КИЛИН**
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук (Петрозаводск)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- Т. В. МОРОЗОВА**
доктор экономических наук (Петрозаводск)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- А. М. ПАШКОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Н. ЧЕРНОВ**
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 3 (148). Vol. 2. May, 2015

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	I. MULLONEN Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
I. DUDANOV Doctor of Medical Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)	V. ORPHINSKIY Doctor of Architecture, Professor, Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences (Petrozavodsk)
V. ZAKHAROV Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)	P. PELKONEN Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
Y. INOUE Professor (Tokyo, Japan)	I. ROMANOVSKIY Doctor of Physical-Mathematical Sciences, Professor (St. Petersburg)
A. ISAYEV Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Member (Moscow)	E. SENYAVSKAYA Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
M. VOCHOZKA Doctor of Economic Sciences (Ceske Budejovice, Czech Republic)	K. SKWARSKA Doctor of Philosophy (Praha, Czech Republic)
V. LEVIN Doctor of Physical-Mathematical Sciences, Professor (Mexico, Mexico)	A. TITOV Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
T. LÖNNGREN Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)	R. YUSUPOV Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)
V. MAEVSKIY Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)	N. MEL'NIKOV Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS Member (Apatity)

Editorial Board of the Series
“Social Sciences & Humanities”

T. BABAKOVA Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKIY Doctor of Philological Sciences, Professor, Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
S. VERIGIN Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	T. MAL'CHUKOVA Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYŮNTHAL Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Helsinki, Finland)	T. MOROZOVA Doctor of Economic Sciences (Petrozavodsk)
P. ZAIYKOV Doctor of Philological Sciences, Professor (Joensuu, Finland)	N. PATROEVA Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
U. KILIN Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. PASHKOV Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	S. CHERNOV Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
M. SHUMILOV Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Егоров А. К.*
Слухи как объект исторического исследования. 7
- Пащикова Т. В.*
Государственное здравоохранение и народная медицина в карельской деревне в конце XIX – начале XX века 11
- Блышко Д. В.*
Монтаж реальности: концепции истории повседневности в постсоветской документалистике 15
- Ваничев С. В.*
Финская секция Радиокomiteта Карелии в 1930-е годы: особенности деятельности 20
- Зонтова Е. А.*
Усадьба Михайловское послепушкинской поры (1837–1899 годы) 25
- Ковпак Д. А.*
«Я все еще продолжаю разгуливать в мундире»: Великая Отечественная война и карьера А. Л. Шапиро 28
- Муравьев А. О.*
Подпольная деятельность финских коммунистов на территории Финляндии (1923–1928 годы) 33
- Сузи Г. В.*
Районирование новых территорий Карело-Финской ССР и Ленинградской области в 1940 году 38

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Богданова Н. А.*
Ориентация студентов на профессию учителя в проектной деятельности 43
- Баскова Т. Б.*
Индивидуализация экологического образования в школе-интернате как условие повышения эффективности социализации подростков 48

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Гусева Е. Р.*
Партикулярные союзы в севернорусских говорах (комплекс с *l*-, *n*-партикулами, инициаль *u*-) 52
- Дьячкова И. Н.*
Имя числительное в «Российской грамматике» А. А. Барсова 56
- Федоров М. А.*
Эволюция концептуальной метафоры «время – ценная вещь» в британской лингвокультуре 61

- Боева Г. Н.*
Поэтика ужаса в творчестве Л. Андреева: рецептивный аспект 66
- Захарченко С. О.*
Литературные предпочтения оптинских монахов 71
- Пащикова Т. В.*
Целительные свойства деревьев в лечебной практике карел (опыт обобщения материала) 77
- Шилова Н. Л.*
Остров-музей: об особенностях литературной репрезентации острова Кижы 83

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Козырева Г. Б., Морозова Т. В.*
Устойчивый туризм и развитие муниципальных образований приграничного региона 89
- Воронцова Е. А.*
Управление дебиторской задолженностью в условиях экономического кризиса 97
- Мансуров Р. Е.*
Динамика развития зернопродуктового подкомплекса Вологодской области в контексте необходимости обеспечения продовольственной безопасности 101

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Чернов С. Н.*
Конституционно-правовые проблемы макрорегиона Арктика 106
- Ермолаева И. Г.*
Характеристика административных правонарушений в сфере экологического законодательства по данным судебной практики 111
- Софронова А. А.*
Национальная экологическая политика России и Финляндии как форма осуществления государственного управления 115
- Суханова Т. П.*
Информационные новации исполнительного производства в России и Финляндии 120
- Информация для авторов 123**
- Contents 124**

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrSU.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Дата выхода в свет 29.06.2015. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 120 экз.). Изд. № 178

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ЕГОРОВ
кандидат исторических наук, преподаватель кафедры философии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
akegorov@yandex.ru

СЛУХИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Слухи являются важной составной частью исторического процесса и привлекают внимание исследователей. Очень важно определить «онтологический» статус слуха как объекта исторического исследования. В науке не сложилось единого мнения о том, что есть слухи. При этом исследователи рассматривают слухи как нечто очевидное и объективное. Такая «естественная установка» по отношению к слухам может привести к заблуждениям и ошибкам. На самом деле объективно никаких слухов не существует. То, что называется слухом, есть некое сообщение на определенную тему, которое по тем или иным причинам вычленяется наблюдателем из речевого потока. Сообщение становится или не становится слухом через субъективную оценку конкретного человека или социальной группы. Выделение сообщения как слуха требует определенного предварительного знания, что именно нужно искать. Люди могли не воспринимать то, что они говорили друг другу, как слухи. Одним из условий и механизмов идентификации сообщения как слуха является культурная дистанция. В России эта дистанция определялась расколом страны на «культурные верхи» и «невежественные низы». Важно учитывать, что слух исторического источника может не иметь прямого отношения к слуху, как он понимается в науке. В источниках официального происхождения слухом могло стать любое «нелепое» высказывание, подтверждающее, с точки зрения представителя «верхов», «невежество» народа. Такое понимание слухов автором источника может создать проблемы для исследователя. Источник может определить как слух то, что является не слухом, главная черта которого – передача от человека к человеку, а лишь единичным высказыванием. Историк же может посчитать, что это единичное высказывание имеет широкое распространение, оказывая влияние на поведение людей и исторический процесс.

Ключевые слова: слухи, коллективное поведение, исторический источник, историческое исследование, «естественная установка», культурный раскол страны, холера 1830–1831 годов

Слухи являются важной составной частью исторического процесса, формируя как фон исторических событий, так и непосредственно воздействуя на эти события. Особенно это касается событий, затрагивающих массы людей и их коллективное поведение. Не удивительно, что современные исследователи все чаще и чаще обращаются к изучению феномена слухов. Показателем внимания к слухам является издание сборника статей «Слухи в России XIX–XX веков», где авторы с разных сторон рассматривали это важное для истории явление [7].

Считается, что слухи могут изучаться историком в двух аспектах: или как исторический источник, в частности позволяющий лучше понять массовое сознание людей, их распространявших, или как объект исследования, когда исследуются слухи как таковые, как культурно-исторический феномен, особенности их возникновения и функционирования, их влияние на поведение людей.

Однако историк, изучая слухи, может столкнуться с серьезными трудностями. Самая очевидная из этих трудностей заключается в том, что в отличие от психолога или социолога историк не имеет прямого доступа к изучаемым слухам, он не может провести эксперимент, он узнает о слухах из тех источников, которые ему доступны.

Нас в рамках этой статьи будут интересовать другие проблемы, не менее, а быть может, и более важные в рамках изучения слухов. Целью данной статьи является рассмотрение «онтологического» статуса слуха как объекта исторического исследования, его отношения к исторической реальности и реальности источника.

За сотню лет целенаправленного изучения слухов в науке так и не сложилось единого мнения о том, что это такое, предлагается множество определений, классификаций, типологий слухов, которые с разных сторон пытаются дать понимание этой формы устной коммуникации [2; 8], [4]. Слух как будто норовит ускользнуть от однозначного определения, точно так же, как его сложно «поймать» в среде его обитания. Как отмечает И. Нарский, «слух представляет собой неуловимое явление, ускользающее от точных дефиниций и отмеченное печатью недоверия, рождаемого его недостоверностью» [5; 241].

При всех этих трудностях возникает впечатление, что историки рассматривают слухи как нечто очевидное и объективное, как то, что является общим и историческим, и автору источника, из которого историк берет информацию о слухе, и той среде, в которой этот слух живет. Слух оказывается некой вещью, которая без проблем

передается от среды распространения через автора источника к историку – как будто все эти действующие лица, говоря о слухе, говорят об одном и том же. Это ясно следует, в частности, из одного исследования, посвященного изучению слухов, – его авторы прямо говорят о слухе как о «вещи» [3; 127].

Такая «естественная установка» по отношению к слухам может привести к заблуждениям и ошибкам. Дело в том, что объективно никаких слухов не существует. То, что мы называем слухом, не есть нечто объективное, однозначное, не зависящее от субъективного взгляда наблюдателя. Слух не является объектом, имеющим «всеобщий и необходимый статус». Слух – сугубо субъективное явление. То, что называется обычно слухом, на деле есть некое сообщение на определенную тему, которое по тем или иным причинам вычлняется наблюдателем из речевого потока и на которое навешивается ярлык «слух». При этом одно и то же сообщение один наблюдатель может определить как слух, а другой – нет. Сообщение становится или не становится слухом через субъективную оценку конкретного человека.

А. В. Голубев в своей статье, посвященной изучению слухов, заметил, что, несмотря на приказы начальства пристально наблюдать за распространением слухов и пресекать их, местные чиновники в годы Первой мировой войны не только не делали этого, но и писали в отчетах, что проблем со слухами в их районе нет [1; 303]. И это при том, что слухи там могли ходить, ведь известно, что слухи сыграли определенную роль в революционных событиях 1917 года.

В чем причина такой невнимательности местных чиновников? С одной стороны, можно предположить, что интенсивность распространения сообщений, которые могли бы быть определены как слухи, в то время действительно была незначительной, с другой стороны, и это самое главное, – причина отмеченного Голубевым явления в том, что местный чиновник имел дело с речевой практикой населения (назовем ее «фоновой» практикой), в рамках которой никаких изначально выделенных слухов могло и не быть. Повторимся, объективно никаких слухов нет, поэтому выделение сообщения как слуха может требовать определенного предварительного знания, что именно нужно искать, какого рода сообщения являются слухами. Слух – это не вещь, подобная дереву или камню, взглянув на которую, любой человек скажет – это слух, на сообщении «не написано», что оно является слухом.

Местному чиновнику в такой ситуации могли бы помочь случаи, когда само население обозначает определенные сообщения как слухи. Но проблема в том, что для непосредственных распространителей то, что ими говорилось друг другу, как слух могло не выделяться. В современной

науке есть тезис, согласно которому слух выделяется в речи маркером «ходят слухи» и сопровождается «заговорщическим» поведением – снижение громкости голоса, специфическая мимика, наклон головы и т. п. [3; 122–123], [6; 50]. Иначе говоря, в речевом поведении слух выделяется как особый элемент.

Однако всегда ли поступали так распространители слухов? Во-первых, во многих случаях мы этого не знаем и никогда не узнаем. Во-вторых, есть основание полагать, что сообщения, которые считаются в исторической науке слухами (часто вслед за терминологией источника), на деле были обычными разговорами людей между собой, когда они обменивались своими мнениями на различные темы, когда никакого специального выделения в речи отдельного сообщения просто не было. Это была обычная повседневная жизнь, в которую люди были полностью погружены и элементы которой никак не объективировались.

Возникает вопрос, почему тогда определенные сообщения все-таки определяются как слух, принимая во внимание, что сила слуха как раз в том, чтобы не быть пойманным. На самом деле одним из условий и механизмом идентификации сообщения как слуха является культурная дистанция между средой распространения сообщения и наблюдателем, от которого и зависит, является ли данное сообщение слухом.

В России дореволюционной поры, да и советского времени тоже, эта дистанция обеспечивалась расколом страны на «культурные верхи» и «невежественные низы», а также, возможно, соответствующими отношениями власти и подчинения. Представителю верхов при контакте с населением бросались в глаза сообщения, которые воспринимались как минимум как странные, которые при этом населением как странные не воспринимались.

В качестве примера возьмем слухи, которые ходили в военных поселениях во время холеры летом 1831 года. Военные поселяне говорили о том, что холера есть дело рук «господ» и что «пришла царская рука – всех господ бить»¹. Являлись ли данные сообщения для военных поселян слухами? Ответ отрицательный. Во-первых, сообщения эти распространялись совершенно открыто, «во весь голос», никакой тайны, с которой часто ассоциируют слух, там не было. Люди, проходившие по дороге, кричали поселянам, что «бейте всех наповал, в Петербурге умели с ними управиться православные»². Во-вторых, если бы военные поселяне воспринимали эти сообщения как слухи, не факт, что бойня, которая началась в военных поселениях сразу после появления подобных «разглашений», началась бы. А мы знаем, что поселяне восстали, они убивали «господ», да еще были уверены в том, что поступили правильно и что царь наградит их за это – а как иначе, если «пришла царская рука»³.

Итак, для военных поселян указанные выше сообщения слухами не считались, а если и считались, то никакой странности они в них не видели, но вот официальные лица, авторы источников, с которыми работает историк, оценивали подобные сообщения однозначно – это слухи, при этом слухи «нелепые» и «вздорные».

С другой стороны, очевидный для образованных верхов факт, что холера есть повальная болезнь, простые поселяне воспринимали не как факт, а как слух, распространяемый начальством⁴. В результате мы имеем интересное явление: отравление как причина холеры воспринималось верхами как слух, народом – как факт; холера как болезнь воспринималась наоборот: как факт – верхами, как слух – народом.

И здесь мы подходим к еще одной важной проблеме: на каком основании авторы источников – чиновники, военные, авторы дневников и писем – определяли сообщения как слухи? Были ли у них какие-либо устойчивые критерии для этого?

Среди часто встречающихся в научной литературе критериев определения слухов можно выделить такие признаки, как устность передачи, неформальность, передача и распространение от одного к другому, неподтвержденность, выделенность в речи. Однако эти признаки являются именно научными. Что касается критериев, по которым сообщение определялось как слух в реальной исторической практике, все обстоит совершенно иначе.

Из собственного опыта изучения слухов можно утверждать, что слух исторического источника может не иметь прямого отношения к слуху, как он понимается в науке. Если мы возьмем официальные источники дореволюционной эпохи, то слух в них – это то, что «нелепо». Если мы посмотрим на то, какие прилагательные применяли авторы источников дореволюционного (да и советского) времени по отношению к слухам, то увидим слова «нелепый», «вздорный», «грязный» и т. д. [8; 323].

Слух для представителя «элиты», автора источника – это сообщение, которое выделяется в речи «народа» своей «нелепостью», «глупостью», неадекватностью, которое еще раз подтверждает невежество народа, его непонимание ситуации в стране, да еще и толкает народ на нежелательное для власти поведение – «возмуще-

ние и буйство», ажиотажный спрос на продукты первой необходимости, дезертирство и т. п. На самом деле навешивание ярлыка «слух» выражает (пусть даже ненамеренно) доминирование одной группы над другой, когда первая («элита») определяет последнюю («народ») как «невежественную», неспособную к самостоятельности и вдобавок к этому опасную, а слух – это подтверждение такой оценки.

Для историка такая ситуация может быть чревата ошибкой. Представим себе ситуацию: автор источника, услышав некое «нелепое» сообщение, может идентифицировать его как слух, хотя это сообщение является единичным, никуда не распространяется и нигде более не встречается. В источнике же будет записано примерно так: «Имярек распространял слух о том, что...», или: «В такой-то местности ходил слух о том, что...».

Прочитав подобные записи в источнике, историк придет к выводу, что в такое-то время в таком-то месте получил распространение такой-то слух. Ведь с точки зрения науки слух есть массовое явление, то есть то, что широко распространяется. В результате единичное, «нелепое» с точки зрения автора источника высказывание отдельного человека превратится на страницах исторического труда в полноценный слух как массовое явление, оказавшее влияние на поведение людей и исторический процесс. Получится так, что на основе фактически единичного высказывания будут судить о настроениях целого коллектива. По причине разницы между автором источника и историком в понимании того, что такое слух, единичное и случайное станет массовым и закономерным.

Историк, изучающий слухи в истории, не должен идти на поводу у источника, не повторять бездумно термины, этим источником употребляемые. Если историк столкнется с сообщением, которое источник определяет как слух, он должен проверить на других источниках, действительно ли это сообщение является слухом, то есть сообщением, имеющим именно массовое распространение. Единичные сообщения о слухах в источниках могут иметь отмеченную выше особенность, выдавая единичное за всеобщее. Исключения составляют лишь сводки специальных служб, информация которых представляет собой обобщение большого массива сведений с мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Серяков Л. А. Моя трудовая жизнь. Рассказ гравера, академика Л. А. Серякова // Русская старина. 1875. Т. 14. Сентябрь. С. 164.

² Рассказ инженер-подполковника Панаева, производителя работ в округе поселенного гренадерского императора Австрийского полка // Бунт военных поселян в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб., 1870. С. 80.

³ Европеус И. И. Воспоминания И. И. Европеуса. Бунт военных поселян короля Прусского полка 17-го июля 1831 г. // Русская старина. 1872. № 11. Ноябрь. С. 552.

⁴ Слезский А. Бунт военных поселян в холеру 1831 г. (по неизданным конфирмациям). Новгород, 1894. С. 138.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубев А. В. Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования? (На примере внешнеполитических представлений 1920-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 301–313.
2. Дмитриев А. В. Слухи как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 5–11.
3. Крейдин Г. Е., Самохин М. В. Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 118–127.
4. Латыпов В. В. Слухи: социальные функции и условия появления // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 12–17.
5. Нарский И. Как коммунист черта расстрелять хотел: апокалипсические слухи на Урале в годы Революции и Гражданской войны // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 231–255.
6. Осетрова Е. В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 1. С. 49–54.
7. Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. 368 с.
8. Шукшина Т. В. «За веру, царя и отечество!» Слухи и радикальный патриотизм в России октября 1905 г. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 321–333.

Egorov A. K., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

RUMORS AS OBJECT OF HISTORICAL RESEARCH

Rumors are an important part of any historical process, therefore, they attract due attention of multiple researchers. Consequently, it is important to determine the “ontological” status of rumors as an object of historical research. There is no consensus in historical science on what rumors are. At the same time researchers consider rumors as something obvious and objective. Such “natural attitude”, in reference to rumors, can lead to mistakes. In fact, objectively rumors do not exist. A rumor indeed is a certain message on a particular topic, which for whatever reason was singled out by the observer from the whole speech. A message becomes or does not become a rumor due to subjective evaluations of a particular person or a particular social group. Identification of the message as a rumor requires some prior knowledge of what to look for. People do not necessarily consider discussed matters as rumors. One of the conditions and mechanisms helping to identify a message as a rumor is the cultural distance. In Russia, this distance is determined by the division of the country into “cultural elite” and “ignorant lower classes”. It is important to bear in mind that the “rumor” of historical sources may not be directly related to the rumor of scientific importance. In sources of official origin any “ridiculous” statement could become a rumor, confirming, in terms of the representative of the “elite”, “ignorance” of the people. Such understanding of the concept of rumors by the author of the source can create problems for researchers. The source can define a single message as a rumor, i. e. something transferred from person to person, although in fact it is a single message. A historian may also find this singular expression rather popular, which affects peoples’ behavior and the course of historical process as a whole.

Key words: rumors, collective behavior, historical source, historical research, “natural attitude”, cultural division of the country, cholera of 1830–1831

REFERENCES

1. Golubev A. V. Peasant rumors and gossip: the source or object of study? [Krest'yanskije slukhi i tolki: istochnik ili predmet issledovaniya?]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe]. 2012. № 1. P. 301–313.
2. Dmitriev A. V. Rumors as an object of sociological research [Slukhi kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1995. № 1. P. 5–11.
3. Krejdin G. E., Samokhin M. V. Rumors and gossip – harmony and disorder [Slukhi, spletni, molva – harmoniya i besporyadok]. *Logicheskij analiz yazyka. Kosmos i khaos: kontseptual'nye polya poryadka i besporyadka* [Logical analysis of language. Cosmos and Chaos: conceptual field of order and disorder]. Moscow, 2003. P. 118–127.
4. Lатыпов В. В. Rumors: social functions condition for the appearance [Slukhi: sotsial'nye funktsii i usloviya poyavleniya]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1995. № 1. P. 12–17.
5. Nar'skiy I. How a communist want to shoot the devil: apocalyptic rumors in the Urals during the Revolution and the Civil War [Kak kommunist cherta rasstrelyat' khotel: apokalipticheskie slukhi na Urale v gody Revolyutsii i Grazhdanskoy vojny]. *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i "krutye povoroty" rossiyskoy istorii* [Rumors in Russia of XIX–XX centuries. Informal communication and “twists and turns” in Russian history]. Chelyabinsk, 2011. P. 231–255.
6. Osetrova E. V. Rumors in speech and linguistic reality [Slukhi v rechevoy i yazykovoy deystvitel'nosti]. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences. Series of literature and language]. 2003. Vol. 62. № 1. P. 49–54.
7. *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i "krutye povoroty" rossiyskoy istorii* [Rumors in Russia of XIX–XX centuries. Informal communication and “twists and turns” in Russian history]. Chelyabinsk, 2011. 368 p.
8. Shukshina T. V. “For faith, tsar and fatherland!” Rumors and radical patriotism in Russia in October 1905 [“За веру, tsarya i otechestvo!” Slukhi i radikal'nyy patriotizm v Rossii oktyabrya 1905 g.]. *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i "krutye povoroty" rossiyskoy istorii* [Rumors in Russia of XIX–XX centuries. Informal communication and “twists and turns” in Russian history]. Chelyabinsk, 2011. P. 321–333.

Поступила в редакцию 17.12.2014

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tvp-1979@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Рассматривается проблема сосуществования государственного здравоохранения и народных способов врачевания в карельских деревнях в 1860–1910 годах. Именно в этот период достаточно четко прослеживается попытка внедрения государством профессиональной медицинской помощи в крестьянскую среду, недоверие сельского жителя к врачам / фельдшерам и его слепая вера во всеисцеляющую знахарю и повитуху. Низкий уровень организации медицинской помощи населению (зачастую на семь деревень приходился всего один фельдшер) и возникающие летальные исходы в ходе лечения врачами заболеваний только усиливали веру простого народа в то, что знахарь – лучшее «средство» от всех недугов. На протяжении длительного времени власти старались искоренить знахарство среди карел, но и сейчас эта форма народной медицины бытует в карельских деревнях наряду с профессиональной.

Ключевые слова: карельская народная медицина, здравоохранение в Карелии, знахарство, уровень смертности, заболевания

Вопросы государственного здравоохранения и народной медицины у прибалтийско-финских народов в последние годы являются актуальными для исследователей. Исследования Ю. Г. Шикалова, О. П. Илюхи и других ученых посвящены рассмотрению этих вопросов на примере карельского народа. В данной статье на основе опубликованных материалов рассматривается сосуществование государственного здравоохранения и народных способов врачевания в карельских деревнях в 1860–1910 годах.

Считается, что местоположение карельских деревень, отличающихся простором, благоприятно сказывалось на здоровье людей. Песчаная и каменистая почва, на которой строились дома, не покрывалась грязью и оставалась практически сухой даже в дождливое время года. Дома стояли в окружении хвойных лесов, на берегах озер и рек, что обеспечивало их жителям чистый воздух и воду [7; 101]. Один из первых российских исследователей Кемского уезда Антон фон Пошман в путевых заметках (1866) отмечал, что местные жители имели приятную внешность и выглядели здоровыми, однако продолжительность их жизни составляла приблизительно 55–60 лет. Автор предполагал, что причинами ранних смертей являлась не старость, а заболевания, которыми страдали местные жители весной, осенью и зимой. В эти времена года они были подвержены горячкам и другим простудам. По данным Пошмана, самая распространенная болезнь в Кемском уезде – цинга, ею переболел почти каждый местный житель хотя бы раз в жизни¹. В 1884 году русский путешественник Николай Кудрявцев описывал ситуацию со здравоохранением в Кемском уезде следующим образом:

«Народ болен повсеместно... глисты, рахит, сифилис и ревматизм. Лишь в городе Кеми есть вакансия доктора, да и та остается до сих пор свободной...». Уровень организации медицинской помощи населению в Кемском уезде был неудовлетворительным. Протоиерей архангельской епархии Легатов считал, что в Кемском уезде можно было избежать большого количества смертей, если бы нашелся человек, владеющий основами медицины. Легатов призывал священников ходить по домам и оказывать людям любую медицинскую помощь, но, к сожалению, в начале XIX столетия (1867 год) в духовных семинариях перестали преподавать основы медицины. Стремление отца Легатова поправить положение путем самообучения священников по медицинским справочникам было заведомо обречено на провал [7; 102].

По наблюдениям священника Ухтинского прихода И. Чиркова, сделанным в 1907 году, ситуация в Кемском уезде не улучшилась. Мужчины умирали в молодом возрасте (35–50 лет). Причиной этому служили отхожие промыслы, где приходилось носить на плечах тяжелые сумки с товаром весом по 8–10 пудов, вследствие этого мужчины заболевали чахоткой. Другая причина – сифилис, который заносился в Карелию из-за границы и был сильно распространен в окрестностях Ухты (совр. Калевала). Кроме того, в этот период отмечена высокая смертность детей из-за эпидемий скарлатины и гриппа². Эпидемии повальных болезней вспыхивали по причине того, что детей не прививали. По наблюдениям, на 1907 год в д. Вокнаволоке (Кемский уезд) почти вся молодежь уже переболела оспой, а зимой большое количество местного населения умерло

от тифа. На тот момент против оспы уже делали прививки, но на них мало кто соглашался. Из 1861 жителя Кемского уезда привились только 16 человек [8; 155]. Карелы относились к вакцинации недоверчиво: «*Oi giehkä on rubi ranna, giehkä on rubie ranna*» ('Ой, грех прививку делать, грех на прививку ходить') [5; 304]. Кроме того, карелы считали, что в случае оспы нельзя ходить к врачу и «оглашать о ее присутствии, иначе она обидится и может изуродовать ребенка» [1; 22]. Результатом этого являлись вспышки эпидемии оспы, повторяющиеся регулярно, раз в 3–4 года, вследствие которых умирала почти половина детей, не достигших 6-летнего возраста [8; 155].

Медицинское обслуживание в Олонецкой губернии (Петрозаводский, Олонецкий, Лодейнопольский, Повенецкий уезды) было поставлено также крайне плохо. Знаменитый путешественник, исследователь Н. Лесков, путешествуя по всей Олонецкой губернии в 1892–1895 годах по поручению Географического общества, констатировал, что местная медицина состоит из доктора / земского врача и сельских фельдшеров, но, как утверждало местное население, в их деятельности только «формальность». На громадный уезд (размером «в половину или даже больше европейского государства») назначался всего один земский врач. В некоторых селах жили фельдшеры, которые были «невежественными» в лечении. Они пользовались своими средствами – сулемой, антимонией и бурой, упорно отрицая медицину как науку. Иногда самая обыкновенная простуда, лихорадка или порез ноги, при которых было бы достаточно наложить чистую повязку или поставить горчичники, дать потогонное или слабительное, и больной через одну-две недели поднялся бы на ноги, здесь оканчивались смертью по причине отсутствия профессиональной медицинской помощи³. В 30-е годы XIX века самыми распространенными болезнями в Олонецкой губернии считались катаральные, ревматические и воспалительные (вследствие сильных и холодных ветров), сухотка и чахотка (считались хроническими болезнями), завалы внутренностей (причиной этому являлось пьянство) и сыпи на теле (от антисанитарии)⁴.

Начиная с 1890-х годов уездные земства рассылали в школы минимальный набор лекарственных средств, которыми могли пользоваться не только школьники, но и местные крестьяне. В 1908–1909 годах во время начала эпидемии оспы Олонецкая уездная управа стала воздействовать на местное население через учителей начальных школ, призывая начать прививаться от оспы и не вступать в контакт с уже заболевшими [4; 250].

Но, пожалуй, больше всего от отсутствия профессиональной медицинской помощи страдали роженицы. Зачастую знахарки-повитухи применяли варварские приемы для ускорения за-

медлившихся родов у женщин. Например, Н. Лесков в отчете о поездке к олонецким карелам рассказывает, что для вызова родов беременной женщине насыпали овес в подол рубахи, и она, наклонившись, скармливала его лошади. Находясь в полусидячем положении, женщина сама стимулировала начало родового процесса. Если же роды все равно не начинались, то роженицу привешивали к перекладине (*orzippuu*), представляющей собой продольную или поперечную жердь, проходящую от стенки к стенке, служащую у карелов для сушки сетей, лучины и т. д. Подвесив женщину, ей с силой давили на живот, таким образом выдавливая ребенка (д. Кончезеро)⁵. Использовали и другие способы для вызывания родов: беременную заставляли бегать; ставили ее на четвереньки и дули в пустую бутылку; поили роженицу водой, в которой замешивали землю, собранную с перекрестка трех дорог, или паутину из углов дома, или порох; обмывали охотничье ружье и давали женщине выпить эту воду («Как ружье легко стреляет, так пусть и женщина легко родит») (Ухтинский, Кемский уезды); набирали воду мужским сапогом или обходили деревню с соленой водой и затем обмывали беременную этой же водой (д. Вохтозеро); бросали камни в воду и произносили: «Как камень быстро идет на дно, так и ребенок пусть выйдет»; протаскивали роженицу через порог животом; вызывали у нее рвоту (Святозерская волость) [1; 16]. Если роды все-таки не начинались, то приступали к операции, используя ножницы и щипцы. Последствия таких операций часто были плачевными: заражение крови, повреждение родовых путей и зачастую смерть матери и ребенка⁶. Тем не менее, несмотря на риск получить увечья или умереть, крестьянки почти всегда предпочитали помощь бабок-повитух. Другого выбора у них практически не было, так как профессиональная помощь роженицам была налажена крайне плохо. Например, в 1886 году в Кемском уезде на одну профессиональную повитуху пришлось 260 родов в год, что делало физически невозможным ее присутствие на каждом роде.

Но, даже имея возможность получения помощи от акушерок и профессиональных повитух, карельские роженицы избегали пользоваться их услугами. Причина такого поведения крылась в отсутствии доверия. Акушерки и профессиональные повитухи появились в России лишь в конце XIX века, и им было очень сложно противостоять сильной репутации деревенских повитух. Считается, что на это было несколько причин: во-первых, не последнюю роль здесь играло положение в обществе: деревенские жители не доверяли профессиональным акушеркам в связи с сословными различиями. Во-вторых, крестьяне негативно относились к инструментам, которые применялись профессионалами при

трудных родах, считая их использование грехом. И, в-третьих, огромные расстояния, бездорожье и денежные затраты [7; 111].

Чаще всего женщины рожали стоя. В связи с этим были распространены случаи ушибов младенцев при падении. Сразу же после рождения малыша пуповину перевязывали с особыми нащептываниями суровой ниткой или волосами матери, поближе к коже, отчего очень часто около пуповины образовывались язвочки. В летнее время в деревнях гибли до 17–20 % всех родившихся за год детей, выживали наиболее сильные и крепкие. Н. Лесков, путешествуя по Олонецкой Карелии, отмечал, что дети здесь растут как «дикое растение в лесу или крапива на задворках», они с 3–4 лет предоставлены сами себе. Родители берут на себя только функцию кормильцев. Бегающий ребенок у карел считался уже настолько взрослым, что родители не опасались оставлять его дома одного, что нередко приводило к трагедиям: «дети тонули в реках или озерах, захлебывались в колодцах или сжигали жильё»⁷.

После 7 лет снижалась детская смертность в результате болезней, изменялся и характер заболеваемости детей. Уменьшалось количество смертей, связанных с несчастными случаями. Дети 8–15 лет больше всего страдали от полученных травм, так как их активно привлекали к физическому труду (заготовка дров, выпас скота и т. д.). Кроме того, у детей этого возраста, особенно у мальчиков, наблюдался рост смертности из-за переохлаждения и простуды, так как они чаще бывали вне дома. Опасными болезнями этого возраста считались скарлатина, оспа и туберкулез. Установлено, что дети, перешагнувшие 10-летний возрастной рубеж, жили долго, если не заболевали эпидемическими болезнями [4; 56].

В Олонецком уезде использовались магические процедуры, направленные на оздоровление детей. Карелы верили, что некоторые лесные озера обладают чудодейственной силой. Если в семье заболел ребенок, то карелка несла его к ламбушке, прямо в одежде погружала в воду, шепча при этом заклинания. Затем она раздевала ребенка и надевала на него новое, принесенное с собой белье, а старое с болезнью (в котором окунала) оставляла здесь, злым духам. Для этого знахарка втыкала в эту ламбушку палку и привязывала к ней детскую одежду «с недугом» [3; 47–48].

Неудивительно, что почти до конца XIX века, а в некоторых деревнях и до сих пор, люди пользовались услугами знахарей, средствами народной медицины, а зачастую просто полагались на Бога. Знахарство, имевшее богатые традиции

в Карелии, долгие годы удерживало свои позиции среди населения. Крестьяне больше доверяли своим деревенским целителям и бабкам-повитухам, чем приезжим фельдшерам и акушеркам. Многочисленные вещества растительного, животного или минерального происхождения заменяли карелам лекарства, а бани, массажи и кровопускания служили средствами физиотерапии при лечении многих недугов и травм. В некоторой степени это было даже на пользу жителям Карелии, поскольку средства народной медицины нередко действовали лучше, чем лекарства, а знахари были искуснее, чем плохо обученные и порой спившиеся фельдшеры [7; 110]. Краевед И. Оленев, совершавший поездки по Кемскому уезду в 1895–1900 годах, отмечал, что народ охотно прибегал бы к медицинской помощи, но врачей было мало. Не всякий хороший фельдшер соглашался ехать работать в Карелию, и большинство из них в глухих уголках вскоре спивались. «И, конечно, такие фельдшера только профанируют медицину, вынуждая население обращаться к местным знахарям» [6; 54]. Подобную ситуацию констатировал И. Чирков: «Медицинской помощи население не получает никакой. Правда, есть в Ухте и фельдшерский пункт, но ухтяне потеряли веру в медицину...»⁸.

Для многих жителей средства официального здравоохранения были абсолютно чуждыми. Люди не соблюдали рекомендованную им дозировку лекарств, выпивая все сразу, в результате получая летальные исходы. В таких случаях обвиняли фельдшера, все больше теряя доверие к нему [7; 110]. Жители деревень охотно доверяли простым людям без медицинского образования. В одной из карельских деревень сельский учитель, не обладавший специальными медицинскими знаниями, собрал при школе домашнюю аптечку (лекарства посылались повенечским земством), и жители деревни часто обращались к нему за помощью. Внутренние болезни он, конечно, не мог лечить, но и фельдшер в таких случаях не помог бы. Между тем сделать перевязку, вылечить нарывы, дать лекарства против расстройства желудка, колотья, помазать мазью от чесотки учитель мог. Это были основные недомогания, которыми страдали крестьяне в то время [6; 55].

Итак, в 1860–1910 годах развитие профессиональной медицинской помощи в Карелии происходило очень медленно. Это объяснялось нехваткой образованных кадров, недостаточным финансовым обеспечением и устойчивыми религиозно-мифологическими традициями местного населения.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении... составленное в 1802 году. Т. 1. Архангельск: Уб. типография, 1866. С. 169.

- ² Чирков И. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские губернские ведомости. 1908. № 88. С. 3.
- ³ Лесков Н. Поездка в Корелу // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 286–287.
- ⁴ Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб.: Экспедиция заготовления Государственных бумаг, 1838. С. 55.
- ⁵ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 24.
- ⁶ Постников В. Знахарство, виды его и борьба с ним в Архангельской губернии // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 5. С. 30.
- ⁷ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 23.
- ⁸ Чирков И. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские губернские ведомости. 1908. № 88. С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 17–28.
- Илюха О. П., Литвин Ю. В. Забота о здоровье матери и ребенка в карельской деревне конца XIX – начала XX вв.: семейные традиции и профессиональная медицина // Общество: философия, история, культура. 2012. № 3. С. 33–41.
- Илюха О. П. Представления о болезнях и способах лечения детей в карельской традиционной культуре (по данным конца XIX – начала XX в.) // Вопросы воспитания: Научно-практический журнал. 2011. № 1 (6). С. 41–51.
- Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
- Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. 382 с.
- Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги: Путевые очерки с многими рисунками. Гельсингфорс: Финское лит. об-во, 1917. 173 с.
- Шикалов Ю. Г. Здравоохранение в Кемском уезде в конце XIX – начале XX века // Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка: Сборник научных статей / Науч. ред. Ю. Г. Шикалов, Ю. Кокконен. Joensuu; Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. С. 97–115.
- Tšikalov J. Vienassa elettiin kyllä pitkään, - jos vain hengissä selvitettiin // Karjalan heimo. 2000. № 11–12. S. 154–156.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**PUBLIC HEALTH AND TRADITIONAL MEDICINE
IN KARELIAN VILLAGES IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

The problem of public health and folk medicine coexistence in Karelian villages in 1860s–1910 is studied. During this particular period a vigorous attempt to introduce professional state health care system into Karelian peasant households was made. Despite all undertaken efforts, rural residents distrusted professional doctors and paramedics. The population vested its “blind” faith into the omnipotence of local sorcerers and midwives. The low level of medical care extended to the rural population (quite often only one paramedic per seven villages), frequently resulted in deaths, which consequently only strengthened the faith of ordinary people in the powers of witch doctors. People believed that witch doctors were the best “remedy” against all ills. For a long time the state authorities tried to eradicate sorcery in Karelian villages, but to no avail. The culture of contemporary Karelian villages incorporates both traditional medicine and professional care.

Key words: Karelian folk medicine, health care in the Republic of Karelia, quackery, mortality, diseases

REFERENCES

- Алимов Т. М. Quackery in Karelia [Znakharstvo v Karelii]. *V pomoshch' prosveshchentsu* [To help the Teachers']. 1929. № 1. P. 17–28.
- Ilyukha O. P., Litvin Yu. V. Concern about the health of a mother and a child in Karelian villages of the late XIX – early XX centuries: family traditions and occupational medicine [Zabota o zdorov'e materi i rebenka v karel'skoy derevne kontsa XIX – nachala XX vv.: semeynye traditsii i professional'naya meditsina]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Company: philosophy, history, and culture]. 2012. № 3. P. 33–41.
- Ilyukha O. P. Ideas about diseases and how to treat children in Karelian traditional culture (according to the late XIX – early XX century) [Predstavleniya o boleznyakh i sposobakh lecheniya detey v karel'skoy traditsionnoy kul'ture (po dannym kontsa XIX – nachala XX v.)]. *Voprosy vospitaniya: Nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Issues of education: scientific journal]. 2011. № 1 (6). P. 41–51.
- Ilyukha O. P. *Shkola i detstvo v karel'skoy derevne v kontse XIX – nachale XX v.* [School and childhood in villages of Karelia in the late XIX – early XX century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007. 304 p.
- Obraztsy karel'skoy rechi* [Samples Karelian speech] / Comp. V. D. Ryagoev. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 382 p.
- Olenev I. V. *Karel'skiy kray i ego budushchee v svyazi s postroykoy Murmanskoy zheleznoy dorogi: Putevye ocherki s mnogimi risunkami* [Karelian region and its future in connection with the construction of the Murmansk railway: travel sketches with many pictures]. Gelsingfors, Finskoe literaturnoe obshchestvo Publ., 1917. 173 p.
- Shikalov Yu. G. Healthcare in Kem County in the late XIX – early XX century [Zdravookhranenie v Kemskom uезде v kontse XIX – nachale XX v.]. *Narod, razdelenny granitsej: karely v istorii Rossii i Finlyandii v 1809–2009 gg.: evolyutsiya natsional'nogo samosoznaniya, religii i yazyka: Sbornik nauchnykh statey* [People, divided border: Karelia in the history of Russia and Finland in 1809–2009 y.: The evolution of national identity, religion and language: a collection of scientific articles] / Ed. Ju. G. Shikalov, Ju. Kokkonen. Joensuu; Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2011. P. 97–115.
- Tšikalov J. Vienassa elettiin kyllä pitkään, - jos vain hengissä selvitettiin // Karjalan heimo. 2000. № 11–12. P. 154–156.

Поступила в редакцию 01.06.2015

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ БЛЫШКО

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dblyshko@gmail.com

МОНТАЖ РЕАЛЬНОСТИ: КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКЕ

Цель статьи – на примере трех кейсов показать вариативность концепций исторической реальности в документальном кино о «советском». В качестве источников для анализа послужили три авторских проекта, на основе монтажа архивной киноплёнки воссоздающих историю советской повседневности. Основное внимание уделяется процессу производства концепций исторической реальности, включающему выбор категориальных рамок описания прошлого, отбор визуального материала, монтаж видео- и аудиоряда, авторскую рефлексию над соотношением между разными вариантами репрезентации прошлого в документальном кино. В двух случаях («Частные хроники» и «Представление») авторы новых концепций вступают в полемику с иными способами репрезентации реальности, выделяя в одном случае два, а в другом – один способ представления прошлого (официальная кинохроника и идеологизированная любительская хроника в первом случае и советская пропаганда во втором). В случае «Антологии» изначальная репрезентация (советская идеология), по сути, не подвергается деконструкции, а вводится в новое повествование на правах феномена культурной истории. Но во всех трех проектах авторы с той или иной степенью настойчивости отмечают сконструированность собственного варианта исторической реальности.

Ключевые слова: публичная история, концепция исторической реальности, документальное кино, монтажное кино

Публичная история противопоставляется истории как академической дисциплине не столько по содержанию, сколько по форме – строгости следования нормам и правилам академического письма. По аналогии с «человеческими документами», которые Н. Козлова и И. Сандомирская характеризуют как наивное письмо [3], обращая внимание на его формальные отличия от академического, просветительские исторические проекты, создаваемые непрофессиональными историками, можно обозначить термином «наивная историография». Сегодня, когда тексты профессиональных историков ориентированы преимущественно на коллег по цеху, крыло наивной историографии во многом берет на себя просветительские функции истории. Активное развитие этой области историописания можно связать с кризисом исторических гранд-нарративов [11], содержание которых не удовлетворяет ожиданиям публики. В сфере Public history широко представлены альтернативные по отношению к официальному варианту репрезентации исторической реальности. Привычные репрезентации исторической реальности подвергаются деконструкции и проверке на валидность.

Монтажное документальное кино как один из жанров наивной историографии, возможно, является одним из самых чувствительных к вопросу о сконструированности исторической реальности. В этом жанре встречаются вместе кинодокумент, исторический нарратив и их тотальная деконструкция.

В настоящем тексте на примере трех монтажных фильмов о советской повседневности мы рассмотрим три разных варианта монтажа исторической реальности. Рассмотрение авторских исторических концепций подразумевает индивидуальный подход к каждому кейсу, что не подразумевает возможности построения обобщений и экспликации выводов на другие проекты. В качестве источника будут рассматриваться только конечный продукт авторского творчества. За рамками внимания остается предыдущий опыт историописания авторов, поскольку цель статьи – рассмотреть конкретные исторические концепции, а не мировоззрение их авторов. Внимание будет уделяться не столько содержанию авторских концепций прошлого, сколько процессу производства формы репрезентации прошлого – выразительным средствам монтажного кино и концептуальным рамкам описания материала. Внимание также будет уделено авторской рефлексии о полученном образе исторической реальности. Концепции исторической реальности, которые предлагаются авторами монтажного кино о советском, с одной стороны, и исторической антропологией, как академической дисциплиной, – с другой, обнаруживают некоторое сходство. Это позволяет использовать терминологический аппарат исторической антропологии для описания содержания исторических фильмов.

Выбор кейсов для подобного исследования всегда в определенной мере произволен. В данном случае основанием отбора служило стрем-

ление показать максимальную вариативность авторских концепций в рамках одного жанра документального кино. Первый из рассматриваемых примеров монтажного кино – проект Виталия Манского «Частные хроники. Монолог» (1999), черно-белый. Продолжительность фильма – 91 минута. Фильм смонтирован на студии «МВ Студия» из кадров любительских видеозаписей, сделанных в период с 1961 по 1991 год советскими гражданами. Полный список авторов видеоматериалов, использованных в фильме, можно найти в титрах фильма. В своем интервью, посвященном этому фильму, автор акцентирует внимание на сосуществовании в доступном ему архивном материале двух уровней: «нетронутые любители снимали истинную жизнь, не взирая ни на что», в то время как «кондовые профессионалы снимали нетленки о трудовых подвигах советского народа» [6]. Ценность любительских съемок, по мнению В. Манского, обусловлена недостатками официального кинематографа: «...это была не жизнь, это была реконструкция жизни, подчиненная идеологически выверенным канонам». Из этого можно сделать заключение, что целью режиссера является репрезентация «истинной жизни» как исторической реальности, противопоставляемой пропагандистским образам. В основе сюжета видеонарратива – биография героя, который представляет собой собирательный образ «представителя последнего поколения советских людей». Нарратив конструируется из отдельных эпизодов, каждый из которых основан на биографических воспоминаниях самого автора, его коллег и создателей кинозаписей, из которых смонтированы «Частные хроники» [6]. Формирование авторской концепции исторической реальности происходит на нескольких уровнях. Сама реальность, как следует из пояснений режиссера к картине, имеет сложную структуру. В интервью 2001 года он, говоря о доступном ему визуальном материале, намечает три уровня соответствия документов «истинной жизни»: официальная идеологизированная кинохроника, любительская хроника, снятая по законам профессиональной советской кинематографии, и, наконец, повседневность, истинная жизнь. «Частные хроники» смонтированы преимущественно из кадров, запечатлевших, по мнению В. Манского, «истинную жизнь» – повседневные практики советских людей. По его собственным словам, эти кадры вызывают чувство ностальгии. Ностальгическое звучание картине придает и аудиосопровождение – лирическая музыка. Визуально в кадре присутствуют несколько сквозных образов: главный герой, его родители и друзья. Закадровый комментарий вводит в повествование еще одного персонажа – главного героя, ретроспективно описывающего собственную жизнь. Это единственный персонаж, находящийся вне советского хронотопа. Он

играет одну из ключевых ролей: описывая визуальный ряд с презентистской позиции, он структурирует и упорядочивает собственный опыт бытия в исторической реальности. Таким образом, описание исторической реальности формируется из трех ее репрезентаций: советская пропаганда, мировосприятие советского человека и репрезентация прошлого из презентистской позиции. Три репрезентации составляют вместе одно описание исторической реальности, которое по своему содержанию больше всего соответствует немецкому варианту истории повседневности [4]. История главного героя с «невразумительным среднестатистическим советским именем» подпадает под определение «нормального исключения» [7]. Судьбы нескольких таких «нормальных исключений» (главный герой, школьная подруга главного героя, лучший друг по городу детства, еврей Кац) и описание их жизненных стратегий составляют поле, дающее автору доступ к описанию различных аспектов истории советской повседневности. Описание исторической реальности включает в себя разнородную информацию, структурировать которую можно, опираясь на аналитический аппарат дисциплины «историческая антропология». Один из уровней описания близок к археологии повседневности: в поле зрения автора попадают типичные артефакты: цигейковые шубы, характерные детали мебелировки, типичные блюда (салат оливье), и повседневные практики, связанные с особенностями быта: «...квартира тоже чем-то напоминала поэта. Она была всем: квартира была рестораном, публичным домом, библиотекой, фонотеккой, концертным залом, спортивным залом, баней, казино. Просто удивительно как эта маленькая, малогабаритная советская квартира могла выдержать такие нагрузки...». В поле зрения нарратора оказываются различные институты советского общества и связанные с ними ритуалы: брак и советские свадьбы, пионерская организация и празднование советских годовщин, спорт как «цивильный способ войны СССР со всем миром». В ходе изложения биографического рассказа его герой сталкивается с различными стратами советского общества: интеллигенцией (к которой принадлежит сам), военными (к которым, к большой своей радости, не примыкает), номенклатурой, студенчеством. Большое внимание уделяется тому, что можно назвать категориями мышления [2] советского человека. Наряду с представлениями о детстве и смерти в поле зрения нарратора оказываются две ключевые категории: представление о светлом будущем и представление о свободе. Конструирование исторической реальности как хронотопа, принципиально отличного от современности, во многом опирается на выделение этих категорий. Содержание представлений советских людей о счастье раскрывается от имени нарратора, находящегося

в настоящем, в довольно ироничном ключе. Заострение внимания на несовпадении советских взглядов на жизнь с «истинной жизнью» выполняет две важные функции. Во-первых, создает образ советского Другого [10], принципиально отличного от современного человека. Во-вторых, структурирует иерархию соответствия репрезентаций истории реальности. На последнем месте стоит советская пропаганда, неадекватность которой видят сами советские люди. На втором месте – «ментальность» советского человека. Неспариваемой истиной владеет только современный нарратор. Стоит отметить, что советские коллективные представления подаются в фильме не как константа, а как динамически изменяющееся явление. На протяжении всей картины автор отмечает девальвацию советских ценностей. Вопрос о сути исторической реальности в данном монтажном фильме представляется довольно сложным. С одной стороны, автор не уделяет внимания политической истории, упоминая о ее событиях окказионально. С другой – категории мышления людей прошлого, равно как и их повседневные поступки, теряют свою реальность при столкновении с ретроспективной рефлексией нарратора. Характерным является введение в рассказ метафоры цирка для описания социальной ситуации в стране: «...надо сказать, что в шестьдесят седьмом году было пятидесятилетие не только советской власти, но и советского цирка. Соединение двух этих мероприятий на одной дате давало очень любопытный эффект». Деконструкцию реальности завершает последняя часть нарратива, из которой зритель узнает, что повествование из настоящего ведется от лица человека, который погиб в 1991 году. Но некоторые его знакомые до сих пор сомневаются в том, что он мертв. И сам он тоже в этом сомневается. Человек, чей образ кропотливо собирался из десятков чужих биографий на протяжении всего повествования, распадается обратно на отдельные фрагменты чужих историй.

Второй рассматриваемый проект – «Антология “студийные хроники”». Сценаристы: Сергей Ландо, Жанна Романова, Сергей Литвяков, Сергей Скворцов. Режиссеры: Сергей Ландо, Жанна Романова, Сергей Литвяков. Фильм произведен на Санкт-Петербургской студии документальных фильмов в 2001 году. Продолжительность черно-белого кино 60 минут. Фильм создан на основе архивных материалов Санкт-Петербургской студии документальных фильмов 1910–2000 годов и представляет собой обзор истории XX века. Хронологические рамки этого обзора значительно шире, чем у рассмотренного выше примера, но близость авторских подходов к освещению исторической реальности позволяет ставить их в один ряд при сравнении. В отличие от проекта В. Манского, «Антология» строится не вокруг одной биографической истории. В общем оформ-

лении киноленты сохраняется диахронический нарратив: первая глава «Антологии» озаглавлена «Приход», а завершающая – «Исход». Но внутри самих глав диахронический способ представления материалов не сохраняется: авторы монтируют друг с другом кадры, моменты съемок которых разделяют десятилетия, неоднократно возвращаются к одним и тем же образам на протяжении всего повествования, которое стремится описать ключевое содержание истории XX века. Поставленная задача диктует расширение используемого материала за счет привлечения кадров, запечатлевших не только события внутри страны, но и ритуалы африканских аборигенов, нацистские марши в Германии, боевые действия американских войск во Вьетнаме и т. п. В фильме отсутствует закадровый комментарий, но используется разделение на главы: Приход; Риторика; Великие Иллюзии; Неврастения; Война; Любовь; Исход. Краткий авторский текст дополняется другими средствами выразительности: монтажом видеоряда и аудиосопровождением. В большинстве случаев ощущение *punctum* [9] при просмотре фильма возникает в моменты контрастного монтажа. Например, приветствие Гитлером генералов вермахта монтируется с аналогичной сценой, участие в которой принимают Сталин и советские офицеры. Еще одним важным способом смыслообразования является монтаж кадров, соседство которых заставляет прочитывать видеоряд метафорически. Так, военная пляска африканских аборигенов выступает контрапунктом для главы «Война», повествующей преимущественно о Первой и Второй мировых войнах. Для главы «Неврастения» роль такого контрапункта выполняет образ карусели.

Авторы «Антологии» предлагают структуру исторической реальности, сильно отличающуюся от варианта «Частных хроник». Если в первом рассмотренном проекте политическое рассматривалось как несущественное на фоне повседневности, то в «Антологии» политическое и повседневность уравниваются, включаясь в общую категориальную рамку «Приход; Риторика; Великие Иллюзии; Неврастения; Война; Любовь; Исход». Подобная категоризация описывает реальность на онтологическом уровне, соединяя в ряде сопоставимых категорий эмоции, социальные явления и философские понятия. Но, несмотря на довольно размытую категориальную рамку, авторы описывают преимущественно культурную историю XX века, пытаясь выделить ключевые для этой истории понятия. История XX века представляет собой уникальный феномен, существующий в строго определенном хронотопе и обнаруживающий причинно-следственных связей ни с прошлым, ни с настоящим. Внутреннее пространство хронотопа, ограниченное «Приходом» и «Исходом», имеет сложную хронологию. Обозначенные категории представляют собой

определенный нарратив, где из риторики вырастают великие иллюзии, ведущие к неврастению и войне, которые завершаются любовью и исходом. Но внутри самого хронотопа события не диахроничны, обозначенная последовательность онтологических категорий представляет собой определенную причинно-следственную связь, повторяющуюся многократно. Это позволяет авторам выстраивать длинные синонимичные ряды, показывая общность риторики Ленина, Горбачева, Сталина, Гитлера, Че Гевары, Муссолини, Ельцина, Маяковского, Горького, Брежнева, Хрущева, Горбачева, Сталина, на чьи выступления из зала смотрит жующий жвачку молодой Путин. Синонимичные образы внутри хронотопа не выстраиваются в эксплицитно обусловленную последовательность, могут повторно встраиваться в ряд. Фигура Другого, человека XX века, создается путем заострения внимания на феномене указанной выше последовательности онтологических категорий. Для акцентирования особенностей Другого общества авторы используют контрастные кадры, вводящие в нарратив метафоры: ярмарочная суматоха, бесконечное кружение каруселей, воинственные танцы аборигенов создают ощущение хаотичности социальной истории. На протяжении всего видеонарратива сама описываемая реальность подвергается некоторой девальвации через введение контрапунктом образа кинозала: люди разных эпох приходят в кинозал и смотрят документальное кино про людей, которые рано или поздно придут в кинозал смотреть кино. Репрезентируемая реальность благодаря введению этого контрапункта приобретает характер отражения изображения.

Последним рассмотрим монтажный фильм Сергея Лозницы «Представление». Фильм был смонтирован в 2008 году в копродукции ФГУП «ТПО «Санкт-Петербургская студия документальных фильмов», ma.ja.de. filmproduction, MDR, Inspiration Films, YLE Teema. Продолжительность ленты – 83 минуты. Согласно синопсису ленты, она посвящена практически забытым сторонам советской жизни и образу мыслей того времени, обзору жизни, наполненной лишениями и абсурдными ритуалами, но в то же время освещенной сиянием великой коммунистической иллюзии [5]. Автор отмечает также свою интенцию проследить за изменением отношения советских людей к кинокамере в конце пятидесятых – шестидесятых годов. Основной же целью С. Лозницы было продемонстрировать разницу между «настоящей жизнью советских людей, вкусом, запахом настоящей истории» [8] и тотальным политическим спектаклем, в котором они участвовали [1]. Фильм создан на основе выпусков киножурнала «Наш край» с 1957 по 1967 год [1] Ленинградской студии документальных фильмов. Из авторского комментария становится понятно, что при монтаже соблюдался диахро-

нический подход к материалу. Сюжетно фильм напоминает работу по культурной антропологии – он представляет собирательный годовой цикл жизни общества, включающий в себя смену сельскохозяйственных работ и цикл советских праздников. Второй сюжетной линией выступает взаимодействие двух уровней советской жизни – постепенное вытеснение из кадра «настоящей истории» советской пропагандой. Как и в предыдущем проекте, в «Представлении» отсутствует закадровый комментарий. Художественный эффект создается исключительно за счет монтажа изображения и звука. Для достижения ощущения разрыва между исторической реальностью и советской пропагандой автор использует контрастный монтаж. Например, переходя от съемок тяжелого колхозного труда к постановке пропагандистской пьесы – «лирической комедии из колхозной жизни», а от цикла сталелитейного производства – к обещаниям передовиков перевыполнить план. Большое внимание уделяется информационному потенциалу аудиоряда. В отношении некоторых кадров была проделана работа по восстановлению оригинального звука кинозаписи, замененного в киножурналах на дикторский комментарий. Вместе монтируются кадры, сопровождаемые только производственными шумами или невнятной речью находящихся в кадре людей, и кадры, представляющие разные формы советской пропаганды (дикторский текст, интервью с ударниками производства, кадры из советских фильмов и спектаклей). Это приводит к ощущению противопоставления молчащей материальности тотальному спектаклю, представлению о советской жизни. Собственно, по этой причине слово «Представление» вынесено в заголовок фильма [1]. Несмотря на разделение исторической реальности на «настоящую жизнь» и «советскую пропаганду», сам автор, рефлексируя в своих интервью о получившейся картине, говорит, что слово «представление» описывает как содержание фильма, так и его форму. Указывая на собственные эстетические эксперименты над обрабатываемым материалом, он лишает репрезентируемую «настоящую жизнь» статуса окончательной реальности.

Если рассматривать монтажное кино не только как конечный продукт (готовые фильмы), но как процесс, включающий в себя поиск архивного материала, его обработку и создание картины, то все три рассмотренных выше проекта можно сравнить по способу производства исторической реальности. Обращаясь к официальной или полуофициальной визуальной репрезентации советской истории, авторы прикладывают к доступному им материалу собственную категориальную сетку, которая должна описывать историческую реальность. Обнаруживая несоответствие официального гранд-нарратива о прошлом собственным представлениям, они декон-

струируют исторический нарратив и монтируют его заново. В двух случаях («Частные хроники» и «Представление») авторы новых концепций вступают в полемику с иными способами репрезентации реальности, выделяя в одном случае два, а в другом – один способ представления прошлого. В случае «Антологии» изначальная репрезентация (советская идеология), по сути, не подвергается деконструкции, а вводится в но-

вое повествование на правах феномена культурной истории. Но во всех трех проектах авторы с той или иной степенью настойчивости отмечают сконструированность собственного варианта исторической реальности. Таким образом, монтажное кино о советском не претендует на замещение гранд-нарратива, а подобно работам по исторической антропологии дополняет существующую полифонию историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейкер М. Игра в неигровое // Искусство кино [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goo.gl/tL4jlo>
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы. Коллаж. М.: ИФ РАН, 1997. 256 с.
4. Кром М. М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Квадрига, 2010. 80 с.
5. Лозница С. Представление. Синописис [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://loznitsa.com/movies/revue/?lang=ru>
6. Манский В. Частные хроники. Диалог [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://otkakva.net/interview/mansky/index.htm>
7. Медик Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. II. Вып. 4. М., 1994. С. 193–202.
8. Сульский О. Советский Цирк // НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://goo.gl/a08jpR>
9. Barthes R. La Chambre Claire Note sur la Photographie. Available at: <http://klinamen.com>
10. Certeau M. de. The Writing of History. N. Y.: Columbia University Press, 1988. P. 209–226.
11. Jenkins K. A Postmodern Reply to Perez Zagorin // History and Theory. 2000. Vol. 39. № 2. May. P. 89–110.

Blyshko D. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONSTRUCTION OF REALITY: CONCEPTS OF DAILY LIFE HISTORY IN POST-SOVIET DOCUMENTARY FILMMAKING

The article examines three cases of the post-Soviet representation of the Soviet everyday life in documentary films based on archival footages. Development of different scientific concepts pertaining historical reality is studied. Production of the visual mode of historical reality involves multiple steps including selection of categorical frameworks of historical description, selection of visual materials, installation of video and audio dubbing, and the authors' reflection on different versions of representation of the past in documentaries. The films "Private chronicles" and "the Monologue" define two different types of ideology based on representation of the Soviet past: an official newsreel and ideology-driven home video footages of the Soviet citizens. The projects "Revue" and "Private chronicles" controvert Soviet propaganda. In the case of "Anthology" the Soviet ideology is shown as a phenomenon of cultural history. In all three cases a question on the adequacy of contemporary representation of the past as historical reality is raised. The authors underline the fact that they constructed their own concept of historical reality.

Key words: public history, concepts of historical reality, documentary, compilation films

REFERENCES

1. Beyker M. Playing non-fiction [Igra v neigrovoe]. *Iskusstvo kino*. Available at: <http://goo.gl/tL4jlo>
2. Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 350 p.
3. Kozlova N., Sandomirskaya I. "Naivnoe pis'mo" i proizvoditeli normy. *Kollazh* [Naive writing and producers of norms. Collage]. Moscow, IF RAN Publ., 1997. 256 p.
4. Krom M. M. *Istoricheskaya antropologiya: Posobie k leksionnomu kursu* [Historical Anthropology: A Textbook]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Petersburge: Kvadriga Publ., 2010. 80 p.
5. Loznitsa S. *Predstavlenie. Sinopsis* [Revue. Synopsis]. Available at: <http://loznitsa.com/movies/revue/?lang=ru>
6. Manskiy V. *Chastnye khroniki. Dialog* [Private Chronicles. Dialogue]. Available at: <http://otkakva.net/interview/mansky/index.htm>
7. Medik H. Microhistory [Mikroistoriya]. *THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [THESIS. Theory and history of economic and social institutions and systems]. Vol. II. Issue 4. Moscow, 1994. P. 193–202.
8. Sul'skiy O. Soviet circus [Sovetskiy tsirk]. *NOVOE RUSSKOE SLOVO* [New Russian word]. Available at: <http://goo.gl/a08jpR>
9. Barthes R. La Chambre Claire Note sur la Photographie. Available at: <http://klinamen.com>
10. Certeau M. de. The Writing of History. N. Y.: Columbia University Press, 1988. P. 209–226.
11. Jenkins K. A Postmodern Reply to Perez Zagorin // History and Theory. 2000. Vol. 39. № 2. May. P. 89–110.

Поступила в редакцию 24.11.2014

УДК 94(470.22)''1917/1991''

СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ВАНИЧЕВ
аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
Stavan2009@mail.ru

ФИНСКАЯ СЕКЦИЯ РАДИОКОМИТЕТА КАРЕЛИИ В 1930-Е ГОДЫ: ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Впервые на основе материалов Национального архива РК раскрыто воздействие политики финнизации на работу радиовещания в республике. Большинство работников Радиокomiteта, включая руководство, были эмигрантами финского происхождения из Финляндии, США и Канады. Передачи, создаваемые эмигрантами, занимали большую часть радиозэфира и резко отличались от передач русского вещания меньшим количеством пропаганды и превалярованием тематики жизни в Финляндии, что в итоге стало поводом для ликвидации финского вещания и арестов работников-финнов в ходе репрессий.

Ключевые слова: финнизация, радиовещание, Радиокomiteт

Вопросы взаимодействия средств массовой информации и государства в условиях мультиязычной и полиэтничной среды не теряют актуальности в современной Карелии. Обращение к историческому опыту дает возможность рассмотреть различные модели отношений СМИ и власти.

Радиовещание, начатое в СССР на регулярной основе в 1924 году, стало важной частью системы государственной пропаганды, оно сопровождало и освещало все значимые явления советской действительности. В Карелии, где в 1931 году был создан Радиокomiteт, этот канал связи стал непосредственным рупором проводившейся в республике в 1920–1930-е годы политики финнизации: внедрения финской культуры, искусства, языка, письменности, – осуществлявшейся силами финских иммигрантов, переехавших в СССР после поражения финской революции и занимавших влиятельные посты в руководстве Карелии. В первой половине 1930-х годов финская диаспора Карелии пополнилась иммигрантами из США и Канады.

Тематика, связанная с финнизацией региона в 1920–1930-е годы, привлекает внимание как российских, так и зарубежных исследователей. Советская историография скупо освещала вопросы, касающиеся причин и последствий этой политики, сосредотачиваясь на практических шагах по распространению финского языка и финской культуры [1], [2]. В 1990–2000-е годы в России выходят исследования А. А. Левкоева [9], Ю. М. Килина [8], И. Р. Такала [13], [14] и других историков, которые с разных позиций подходили к вопросам о сущности финнизации, ее истоках и судьбах финских иммигрантов в СССР.

В зарубежной историографии можно выделить классические работы Й. Вахтола [20], Т. Ньюгорда [19], С. Черчилля [17], М. Яскеляйнена [18]

о развитии финского национального движения и роли в нем карельских земель и исследования современных финских историков Тимо Вихавайнена [4], [5] и Маркку Кангаспуру [7], касающиеся роли финских национальных идей и ожиданий в осуществлении финнизации.

Упомянутые работы создают необходимый фон для изучения деятельности существовавшей в 1930-е годы при Комитете по радиовещанию и радиофикации секции финского вещания. Цель данной статьи – рассмотреть особенности работы Радиокomiteта в условиях политики финнизации с момента его образования в 1931 году вплоть до репрессий его сотрудников в 1935–1938 годах, в результате которых финская секция была обескровлена и ликвидирована.

Необходимо отметить, что история как Радиокomiteта, так и радиовещания в Карелии в целом изучена крайне слабо. Фрагментарно радио рассматривалось наряду с другими СМИ как составляющая культурного строительства, а также в рамках изучения Великой Отечественной войны в Карелии [3], [6], [10], [11], [12].

В качестве источников в статье использованы материалы Национального архива Республики Карелия (НА РК), включающие в себя постановления и протоколы заседаний СНК и Карельского областного комитета ВКП(б). Привлечены партийные биографии работников Радиокomiteта – членов ВКП(б), а также мемуарные источники.

Начиная с декрета 1918 года «О централизации радиотехнического дела» советская власть старалась взять под полный контроль радиосвязь, видя в ней огромный потенциал для пропаганды. С 1924 года радиовещание стало развиваться под контролем государственного акционерного общества «Радиопередача». 10 сентября 1931 года был образован Всесоюзный комитет по радиовещанию при Наркомате почт и телегра-

фов СССР (ВКР) [16]. В 1931 году собственный Радиокomiteт начал работу в Карелии. Он стал ответственен за создание и выход в радиоэфир передач, трансляция которых из центра началась с открытия в Петрозаводске в 1926 году первой в Карелии широкоэвещательной радиостанции¹.

Наряду с этим в 1931 году на заседании Каробкома ВКП(б) было принято постановление, в котором указывалось на необходимость «решительно усилить программу передачи на национальном языке» на территории Карелии². Под «национальным языком» подразумевался финский [13], [14]. В постановлении «О радиовещании» от 9 февраля 1932 года устанавливалась «норма ежедневного плана работы эфира», в котором из двенадцати часов восемь отводились финскому вещанию, а оставшиеся 4 часа заняли русскоязычные передачи³.

В соответствии с этой нормой в Радиокomiteте были созданы две секции: русская и финская, с параллельными отделами художественного и политического эфира. Каждая секция включала в себя производственный сектор, сектор партработы и информации, музыкальной, комсомольской, колхозной передач, технической и агротехнической пропаганды⁴. При Радиокomiteте в это время также работали симфонический оркестр и струнный квартет⁵. Всего в организации в 1934 году насчитывалось 75 сотрудников: 8 ответственных работников, 12 редакторов, 15 технических работников, 3 практиканта и 37 артистов⁶.

Кадровый состав Комитета отражал тот приоритет, который отводился вещанию на финском языке. В 1934 году в организации работали 52 финна, 22 русских и один карел⁷. Из числа сотрудников-финнов большинство прибыло в СССР после 1930 года, прежде всего из Америки (32) и Финляндии (9)⁸. Свыше двадцати из них по состоянию на 1934 год не были гражданами СССР и не подавали заявлений на гражданство⁹.

В финскую секцию в этот период пришли люди с разнообразным жизненным опытом и профессиональными навыками. Первый председатель Радиокomiteта Йоганн Лумивуокко и его заместитель Отто Вильми были активными участниками социал-демократического движения в Финляндии, работали в печати, а после поражения финской революции иммигрировали в СССР, в Карелию, где стали трудиться на различных должностях в государственном и партийном аппарате¹⁰. Агитацией и пропагандой на финском языке некоторое время занималась журналистка Ханна Кангасниemi, также приехавшая из Финляндии¹¹. Редактором литературно-драматического вещания была писательница финского происхождения Лидия Гренлунд¹², родившаяся в Санкт-Петербурге. Симфоническим оркестром руководил дирижер Карл Раутио, долгое время живший в США¹³. Безусловно, финские специалисты привносили в свою работу на радио опыт,

накопленный ими за пределами Карелии и СССР, что в некоторой степени определило особенности вещания на финском языке в данный период.

Количество часов в эфире распределялось с учетом приоритетного значения политических передач. В 1934 году в финской секции они занимали половину эфирного времени. Остальное время отводилось для художественного вещания, информации и объявлений¹⁴.

Политическое вещание на финском языке в сущности повторяло русскую передачу и обычно сводилось к трансляции партийных докладов, сообщений ТАСС, изложению на финском языке содержания печатных изданий, таких как «Правда» и «Известия»¹⁵. При этом форма подачи сообщений на финском языке отличалась от русскоязычного эфира: информация, судя по материалам партийных проверок, подавалась более коротко и была лишена типичных для советской агитации лозунгов и оборотов¹⁶.

Художественное вещание, в отличие от политического, было более самобытным. В литературных передачах транслировались воспоминания работников-эмигрантов о Финляндии, Канаде и Америке, произведения советских писателей и классиков. Например, за 4 месяца 1935 года по радио на финском языке были переданы 9 произведений русских советских писателей, 29 – местных авторов, 5 – иностранных пролетарских писателей, 19 – русских и заграничных классиков и одно произведение финской классики¹⁷. Перед микрофоном выступали Ялмари Виртанен, Эмиль Паррас, Николай Яккола и другие литераторы¹⁸. Основной тематикой произведений «была жизнь и классовая борьба в Финляндии и Америке»¹⁹, тогда как общесоюзная тематика, связанная с индустриализацией и развитием Карелии, была представлена слабее.

В музыкальных передачах большое место уделялось местному музыкальному материалу на основе финских и карельских народных мотивов²⁰. При Радиокomiteте был собран большой коллектив сочинителей, музыкантов и исполнителей, среди которых было много финнов по национальности: Карл Раутио, Лаури Йоусинен, Катри Ламми, Гертруда Грандель и другие²¹. Кроме того, по радио передавались «заграничные фокстроты, классики, народные песни, революционные песни». Исполнение же произведений советских композиторов занимало «очень небольшое место»²².

Подтверждением особой значимости, которая придавалась финскому вещанию, является то, с какой тщательностью органы партийного контроля собирали сведения о его работе, фиксируя подробности, отмечая значимые, по их мнению, нарушения в работе Радиокomiteта.

В 1933–1935 годах на ряде заседаний Каробкома ВКП(б) работники Радиокomiteта были обвинены в «протаскивании буржуазных нацио-

налистических идей на радио»²³. По мнению партработников, русское население обслуживалось радио недостаточно²⁴; «идейно-политический уровень радиопередачи был чрезвычайно низок, допускались грубые извращения в разъяснении отдельных вопросов политики партии»²⁵; в радиопередачах финское крестьянство представлялось крестьянством вообще, без разделения на классы, а угнетал их только русский царь; карелы «рассматривались как единая нация и противопоставлялись большевикам»²⁶ и т. д. Внутри коллектива Радиокomiteта проверяющие находили «трения и дразги»²⁷. Поводом к недовольству было также то, что некоторые сотрудники, включая, к примеру, Отто Вильми, русского языка практически не знали [15; 50–53]. Иностранцы, кроме того, имели льготный доступ к хорошо снабжавшимся магазинам «Инснаба» вплоть до их закрытия, куда поставлялись импортные товары²⁸.

Эти претензии оставались без сколь-либо значительных последствий вплоть до конца 1935 года, когда финское руководство Карелии было снято со своих постов. С началом репрессий собранные материалы стали доказательной базой для обвинений финнов в «буржуазном национализме». В 1935 году началась «чистка» Радиокomiteта: одними из ее первых жертв стали Йоганн Лумивуокко и Отто Вильми. Лумивуокко был уволен с завуалированной формулировкой «ввиду слабого состояния здоровья»²⁹. Чуть позже органы НКВД арестовали Отто Вильми по обвинению в «создании опорной сети финского на-

ционализма» [15; 50–53]. Оба они были расстреляны³⁰, так же как редактор и парторг Комитета Оскар Каяла³¹, редактор Ханна Кангасниemi³² и многие другие. Вслед за руководством репрессии коснулись рядовых сотрудников.

К 1938–1939 годам «враги народа» были из Радиокomiteта республики почти полностью изгнаны. Из-за отсутствия кадров, способных заменить уволенных и репрессированных работников, деятельность организации оказалась парализована. Радиовещание сократилось до 1–2 часов в сутки, а трансляции литературных и музыкальных произведений фактически прекратились³³. Финская секция была ликвидирована и заменена вещанием на карельском языке, что соответствовало новой партийной линии³⁴.

Таким образом, иностранное происхождение большей части сотрудников секции, артистов, редакторов, а также руководства Радиокomiteта серьезным образом повлияло на содержание радиопередач на финском языке, занимавших основную часть эфирного времени в Карелии первой половины 1930-х годов. В годы репрессий структура организации, где превалировал «финский компонент», а также само содержание радиопередач послужили поводом к увольнениям и арестам работников Радиокomiteта. Ликвидация финской секции парализовала художественное вещание и сократила до минимума другие стороны деятельности Комитета. В итоге радиовещание в республике в конце 1930-х годов пришлось начинать с нуля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НА РК. Ф. Р–243. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

² Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 538. Л. 28.

³ Там же. Д. 687. Л. 40.

⁴ Там же. Д. 157. Л. 28.

⁵ Там же. Ф. Р–243. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.

⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157. Л. 23–26.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157. Л. 23–26.

⁹ Там же. Л. 23–26 (?).

¹⁰ См.: НА РК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 6396. Л. 1–9; Д. 1678. Л. 1–9.

¹¹ Там же. Ф. Р–243. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Кангасниemi Ханна Андреевна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=2336>

¹² НА РК. Ф. Р–243. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

¹³ Там же. Ф. Р–3022. Оп. 2. Д. 9. Л. 1 (?).

¹⁴ Там же. Л. 27 (?).

¹⁵ Там же. Д. 361. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2–3.

¹⁷ Там же. Л. 7–8.

¹⁸ Там же. Ф. Р–243. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.

¹⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 361. Л. 8.

²⁰ Примером «народных мотивов» может служить поэма «Айно» Рувима Пергамента, которая была создана во время работы композитора в Радиокomiteте. См.: НА РК. Ф. Р–243. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.

²¹ См.: Там же. Д. 22. Л. 1–11; Там же. Д. 30. Л. 17–29.

²² Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 361. Л. 12.

²³ Там же. Л. 1–22; Д. 157. Л. 21–30; Д. 7. Л. 73.

²⁴ Там же. Д. 138. Л. 48.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 361. Л. 8–9.

²⁷ Там же. Д. 157. Л. 21–24 (?).

- ²⁸ В одном из обнаруженных в архиве документов от 1933 года Наркопрос КАССР просит Правительственную комиссию СНК оставить на довольствии в «Инснабе» 12 наиболее ценных работников Радиокomiteета финского происхождения. См.: НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 262. Л. 22.
- ²⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 264. Л. 115.
- ³⁰ См.: Вильми Отто Генрихович [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=1261>; Лумивуокко Иоганн-Генрих Генрихович [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=5604>.
- ³¹ Каяла Оскар Иванович [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=2830>.
- ³² Кангасниemi Ханна Андреевна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=2336>
- ³³ НА РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 66. Л. 80.
- ³⁴ Там же. Д. 137. Л. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии, 1928–1940. Петрозаводск: Карелия, 1989. 279 с.
2. Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 49–66.
3. Винокуров В. Миром правит связь: 80 лет назад в Петрозаводске была введена в строй первая ширококонтинентальная радиостанция с радиусом действия 600 км // ТВР-Панорама. 2006. № 46. С. 5.
4. Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920–1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнен. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 15–41.
5. Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб.: Изд-во «Журнал Нева», 2000. 288 с.
6. Иванов А. Карельскому радио – пятьдесят лет // Север. 1968. № 1. С. 98.
7. Кангаспуру М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнен. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 123–160.
8. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.
9. Левкоев А. А. Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 20 с.
10. На любимой волне Радио Карелии: 21 ноября коллектив Радио Карелии праздновал свое 80-летие // ТВР-Панорама. 2006. № 47. С. 4.
11. Петричева А. С. «Сегодня, 22 июня 1941 года...»: карельское радио в годы войны // ТВР-Панорама. 2001. № 47. С. 25.
12. Петричева А. С. «Слушайте!»: с этого призыва 75 лет назад начиналось Радио Карелии // ТВР-Панорама. 2001. № 44. С. 8.
13. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Изд-во «Журнал Нева», 2002. 172 с.
14. Такала И. Р. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 522–532.
15. Цыганков А. М. Их называли КР: Репрессии в Карелии 1920–1930-х годов. Петрозаводск: Карелия, 1992. 336 с.
16. Шерель А. А. Радиожурналистика. М.: Изд-во МГУ, 2000. 367 с.
17. Churchill S. Itä-Karjalan Kohtalo 1917–1922. Ita-Karjalan itsehallinto kysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo, 1970. 217 s.
18. Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys: Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamista misyrytykset Suomen ulkopoliitikassa 1918–1920. Väitöskirja, Helsingin yliopisto. 2. painos, näköispainos (1. painos 1961). Helsinki: WSOY, 2003. 355 s.
19. Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Otava; Helsinki, 1978. 342 s.
20. Vahtola J. Östskarelen i finländsk politik 1917–1945. Faravid 13/89. Jyväskylä, 1990. S. 177–192.

Vanichev S. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**FINNISH DEPARTMENT OF KARELIAN RADIO COMMITTEE IN 1930S:
CHARACTERISTIC FEATURES OF ITS ACTIVITY**

Based on the materials of the National archives of the Republic of Karelia, the impact of the “finnization” policy on the work of the radio broadcasting company working on the territory of the Republic was revealed. The majority of workers of the Radio committee, including administrative authorities, were emigrants of Finnish origin from Finland, USA and Canada. The programs, developed by the working emigrants, covered the biggest part of the broadcasting time. They also differed a lot from the Russian radio programs by less amount of propaganda. Most of the programs developed by the Finnish department of Karelian radio committee were devoted to the lifestyle and customs of Finland. Such policy resulted in liquidation of the Finnish broadcasting department and subsequent arrests of the Finnish workers during repressions.

Key words: finnization, radiobroadcasting, Radio committee

REFERENCES

1. Afnas'eva A. I. *Kul'turnye preobrazovaniya v Sovetskoy Karelii, 1928–1940* [Cultural transformations in Soviet Karelia, 1928–1940]. Petrozavodsk, 1989. 279 p.
2. Afnas'eva A. I. Creation of the Soviet national autonomy and some issues of language building in Karelia [Soznanie sovetckoy natsional'noy avtonomii i nekotorye voprosy yazykovogo stroitel'stva v Karelii]. *Voprosy istorii Evropeyskogo Severa* [Questions of history of the European North]. Petrozavodsk, 1987. P. 49–66.

3. Vinokurov V. The world is ruled by the communication: 80 years ago the first broadcast station with a range of 600 km was founded in Petrozavodsk [Mirom pravit svyaz': 80 let nazad v Petrozavodske byla vvedena v stroy pervaya shirokoveschchatel'naya radiostantsiya s radiusom deystviya 600 km]. *TVR-Panorama*. 2006. № 46. P. 5.
4. Vikhavyainen T. The National policy WCP (b) / The Communist Party in the 1920–1950s and the fate of Karelian and Finnish nationalities [Natsional'naya politika VKP(b) / KPSS v 1920–1950-e gody i sud'by karel'skoy i finskoy natsional'nostey]. *V sem'e edinoj: Natsional'naya politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920–1950-e gody* [United family: the National Policy of the Bolshevik Party and its implementation in the North-West of Russia in the 1920–1950s]. Petrozavodsk, 1998. P. 15–41.
5. Vikhavyainen T. *Stalin i finny* [Stalin and Finns]. St. Petersburg, 2000. 288 p.
6. Ivanov A. Karelian radio turned fifty years [Karel'skomu radio – pyat'desyat let]. *Sever*. 1968. № 1. P. 98.
7. Kangaspuro M. Finnish era of Soviet Karelia [Finskaya epokha Sovetskoy Karelii]. *V sem'e edinoj: Natsional'naya politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920–1950-e gody* [In a single family: the National Policy of the Bolshevik Party and its implementation in the North-West of Russia in the 1920–1950s]. Petrozavodsk, 1998. P. 123–160.
8. Kilin Yu. M. *Kareliya v politike sovetского gosudarstva 1920–1941* [Karelia in Soviet policy 1920–1941]. Petrozavodsk, 1999. 275 p.
9. Levkoev A. A. *Natsional'naya politika v Sovetskoy Karelii (1920–1928 gg.): Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [The National policy in Soviet Karelia (1920–1928). PhD in Hist. diss.]. St. Petersburg, 1995. 20 p.
10. On your favorite radiowave of Radio Karelia: November 21, the team of Karelian Radio celebrated its 80th anniversary [Na lyubimoy volne Radio Karelii: 21 noyabrya kollektiv Radio Karelii prazdnoval svoe 80-letie]. *TVR-Panorama*. 2006. № 47. P. 4.
11. Petricheva A. S. “Today, June 22, 1941...”: Karelian radio during the war [“Segodnya, 22 iyunya 1941 goda...”: karel'skoe radio v gody voyny]. *TVR-Panorama*. 2001. № 47. P. 25.
12. Petricheva A. S. “Listen!”: With this appeal Radio Karelia began its work 75 years ago. [“Slushayte!”: s etogo prizyva 75 let nazad nachinalos' Radio Karelii]. *TVR-Panorama*. 2001. № 44. P. 8.
13. Takala I. R. *Finny v Karelii i v Rossii: Istoriya vozniknoveniya i gibeli diaspory* [Finns in Karelia and in Russia: The history of diaspora's appearance and demise]. St. Petersburg, 2002. 172 p.
14. Takala I. R. Finnish migrants in Karelia and the Kola Peninsula [Finskie pereselentsy v Karelii i na Kol'skom poluostrve]. *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [Finnic peoples of Russia]. Moscow, 2003. P. 522–532.
15. Tsygankov A. M. *Ikh nazывali KR: Repressii v Karelii 1920–30-kh godov* [They were called KR: Repressions in Karelia in the 1920–30s]. Petrozavodsk, 1992. 336 p.
16. Sherel' A. A. *Radiozhurnalistika* [Radio journalism]. Moscow, 2000. 367 p.
17. Churchill S. *Itä-Karjalan Kohtalo 1917–1922. Ita-Karjalan itsehallinto kysymys Suomen ja Neuvosto-Venajan valisissa suhteissa 1917–1922*. Porvoo, 1970. 217 s.
18. Jääskeläinen M. *Itä-Karjalan kysymys: Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteutta misyrytykset Suomen ulkopoliitikassa 1918–1920*. Väitöskirja, Helsingin yliopisto. 2. painos, näköispainos (1. painos 1961). Helsinki: WSOY, 2003. 355 s.
19. Nygård T. *Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa*. Otava; Helsinki, 1978. 342 s.
20. Vahtola J. *Östskarelen i finländsk politik 1917–1945*. Faravid 13/89. Jyväskylä, 1990. S. 177–192.

Поступила в редакцию 22.03.2015

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗОНТОВА
аспирант кафедры истории и политологии общеэкономического факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
zontova_evgenia@mail.ru

УСАДЬБА МИХАЙЛОВСКОЕ ПОСЛЕПУШКИНСКОЙ ПОРЫ (1837–1899 ГОДЫ)

Статья посвящена истории пушкинской усадьбы Михайловское с момента смерти поэта до празднования столетней годовщины его рождения. Большой интерес представляют сведения о принадлежности имения наследникам А. С. Пушкина, информация о его разделах между детьми поэта. Приход Михайловского в упадок к 60-м годам XIX века вынудил его владельца, сына поэта Г. А. Пушкина, построить новый господский дом взамен прежнего. Российское общество отреагировало на это событие крайне негативно, в адрес Г. А. Пушкина раздавалась масса обвинений, что он не чтит память о своем великом отце, не ухаживает за его могилой. Приближающийся столетний юбилей поэта, увеличение числа паломников и отсутствие заботы о фамильном кладбище Пушкиных со стороны монастырских властей стали предпосылками для выкупа и передачи имения и могилы поэта в государственную собственность в 1899 году.

Ключевые слова: усадьба, Михайловское, А. С. Пушкин, столетняя годовщина рождения, государственная собственность

В истории Михайловской усадьбы послепушкинской поры существует период, который зачастую опускается исследователями. Шесть десятилетий, прошедшие со времени похорон великого поэта до празднования столетия со дня его рождения в 1899 году, отмечавшегося в Святых Горах с особым размахом, стали переходным этапом в судьбе пушкинской усадьбы и имеют огромное значение для историков и пушкинистов.

После трагической гибели А. С. Пушкина 29 января 1837 года император Николай I распорядился тайно перевезти тело поэта для захоронения в Святогорский монастырь¹. В ночь с 3 на 4 февраля 1837 года дроги с гробом А. С. Пушкина, заколоченным в ящик, в сопровождении дядьки поэта Н. Т. Козлова и друга А. И. Тургенева, а также жандарма отправились в путь «до последнего жилища поэта» [10; 146]. Ранним утром 6 февраля 1837 года после заупокойной обедни ящик с гробом А. С. Пушкина был захоронен в неглубокой могиле у стен Успенского собора Святогорского монастыря. Весной настоятель монастыря отец Геннадий распорядился вырыть настоящую могилу и похоронить поэта «уже окончательно». По распоряжению П. А. Осиповой под землей был выстроен кирпичный склеп. В книге И. И. Василева «Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии» имеется описание вышеуказанных событий: «Тело поэта привезено в Св. Горы ранним утром 6-го февраля и тогда же погребено, но так как в это время земля была мерзлая, то, по спешности дела, смоляной ящик просто зарыли в снег, и уже весною, когда земля оттаяла, он был закопан в землю...» [3; 10].

В 1837 году на могиле А. С. Пушкина был установлен обыкновенный деревянный крест.

Единственное описание захоронения 1837 года принадлежит другу поэта П. А. Плетневу: «За церковью, перед алтарем, представляется площадка шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по-другому. Она похожа на крутой обрыв... Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аршина. Она уложена дерном. Посередине водружен черный крест, на котором из белых букв складывается имя “Пушкин”» [8]. В августе 1841 года на могиле А. С. Пушкина был установлен мраморный памятник на гранитном постаменте, выполненный по заказу вдовы поэта Н. Н. Пушкиной петербургским мастером А. М. Пермагоровым.

Вдова и дети А. С. Пушкина после смерти поэта получили право владения частью имения в с. Михайловском. Другими совладельцами были брат поэта Л. С. Пушкин, сестра О. С. Павлицева (Пушкина) и отец С. Л. Пушкин². Семья А. С. Пушкина после гибели отца и супруга проживала в Полотняном заводе (с семьей брата Н. Н. Пушкиной Д. Н. Гончарова. – Е. З.) и чувствовала себя там достаточно стесненно.

В феврале 1837 года Н. Н. Пушкина обратилась к императору Николаю I с просьбой учредить опеку над семьей поэта [4; 249–250], а позже в письме к графу М. Ю. Виельгорскому, одному из опекунов, спрашивала о возможности выкупа с. Михайловского в собственность семьи поэта: «Мне необходим свой угол, мне необходимо быть одной, с своими детьми. Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой, которую любил он особенно, близ которой погребен и прах его. Я говорю о селе Михайловском... Цены ему нет для меня и детей моих. Оно для нас драгоценнее

всего на свете...» [5; 287–288]. Дело по выкупу Михайловского состоялось в 1844 году³. После выплаты каждому сонаследнику (в том числе и самой Н. Н. Пушкиной) суммы в размере 425 руб. родовая усадьба стала принадлежать малолетним детям А. С. Пушкина [5; 306].

В Михайловское Н. Н. Пушкина вместе с детьми приезжала дважды: летом 1841 и 1842 годов. Из ее переписки с П. А. Вяземским и братом Д. Н. Гончаровым [12; 13] видно, что дом поэта к этому времени сильно обветшал⁴. «От дождя и ветра прикрыть себя надобно, и несколько плотников за небольшие деньги все устроить могут. Если вы и сентябрь проведете в деревне, то и тут нужно себя оконопатить и заделать щели» [7; 92], – писал близкий друг поэта П. А. Вяземский. Мелкий ремонт в господском доме был произведен летом 1841 года. Семья А. С. Пушкина находилась в Михайловском до конца октября. Для зимовки дом был по-прежнему непригоден. В 1844 году вдова А. С. Пушкина вышла замуж за генерала П. П. Ланского и больше никогда не возвращалась в Михайловское.

В 1844 году Михайловское перешло в собственность детей А. С. Пушкина: сыновей Александра и Григория и дочерей Марии и Наталии. В 1856 году между ними произошел раздел, по которому двум братьям А. А. и Г. А. Пушкиным отошли доставшиеся по наследству от отца имения, а сестры М. А. Пушкина и Н. А. Дубельт (Пушкина) взамен принадлежащих им частей имений получили от братьев по 28 571 руб. 50 коп. серебром [5; 325].

Около двух десятилетий (до 1866 года) никто из наследников не жил в пушкинской усадьбе. Дом поэта продолжал разрушаться, зарастали парковые аллеи и пруды. Спустя одиннадцать лет после смерти А. С. Пушкина в Михайловском побывал журналист и литературный критик Д. И. Мацкевич. В болгаринской «Северной пчеле» он описал безрадостную картину увиденного им: «Где были спальня и кабинет Пушкина теперь тут ветхость и запустение: сгнившие полы, отвалившаяся со стен штукатурка, потолки, в иных комнатах провалившиеся, а в других угрожающие ежеминутным падением... Везде гений разрушения положил сокрушительный след свой. Я поспешил во двор, на чистый воздух, чтоб удалить от себя это морозящее чувство обветшалости и дикой пустоты в тех самых местах, где билось сердце, улыбались уста, раздавались приветливые звуки душевной речи. Вам хотелось бы унести на память хоть цветок, но вы напрасно станете искать его: все кругом окружено ковылем, да бурьяном» [12; 16].

Похожее описание содержат записи, сделанные педагогом К. А. Тимофеевым во время поездки на могилу А. С. Пушкина и при осмотре Михайловского в 1859 году: «Мы вошли в прихожую, отворяем дверь в зал... Нет, лучше бы туда не заглядывать! ... Через 22 года после смерти поэта крыша провалилась, балки перегибли, по-

толок обрушился, под стропилами, на перекрестке двух жердей...» [11; 39–40].

В 1866 году младший сын поэта Г. А. Пушкин оставил службу (вышел в отставку) в Петербурге и переехал жить в Михайловское. К этому времени старый ганнибаловский дом, как мы видим из воспоминаний паломников, настолько обветшал, что жить в нем не представлялось возможным. Г. А. Пушкин продал его на слом, а на старом фундаменте построил новый дом, несколько иной архитектуры. Заботясь об усадьбе, он сохранил домик няни, а также возвел несколько новых построек для хозяйственных нужд, исходя из элементов прежней планировки.

5 февраля 1870 года между сыновьями А. С. Пушкина была совершена окончательная раздельная запись, по которой единственным владельцем с. Михайловского остался Г. А. Пушкин⁵. Младший сын поэта бережно хранил сохранившиеся мемориальные вещи отца, временами ревниво относился к посетителям и допускал их в дом только в своем присутствии. А «по следам Онегина и Татьяны» в Михайловское приходило все больше и больше неожиданных гостей. Они искали «ту самую» дорогу, по которой А. С. Пушкин ходил в Тригорское; «ту самую» аллею, которую вспоминала Анна Керн; «те самые» «три сосны» на окраине Михайловского; они спрашивали о доме, куда поэт «поселил» Онегина. И когда они узнавали, что дом А. С. Пушкина не сохранился, что новый не похож на прежний, что многое переделано, – разочарованию посетителей не было предела [1; 9].

В адрес Г. А. Пушкина раздавалось множество упреков: что он не чтит в достаточной мере память своего отца, что он неблагодарный сын. По свидетельству А. А. Яблоновского, Г. А. Пушкин рассказывал: «Обвинений по моему адресу сыпались целые сотни, при этом выходило как-то, что я всегда был во всем виноват... Меня обвиняли в том, что буря сломала те знаменитые сосны, о которых писал отец. Меня обвиняли в том, что я неизвестно куда дел библиотеку моего отца, тогда как эту библиотеку я двадцать пять лет тому назад целиком отдал Румянцевскому музею... Обвиняют меня еще и в том, что я плохо поддерживаю памятник отца. Но я ремонтирую его каждую весну, буквально каждую весну» [2; 14].

В конце 70-х годов XIX века могила А. С. Пушкина и фамильное кладбище действительно находились в весьма плохом состоянии. Несмотря на ежегодный ремонт, производимый самим Г. А. Пушкиным, монастырское начальство мало заботилось об их состоянии. Еще в 1880-е годы Г. А. Пушкин писал псковскому губернатору и в Духовную консисторию о том, что необходимо привести в порядок могильный холм в Святогорском монастыре, что в противном случае он будет вынужден перевезти прах отца в Михайловское [2; 10].

Приближалось 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина, имя поэта гремело по России. Все

больше и больше паломников приезжало в Михайловское, желая увидеть места, неразрывно связанные с личностью поэта, его творчеством и духовной жизнью. В этих условиях Г. А. Пушкин решил, что обязан превратить Михайловское

в общенародное достояние и передать могилу отца под государственный контроль. Эта задумка сына А. С. Пушкина будет осуществлена в рамках празднования 100-летия со дня рождения поэта в 1899 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Согласно преданию, после похорон матери, весной 1836 года, А. С. Пушкин купил место в Святогорском монастыре и для своего захоронения (см.: Пушкин в Михайловском: Стихи и проза. М.: Профиздат, 2008. С. 5).
- ² После смерти матери поэта Н. О. Пушкиной в 1836 году владельцами имения в Михайловском стали четверо ее наследников: дети А. С. Пушкин, Л. С. Пушкин, О. С. Павлицева (Пушкина) и супруг С. Л. Пушкин.
- ³ ИРЛИ АН. Ф. 244. Оп. 22. № 263.
- ⁴ Ветхое состояние господского дома в Михайловском объясняется редко производимым в нем ремонтом. Существуют сведения о его небольшой реконструкции летом 1829 года. Изменения коснулись лишь внешнего облика дома. Отец поэта С. Л. Пушкин писал об этом: «Он останется почти совсем как был, не считая кое-каких лишних украшений, которые придадут ему более приятную внешность. У него была изрядно потрепанная физиономия» (См.: Мир Пушкина. Т. 1: Дневники-письма Н. О. и С. Л. Пушкиных. 1828–1835 гг. СПб.: Изд-во Пушк. фонда, 1993. С. 35). Этот ремонт господского дома в Михайловском стал последним вплоть до смерти А. С. Пушкина.
- ⁵ РГИА. Ф. 577. Оп. 31. Д. 778. Л. 12 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будылин И. Т. Пушкинский заповедник. Музей и жизнь. М.: Профиздат, 2009. 318 с.
2. Букровский А. В. Выкуп сельца Михайловского в 1899 г. (по переписке родственников поэта) // Михайловская пушкиниана. Вып. 3. 1999. С. 9–30.
3. Василев И. И. Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии. СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1899. 63 с.
4. Дейч Г. М. Все ли мы знаем о Пушкине? М.: Сов. Россия, 1989. 268 с.
5. Летописи Государственного Литературного музея. Книга пятая. Архив Опеки Пушкина. М.: Гос. Лит. музей, 1939. 447 с.
6. Мир Пушкина. Т. 1: Дневники-письма Н. О. и С. Л. Пушкиных. 1828–1835 гг. СПб.: Изд-во Пушк. фонда, 1993. 293 с.
7. Ободовская И., Деметьев М. После смерти Пушкина. Неизвестные письма. М.: Сов. Россия, 1980. 384 с.
8. Плетнев П. А. О литературных утратах // Современник. 1838. Т. 9. С. 55–56.
9. Пушкин в Михайловском: Стихи и проза. М.: Профиздат, 2008. 286 с.
10. Тургенев А. И. Политическая проза. М.: Сов. Россия, 1989. 366 с.
11. Фаресов А. И. Александр Сергеевич Пушкин и чествование его памяти. СПб.: Типогр. А. С. Суворина, 1899. 64 с.
12. Яковлев С. Д. Пред солнцем бессмертным ума... Пушкинские Горы, 1994. 138 с.

Zontova E. A., St. Petersburg State Economic University (St. Petersburg, Russian Federation)

COUNTRY ESTATE “MIKHAILOVSKOE” AFTER PUSHKIN’S DEATH (1837–1899)

The history of the Pushkin’s country estate Mikhailovskoe from the date of the poet’s death till the centennial anniversary of his birth is considered in the article. The information on the property ownership by the descendants of the Russian poet is studied. A progressing decline of the family estate in the 60s of the XIXth century forced its owner – G. A. Pushkin, the son of the poet – to build a new manor house instead of the old dilapidated one. A reaction of the Russian society to this renovation was rather negative. G. A. Pushkin received multiple accusations of not being honorable enough about his father’s legacy. The upcoming anniversary of the poet’s birth, a growing number of visitors, and a lack of care about the family’s cemetery revealed the necessity to change the owner of the estate. Due to this reason, the family estate together with the poet’s grave became the property of the state in 1899.

Key words: Country estate, Mikhailovskoe, A. S. Pushkin, centenarian poet’s anniversary, state ownership

REFERENCES

1. Budylin I. T. *Pushkinskiy zapovednik. Muzey i zhizn'* [Pushkin reserve. Museum and life]. Moscow, Profizdat Publ., 2009. 318 p.
2. Bukovskiy A. V. The foreclosure of Mikhailovskoe in 1899 (by correspondence of the poet’s relatives) [Vykup sel'tsa Mikhailovskogo v 1899 g. (po perepiske rodstvennikov poeta)]. *Mikhailovskaya pushkiniana* [Mikhailovskaya pushkiniana]. Issue 3. 1999. P. 9–30.
3. Vasilev I. I. *Sledy prebyvaniya Aleksandra Sergeevicha Pushkina v Pskovskoy gubernii* [The traces of Alexander Sergeyevich Pushkin in Pskov Province]. St. Petersburg, Publ. of I. N. Skorokhodov, 1899. 63 p.
4. Deych G. M. *Vse li my znaem o Pushkine?* [Do we know everything about Pushkin?]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1989. 268 p.
5. *Letopisi Gosudarstvennogo Literaturnogo muzeya. Kniga pyataya. Arkhiv Opeki Pushkina* [The annals of the State Literary Museum. Book five. Archive Of Care about Pushkin]. Moscow, State Literary Museum Publ., 1939. 447 p.
6. *Mir Pushkina. T. 1: Dnevnik-pis'ma N. O. i S. L. Pushkinikh. 1828–1835 gg.* [The world of Pushkin. So. 1: Diaries-letters N. O. and S. L. Pushkin 1828–1835]. St. Petersburg, Pushkin fund Publ., 1993. 293 p.
7. Obodovskaya I., Dement'ev M. *Posle smerti Pushkina. Neizvestnye pis'ma* [After the death of Pushkin. Unknown letters]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1980. 384 p.
8. Pletnev P. A. About literary losses [O literaturnykh utratakh]. *Sovremennik*. 1838. Vol. 9. P. 55–56.
9. *Pushkin v Mikhailovskom: Stikhi i proza* [Pushkin in Mikhailovskoe: Poems and prose]. Moscow, Profizdat Publ., 2008. 286 p.
10. Turgenev A. I. *Politicheskaya proza* [Political prose]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1989. 366 p.
11. Faresov A. I. *Aleksandr Sergeevich Pushkin i chestovanie ego pamyati* [Alexander Sergeyevich Pushkin and celebration in his honor]. St. Petersburg, Publ. of A. S. Suvorina, 1899. 64 p.
12. Yakovlev S. D. *Pred solntsem bessmertnym uma...* [Before the sun of immortal mind...]. Pushkinskie Gory, 1994. 138 p.

Поступила в редакцию 24.12.2014

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОВПАК

соискатель факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kovpak@eu.spb.ru

«Я ВСЕ ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЮ РАЗГУЛИВАТЬ В МУНДИРЕ»: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И КАРЬЕРА А. Л. ШАПИРО

Реконструируются особенности начала карьеры советского историка в конце 1930-х годов и то, как на ней сказалась Великая Отечественная война. Источниками для исследования являются официальные документы из фондов научных учреждений и вузов, а также корреспонденция А. Л. Шапиро. Война на полтора десятилетия оторвала историка от преподавания истории СССР в гражданских вузах и от научной работы в области социально-экономической истории. Поступив на службу в систему военно-морского образования, он был вынужден кардинально изменить тематику исследований. После окончания войны А. Л. Шапиро долгое время не удавалось уволиться в запас, хотя работа в училищах ВМФ потеряла для него смысл. Тем не менее он смог приспособиться к таким обстоятельствам и подготовиться к продолжению гражданской карьеры. Используя свою исследовательскую подготовку и довоенные научные связи, он подготовил и защитил в 1951 году докторскую диссертацию по военно-морской истории. А осенью 1956 года, после увольнения из ВМФ, историк был принят на должность профессора исторического факультета Ленинградского государственного университета.

Ключевые слова: А. Л. Шапиро, советская историография, Великая Отечественная война

Александр Львович Шапиро (1908–1994) относится к поколению советских историков, начинавших карьеру накануне Великой Отечественной войны. Представители этого поколения входили в академическую среду в конце 1930-х годов, когда, с одной стороны, завершалось становление советской историографии, а с другой – шел процесс подчинения науки идеологическим потребностям политического руководства страны. Открытие исторических факультетов и появление профильных академических учреждений, переиздание трудов дореволюционных историков и интенсивная работа по публикации источников и исследований по отечественной истории сопровождалась репрессиями и идеологическими кампаниями. В таких обстоятельствах молодые советские историки учились в аспирантуре, защищали диссертации, публиковали первые научные работы и начинали преподавать.

В довоенное десятилетие А. Л. Шапиро успешно прошел стартовый этап карьеры. Окончив в 1937 году аспирантуру исторического факультета ЛГУ, он получил должность доцента исторического факультета Саратовского государственного университета. Здесь была завершена кандидатская диссертация «Очерки истории крестьянского хозяйства в первой четверти XVIII в.», защита которой прошла в ЛГУ 13 мая 1938 года. В изучении истории крестьянского хозяйства Шапиро к концу 1930-х годов достиг значительных результатов: он активно участвовал в подготовке двух томов сборника документов «Крестьянин и помещик в первой половине

XVIII в.», включенных в издательские планы Института истории на 1937–1938 годы¹, а также на основе материалов диссертации опубликовал две статьи². Свидетельством признания Шапиро в академической среде стало поручение ему написать раздел о крестьянстве в эпоху Петровских реформ для главного в то время историографического проекта – многотомного издания «Очерки истории СССР»³. Летом 1939 года Шапиро вернулся из Саратова в Ленинград, и до начала войны основным местом его службы был ЛГПИ им. М. Н. Покровского.

Главной задачей этого института, как и многих других ему подобных, была подготовка учителей из молодежи крестьянского и рабочего происхождения [4; 29–32]. Специфика же обучения в них состояла в том, что уровень образования абитуриентов и студентов был крайне низок. Некоторые из поступающих в Институт им. Покровского девушек и юношей были неграмотными: в отчете исторического факультета за 1938–1939 годы подчеркивалось «чрезвычайно неудовлетворительное состояние грамотности студентов»⁴. Поэтому целью преподавания было формирование у студентов прежде всего навыков грамотного изложения своих мыслей и пересказа прочитанного, а не подготовка их к исследовательской работе. Показательно в этой связи внимание администрации к тому, насколько успешно преподаватели адаптируют лекции к уровню своей аудитории: «Доц. Шапиро <...> читает свой курс <...> вполне успешно, – отмечалось в одном из отчетов. – Обладает умением

довести до сознания каждого слушателя свою мысль. Изложение просто, ясно». С этой задачей справлялись не все. Так, недостатком лекций профессора К. В. Кудряшова по истории СССР XIX века признавалось их «не всегда четкое, понятное аудиторией», «сухое изложение»⁵.

Шапиро с увлечением вел спецкурс по истории Северной войны в ЛГУ и читал лекции в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. «Я работаю много: в институте навалили общие курсы (на утреннем и вечернем), историографию, спецкурс, практические, географов», – писал он в начале 1940 года своему другу Л. А. Дербову в Саратов⁶. Вся эта разнородная педагогическая деятельность требовала очень усердной подготовки, поэтому с осени 1939 по лето 1940 года Шапиро был занят почти исключительно работой над лекционными курсами и семинарскими занятиями. Весной 1940 года он сообщал Дербову, что «приходилось сидеть ночами». «Работа интересная, но измочаливает здорово», – подытоживал он описание своего рабочего графика⁷.

В таких обстоятельствах А. Л. Шапиро мог только размышлять о выборе темы для дальнейшей исследовательской работы. «В январе будет немного полегче, и я думаю немного заняться литературной работой, но до сих пор не решил, на чем остановиться: продолжать ли петровских крестьян или приняться за историографию 40–60-х годов. Боюсь, как бы не уподобиться буриданову ослу», – писал он Дербову в начале 1940 года⁸. Уже осенью 1940 года Шапиро смог возобновить исследовательскую работу. Пользуясь снижением педагогической нагрузки, историк продолжил занятия в архиве, увлеченно работая над «хозяйственными фондами екатерининского времени» и над «Трудами Вольно-экономического общества». Материал был многообещающим и поэтому он решил «увязнуть в нем на несколько лет» с тем, чтобы писать докторскую диссертацию. Тему А. Л. Шапиро сформулировал в письме Л. А. Дербову следующим образом: «Формирование национального рынка и крестьянское хозяйство в XVIII в.»⁹. Эта тема продолжала его исследования в области истории крестьянского хозяйства и вместе с тем существенно расширяла их хронологические рамки и проблематику, охватывая всю экономику Российской империи в XVIII веке.

Начавшаяся 22 июня 1941 года война, однако, перечеркнула все научные планы А. Л. Шапиро. В радикально изменившихся обстоятельствах на первый план вышли куда более прозаические и в то же время жизненно важные вопросы. В первые дни войны, благодаря работавшим в Ленсовете родственникам, жена и дочь А. Л. Шапиро были эвакуированы из Ленинграда. В конце июня и июле в городе царили патристические настроения. Мужское население, и в том числе А. Л. Шапиро, с готовностью от-

кликнулось на призыв вступить в народное ополчение [1; 218]. Этот поступок, продиктованный гражданской позицией молодого историка, как оказалось, существенно облегчил ему дальнейшую жизнь в блокадном Ленинграде. А. Л. Шапиро не попал на фронт в составе первых четырех дивизий народного ополчения, сформированных в июле и понесших жестокие потери в боях на подступах к Ленинграду. Он был направлен на службу в интендантскую роту одного из городских эвакогоспиталей и получал норму питания красноармейца, а не служащего. Последняя, распространявшаяся на работников вузов, грозила истощением и смертью от голода [2; 154, 180], [3; 38]. Таким образом, историку удалось пережить первую, самую страшную блокадную зиму, а летом 1942 года он получил назначение в Военно-морское политическое училище им. С. Г. Рошаля. Так началась новая карьера А. Л. Шапиро.

Она складывалась вполне успешно: А. Л. Шапиро вступил в партию, получал повышения в звании, со временем возглавил в училище цикл исторических дисциплин. Немаловажным обстоятельством было и то, что служба позволяла ему, квалифицированному преподавателю, вносить свой вклад в войну с максимальной пользой, обучая будущих флотских офицеров.

На первых порах работы в училище историк не мог продолжить довоенные исследовательские занятия и написал небольшое сочинение публицистического характера «Н. Г. Чернышевский против зоологического расизма». Попытка опубликовать его в журнале «Звезда» успехом не увенчалась. Духу и риторике пропагандистской литературы военного времени сочинение это соответствовало не вполне: А. Л. Шапиро не удалось избавиться от академического стиля изложения, он явно старался максимально обстоятельно изложить логику и аргументацию Н. Г. Чернышевского¹⁰. Несмотря на призыв А. Л. Шапиро к «опровержению фашистской расовой теории силой оружия», а не «оружием критики», его статья скорее апеллировала к разуму читателя, а не к эмоциям, привлекая к размышлению над ходом мысли «великого демократа». К тому же Н. Г. Чернышевский, обличавший расизм во всех его проявлениях, обращал «оружие критики» и против американского рабовладения и его защитников. В связи с этим в статье А. Л. Шапиро Гитлеру и Раушингу предшествовали «плантаторы рабовладельческих штатов Северо-Американского союза», которые в первой половине XIX века «повели ораторскую, газетную и ученую борьбу против сторонников освобождения американских рабов»¹¹. Добросовестное изложение историком взглядов Н. Г. Чернышевского бросало, таким образом, тень на историю США, члена антигитлеровской коалиции, что могло быть неприемлемо для журнала.

Возобновить научную деятельность А. Л. Шапиро смог только в 1944 году после возвращения из эвакуации в Ленинград. Тема была далека от довоенной проблематики его исследований и была связана с преподаваемыми им в училище курсами. «Пишу сейчас работу о кампаниях русского флота в Средиземном море в 1805–1807 гг., а читаю курс истории русского флота», – писал он в первом послевоенном письме Л. А. Дербову. Новая тема, тем не менее, А. Л. Шапиро увлекла. В письме своему коллеге историк приводил вполне рациональное обоснование своего интереса: «Тема эта представляет интерес, так как связана с очень сложной и запутанной политической ситуацией и с таким выдающимся флотоводцем, как Сенявин. Архивные материалы богатые, печатных источников тоже бездна, а литература скудная». Теперь именно по этой теме А. Л. Шапиро собирался писать докторскую диссертацию: «Занят я этим делом полтора года, и через год собираюсь написать диссертацию»¹².

Несмотря на то что историк почувствовал вкус к исследованию военно-морской истории, преподавание в училище с окончанием войны все больше тяготило его. А. Л. Шапиро писал Л. А. Дербову: «Работа у меня не блестящая. Наше политическое училище не высшее, и срок обучения трехгодичный. По истории СССР курс элементарный, и его даже не хочется читать. По истории флота имею 100 часов с второкурсниками, и это сравнительно интереснее»¹³. В 1946/47 учебном году А. Л. Шапиро вообще отказался от чтения курса по истории СССР, однако затем вновь к нему вернулся, опасаясь «позабыть все, что знал раньше», то есть потерять квалификацию¹⁴.

Но и в таких обстоятельствах историк стремился не терять связи с академическим сообществом. Сетую в 1946 году на то, что «порядочно оторвался от исторической общественности», А. Л. Шапиро сообщал Л. А. Дербову о том, что редко «бывает на заседаниях в истфаке ЛГУ и Институте истории»¹⁵. В письме 1949 года он извещал своего коллегу о том, что деканом исторического факультета ЛГУ стал А. Н. Корнатовский, и сообщал о проработке на факультете «за космополитизм» С. Я. Лурье, О. Л. Вайнштейна, С. Б. Окуня и Р. А. Таубина¹⁶.

Все это время историк упорно трудился над докторской диссертацией, несмотря на то что порой был не уверен в дальнейшей судьбе своего исследования. Причиной такого пессимизма были два обстоятельства. Во-первых, сам А. Л. Шапиро мог стать жертвой кампании против «космополитизма», мишенью которой была советская интеллигенция еврейского происхождения. Военно-историческая тематика исследования не гарантировала от возможных преследований. В это время военных историков наравне с историками гражданскими «прорабатывали» и за «низкопоклонство перед Западом», и за «бур-

жуазный объективизм», под которым мог пониматься академизм исследования, недостаточное превознесение заслуг того или иного военного деятеля и т. п.¹⁷

Второе обстоятельство состояло в том, что походами адмирала Д. Н. Сенявина занялся в конце 1940-х годов академик Е. В. Тарле. Позднее А. Л. Шапиро вспоминал, что «был немало расстроен этим обстоятельством». Он «совсем было приуныл», когда узнал, что «маститый ученый» работал с теми же архивными фондами, но работу над своей диссертацией не оставил. После того как вышла книга Е. В. Тарле, А. Л. Шапиро убедился в том, что для него «остается широкий простор для исследования»¹⁸. 28 мая 1951 года в Институте истории АН СССР состоялась защита его докторской диссертации.

Историк удалось устроить защиту в престижном научном учреждении, несмотря на трудности, связанные со службой в далеком от Москвы Баку, откуда «выехать лишней раз» ему не удалось¹⁹. В этом деле А. Л. Шапиро прибег к довоенным академическим связям: ему содействовала А. М. Панкратова, заместитель директора Института истории²⁰. Весьма представительным был и список оппонентов: академик Е. В. Тарле, заведующий кафедрой военной истории Военной академии им. М. В. Фрунзе профессор Л. Г. Бескровный, профессор ЛГУ С. Б. Окунь и сотрудник Исторического отдела Морского генерального штаба, кандидат военно-морских наук Р. Н. Мордвинов, известный специалист по истории военно-морского флота. Все оппоненты высоко оценили диссертацию А. Л. Шапиро и рекомендовали ее к печати.

Разумеется, тень «текущей политики» и идеологии лежала на выступлениях всех участников диспута. И время, и сама военно-историческая тема диссертации делали неизбежным для Е. В. Тарле обращение к «маленькой незабываемой статье товарища Сталина» с критикой «невероятных ошибок Энгельса», для Л. Г. Бескровного – выдвижение в качестве главного достоинства диссертации ее патриотизма, для Р. Н. Мордвинова – упрек диссертанту за недостаточное подчеркивание «приоритета русского военно-морского искусства» в маневренной тактике морского боя и за отсутствие примечания об изобретении пушки «единорог» в России. И сам диссертант в заключительном слове произнес ритуальные фразы о том, что «больше всего удовлетворения» ему доставила «та характеристика работы, в которой она оценена как патриотическая работа», и что он, как советский человек, обращает «слова благодарности и любви, прежде всего, к великому Сталину»²¹.

А. Л. Шапиро писал об этом событии Л. А. Дербову уже в ноябре 1951 года очень коротко и буднично: «Защита у меня прошла благополучно. Хотя драка и была с одним из оп-

понентов (Мордвиновым). Но его возражения были не очень основательными, и я на них ответил»²². К этому времени он опять вернулся к рутинному для себя преподаванию истории флота, а направление на новое место службы, в Балтийское высшее военно-морское училище, то есть в учреждение рангом выше, чем училище им. А. А. Жданова, ничего для историка уже не меняло.

А. Л. Шапиро мечтал преподавать отечественную историю в гражданском вузе и часто в связи с этим вспоминал в письмах к Л. А. Дербову саратовский этап своей жизни: «О жизни и работе в Саратове, о саратовских друзьях всегда вспоминаю, как о лучшем, что было в жизни. Тогда мы не умели ценить всего, чем жили. Тем сильнее я ценю сейчас»²³. Преподавание общего курса было для А. Л. Шапиро тем важнее, что в его понимании оно было тесно связано с общей квалификацией историка. Откликаясь на статью Л. А. Дербова «о кандидатуре Ивана IV на польский престол», А. Л. Шапиро оценивал свое мнение как «мнение читателя», поскольку «никогда специально не занимался XVI веком, а за последние годы совсем отбилась от многих исторических вопросов, так как не читаю общий курс истории СССР (к великому сожалению!)»²⁴.

Мало радости приносили А. Л. Шапиро и публикации его статей, несмотря на то, что публиковались они, в отличие от работ довоенного времени, в престижных академических изданиях. В 1946 году в ежегоднике «Исторические записки» появилась статья о крестьянской торговле и подрядах, в 1950 году в журнале «Исторический архив» вышла историографическая работа об А. Н. Радищеве²⁵. В 1954 году были опубликованы две его статьи: о крестьянстве в первой четверти XVIII века (в «Очерках истории СССР») и о кампаниях российского флота в Средиземном море в 1806–1807 годах (в многотомнике «История военно-морского искусства»)»²⁶. Но для автора эти публикации были, скорее, проявлениями тревожной тенденции, поскольку между их написанием и появлением в печати прошло немало времени. «...Это все старые работы. У меня все печатается обычно через много лет после того, как написано. Ну да бог с ним», – писал он Л. А. Дербову²⁷. Работая в Калининграде, А. Л. Шапиро был лишен воз-

можности регулярных занятий в библиотеках и архивах. Командировки в Ленинград позволяли работать лишь урывками, и это время историк использовал для подготовки к печати своей докторской диссертации. Времени на изучение новых проблем вне рамок военной истории не оставалось, что для А. Л. Шапиро означало отсутствие исследовательских перспектив по окончании работы над книгой о Д. Н. Сенявине. «Вот жду все возможности вернуться в гражданский вуз, но пока не отпускают меня», – находясь в деканате 1954 году в командировке в Ленинграде, сообщал он своему другу в Саратов²⁸. К этому времени историк несколько раз безуспешно подавал рапорт об увольнении в запас. Послевоенный этап карьеры А. Л. Шапиро, таким образом, демонстрирует полное несоответствие интересов советского историка, в силу жизненных обстоятельств оказавшегося на военной службе, и интересов государственного руководства, которое наращивало военно-морские силы и в силу этого удерживало квалифицированные кадры для подготовки офицеров.

Увольнение, столь долгожданное для А. Л. Шапиро, произошло только в 1956 году благодаря повороту политики советского руководства к сокращению Вооруженных сил. 15 мая в «Правде» было опубликовано заявление правительства СССР о дальнейшем разоружении, содержащее, в частности, решение об увольнении к 1 мая 1957 года из армии и флота 1200 тыс. человек²⁹. Уже в сентябре Шапиро в качестве профессора начал занятия на историческом факультете ЛГУ. «После “истории военно-морского искусства” я буквально ожил, когда вернулся к любимому делу, – писал он Л. А. Дербову в ноябре. – Читаю общий курс феодализма на вечернем и заочном факультетах, курс историографии, спецкурс по реформам Петра I, а в перспективе еще историческая библиография для заочников. Кроме того дипломанты, аспирант, кружок и т. д. и т. п. Работать приходится очень много, так как пятнадцать лет я не работал в гражданских вузах, но работа очень интересная»³⁰. В этом письме отразилась увлеченность Шапиро новой деятельностью, оптимизм относительно дальнейших перспектив и, безусловно, удовлетворение от своей востребованности на историческом факультете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1433. Л. 4, 36. Из-за войны оба тома не были опубликованы.

² Шапиро А. Л. 1) Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII века // Ученые записки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского. 1939. Т. I (XIV). Вып. 1. С. 47–74; 2) Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. Л., 1940. С. 23–53.

³ В 1938 году это издание задумывалось как «пятитомник истории СССР». (Список научных работ Шапиро А. Л. 19 мая 1938 г. // Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.). Ф. 7240. Оп. 12. Д. 981. Л. 9; Отчет о работе группы позднего феодализма за I квартал 1938 г. // СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1433. Л. 23).

⁴ ЦГА СПб. Ф. 4887. Оп. 2. Д. 149. Л. 12.

- ⁵ Там же. Л. 13, 16–16 об.
- ⁶ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 2 января [1940] г. // Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 1 об. в Саратове.
- ⁷ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. [май] 1940 г. // Там же. Л. 3.
- ⁸ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 2 января [1940] г. // Там же. Л. 1 об.
- ⁹ Там же. Л. 8 об.
- ¹⁰ В статье имелся и справочно-библиографический аппарат (Шапиро А. Л. Н. Г. Чернышевский против зоологического расизма // ОР РНБ. Ф. 709. Оп. II. Д. 314. Л. 3–13).
- ¹¹ Там же. Л. 4.
- ¹² А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 14 июня 1946 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 9–10.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 7 ноября 1946 г. // Там же. Л. 11 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 11.
- ¹⁶ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 10 апреля 1949 г. // Там же. Л. 13.
- ¹⁷ См.: Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 334–335, 519–521; Манойлин В. И. Базирование Военно-морского флота СССР. СПб., 2004. С. 50–51.
- ¹⁸ Шапиро А. Л. Мои встречи с Е. В. Тарле // Из литературного наследия Е. В. Тарле. М., 1981. С. 280.
- ¹⁹ А. Л. Шапиро – А. М. Панкратовой. 14 апреля 1951 г. // Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 697. Оп. 3. Д. 560. Л. 1.
- ²⁰ Стенограмма заседания Ученого совета Института истории АН СССР. 28 мая 1951 г. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 657. Там же. Л. 1–1 об.
- ²¹ Там же. Л. 40–41, 58, 76, 79, 109–110.
- ²² А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 8 ноября 1951 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 14 об.
- ²³ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 7 декабря 1954 г. // Там же. Л. 19–19 об.
- ²⁴ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 25 декабря 1954 г. // Там же. Л. 20.
- ²⁵ Шапиро А. Л. 1) Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время // Исторические записки. 1948. № 27. С. 202–239; 2) «Записки о Петербургской губернии» А. Н. Радищева // Исторический архив. 1950. Вып. V. С. 190–287.
- ²⁶ Шапиро А. Л. 1) Крестьяне // Очерки истории СССР. Период феодализма (Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I). М., 1954. С. 152–185; 2) Военно-морское искусство в средиземноморских кампаниях 1806–1807 гг. // История военно-морского искусства. М., 1954. Т. II. С. 31–65.
- ²⁷ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 25 декабря 1954 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 21 об.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Правда. 1956. 15 мая.
- ³⁰ А. Л. Шапиро – Л. А. Дербову. 4 ноября 1956 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 1. Д. 170. Л. 24 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 474 с.
2. Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. СПб.: Фонд Регионального развития Санкт-Петербурга: Европейский дом: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 1996. 365 с.
3. Цамутали А. Н. Историческая наука и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (По материалам Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН) // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Наука, 1996. С. 33–43.
4. Long Delbert H., Long Roberta A. Education of Teachers in Russia. London: Greenwood Press, 1999. 218 p.

Kovpak D. A., European University of St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)

**“I AM STILL STROLLING IN THAT NAVAL COAT”:
GREAT PATRIOTIC WAR AND A. L. SHAPIRO CAREER**

Career characteristic features of one Soviet historian of the early 1930s and the influence of the Great Patriotic War on its development are studied. The study is based on multiple archival documents belonging to higher educational establishments and scholarly institutions. A. L. Shapiro's letters were also used as sources of the research. The outbreak of the Great Patriotic war deprived A. L. Shapiro of the opportunity to teach history at the university and blocked his socio-economic research. Having been mobilized to teach at a naval college, the historian had to change his research interests. After the war, A. L. Shapiro was not allowed to leave his naval service, although he did not see much sense in it. He, nevertheless, succeeded in adopting to the circumstances and continued his preparation for the following civil career. Using his research skills and academic relationships, A. L. Shapiro defended a doctoral thesis in the field of naval history in 1951. Upon his resignation from the Navy in 1956, the historian obtained professorship at the Department of History of Leningrad State University.

Key words: A. L. Shapiro, Soviet Historiography, Great Patriotic War

REFERENCES

1. Lomagin N. A. *Neizvestnaya blokada* [Unknown Siege of Leningrad]. Part 1. Moscow, 2002. 474 p.
2. Rabinovich M. B. *Vospominaniya dolgoy zhizni* [Remembrance of long life]. St. Petersburg, 1996. 365 p.
3. Tsamutali A. N. Historical scholarship and the Great Patriotic War of 1941–1945 (On the materials of St. Petersburg branch of the Russian History Institute of the Russian Academy of Science) [Istoricheskaya nauka i Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. (Po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta rossiyskoy istorii RAN)]. *Leningradskaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. St. Petersburg, 1996. P. 33–43.
4. Long Delbert H., Long Roberta A. Education of Teachers in Russia. London, 1999. 218 p.

Поступила в редакцию 24.11.2014

АНДРЕЙ ОЛЕГОВИЧ МУРАВЬЕВ

аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, социальных и политических наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
muravyev.andrey@gmail.com

ПОДПОЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНСКИХ КОММУНИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ (1923–1928 ГОДЫ)

Рассматривается история нелегальной сети финских коммунистов, которая функционировала в Финляндии с 1923 по 1928 год. Исследуются механизмы функционирования подполья и его эволюции. Несмотря на временные успехи, коммунистическое подполье с середины 1920-х годов сталкивалось с серьезными проблемами. Рабочие неохотно вступали в коммунистические организации и все меньше прислушивались к пропаганде компартии. В 1928 году финская полиция получила сведения о членах коммунистического подполья. В итоге масштабной операции нелегальная сеть КПФ перестала существовать.

Ключевые слова: история Финляндии, финский коммунизм, подпольная работа, КПФ

В 1966 году была опубликована монография И. Хакалехто «Коммунистическая партия Финляндии и ее влияние на внутреннюю политику, профсоюзы и рабочее движение 1918–1928» [3]. Эта работа стала началом изучения проблемы подпольной деятельности КПФ в Финляндии. Исследование, вызвавшее неподдельный интерес, было признано коллегами-историками своевременным и актуальным. Вместе с тем оно не избежало острой критики [6]. Автор, использовавший материалы сыскной полиции и доступные документы КПФ, представил финскую компартию малочисленной организацией, деятельность которой проходила с переменным успехом. Через два года член финской компартии и ветеран финского рабочего движения А. Хювёнен опубликовал работу «История финской компартии 1918–1924» [4]. По сути, автор написал историю КПФ, исследовав ее участие в общественно-политической жизни Финляндии. Финские коммунисты в работе Хювёнена представлены как хорошо организованные и идеологически зрелые исполнители линии партии, как последовательные герои-борцы за политические идеалы рабочих. Фактически эти две работы определили два подхода к проблеме нелегальной деятельности КПФ, заложив основу для последующих дискуссий ученых-историков и став основанием для теорий «сильной» и «слабой» компартии.

За полвека изучения данной проблемы (с 1960-х по 2010-е годы) появились многочисленные исследования о деятельности финских левых радикалов и коммунистов в Финляндии. Историки рассматривали проблему под разным углом зрения: с правовой [8], социальной [9], общественной [10] и лингвистической [5] точек зрения. Необходимо отметить, что сама тема нелегальной деятельности КПФ была для некоторых исследователей лишь фоном для

изложения иных, более важных для них вопросов. За последние 20 лет был сделан большой шаг вперед в изучении коммунистического движения и левого радикализма в Финляндии. В начале 1990-х годов, благодаря новым, ранее недоступным архивным материалам, появилась возможность взглянуть на проблему с новых позиций. Итогом исследовательской работы стали монографии М. Саломаа [15], К. Рентола [12], Т. Саарела [14], Й. Крекола [7]. Историки затронули широкий круг вопросов, подробно изучили идеологические, экономические, внутрипартийные аспекты деятельности финских коммунистов и левых радикалов. Но тема их нелегальной работы не была для авторов основной, хотя подпольная система финских коммунистов лежала в основе политической деятельности КПФ на территории Финляндии.

В связи с этим цель данной статьи – выделить проблему нелегальной деятельности финской компартии на территории Финляндии в 1920-е годы из многочисленной серии сюжетов и исследовать ее с привлечением новых исторических источников.

В августе 1923 года была запрещена деятельность Социалистической рабочей партии Финляндии. Это решение финского правительства практически парализовало коммунистическое подполье в стране, поскольку его нелегальные структуры были тесно связаны с запрещенной партией. КПФ практически заново пришлось создавать нелегальную сеть. Руководство коммунистами на территории Финляндии, как и прежде, было возложено на Финское бюро (ФБ), в которое входили наиболее проверенные, идеологически зрелые и приверженные идеалам марксизма члены компартии. В остальном была предложена совершенно иная схема.

К организации новой нелегальной сети приступили в конце осени 1923 года. За полгода в Финляндию были посланы два члена ЦК и еще восемь специально обученных специалистов¹. Финляндию поделили на семь районов (вместо 12), в которых действовало по одной районной организации подпольной сети. Каждую из них возглавлял районный комитет, в который входило до шести человек, все они были членами разных подпольных ячеек. В каждом из семи районов действовали подконтрольные комитету местные городские или сельские организации, их количество зависело от наличия агентов компартии [3; 116–117]. Также вводилась специальная должность так называемых районных организаторов, основной задачей которых было доведение информации от ФБ до нижестоящих отделений партии, а также контроль исполнения директив и предписаний КПФ².

Основой подполья КПФ стала сеть тайных ячеек, количество членов в которых в некоторых случаях могло превышать традиционную «тройку». Их участники контролировали публичные организации, в составе которых преобладали рабочие левых взглядов [16; 167]³. Располагаться ячейки должны были на фабриках или в промышленных районах. Тем самым было соблюдено требование Коминтерна о переносе деятельности нелегальных организаций непосредственно на места производства [1; 16–20]. Также на базовом уровне были созданы фракции, которые, напротив, являлись более открытыми. Они создавались членами тех же ячеек, однако могли располагаться не только на производстве, но и в общественной организации, городском округе или деревне, без привязки к заводу или фабрике.

Членство в ячейке и фракции не было жестко связано друг с другом, или, другими словами, не обязывало члена подполья состоять во фракции на той же самой территории или предприятии. К 1927 году в легальных рабочих организациях было создано 412 фракций, более половины из них – в профсоюзных организациях. Число партийных ячеек превышало 500, при этом они были более чем в 200 населенных пунктах [2; 51]. Если власти начинали преследование публичной организации и в итоге запрещали ее деятельность, то члены подполья сохраняли контакты и могли выполнять функции и задачи, поскольку сама система ячеек оставалась работоспособной. В случае удачной полицейской операции переставала существовать только открытая фракция, которую было легче восстановить [11; 196–197].

Вербовка в нелегальную сеть КПФ проходила через структуры легальных политических организаций. Одним из условий для включения человека в состав подполья было пролетарское происхождение и активная жизненная позиция в рабочем движении и общественной жизни

страны. В качестве примера можно отметить, что благодаря этим качествам П. Нурмиранта сделал политическую карьеру: начав как обычный рабочий-сплавщик, он стал активистом коммунистического движения, затем журналистом, а впоследствии и депутатом финляндского парламента⁴. Нелегальная сеть, созданная в 1923 году, имела и свои недочеты, поскольку возможности пополнения нелегальных структур новыми кадрами были сильно ограничены. Причина заключалась в крайне строгом подборе кандидатов для подпольной работы.

Задачи фракций и ячеек коммунистического подполья имели свою специфику. Ячейка располагала определенным постоянным заданием, требовавшим соблюдения секретности⁵. Поддержка связи между КПФ и агентами на территории Финляндии, работа в армии и переправка материалов через госграницу осуществлялись конспиративной частью коммунистического подполья. В связи с этой важной и ответственной миссией дисциплина и субординация в ячейке были строже, чем во фракции. От представителей ячеек требовались постоянные отчеты об их деятельности, которые становились частью больших отчетов КПФ в Коминтерн, что требовало определенного и строгого порядка⁶. В связи с задачами, поставленными перед коммунистами, ячейки были основным и наиболее важным звеном подполья КПФ в Финляндии во второй половине 1920-х годов.

Фракции, в отличие от ячеек, были более открытыми объединениями – их создавали подпольщики, входившие в легальные организации, но состоявшие в разных ячейках. Это было принципиальным отличием от предыдущей нелегальной сети коммунистов. Во фракциях проводилась агитационная деятельность в форме лекций, собраний, частных бесед. После запрещения СРПФ финские коммунисты учли предыдущие ошибки, поэтому в системе созданного в конце 1923 года подполья нелегальная сеть структурно не была соединена с политической организацией. Краеугольным камнем подполья 1923 года стала двухуровневая структура подпольной системы.

Охват территории подпольной сетью зависел от количества участников и созданных ими ячеек. По состоянию на осень 1924 года в Финляндии было создано 156 ячеек по предприятиям, 61 фракция, в них состояло 798 членов, в армии – 156 активных членов⁷. Пятый съезд КПФ, проходивший с 30 июля по 16 августа 1925 года, продолжил линию по укреплению подпольной организации левых. Съезд постановил увеличить количество ячеек и тем самым расширить присутствие коммунистов в официальных организациях. Согласно принятой компартией резолюции, приоритет в данных вопросах следовало отдавать качеству ячеек, а не их количеству⁸. Реализация этой схемы на практике была все же весьма за-

труднительной из-за ряда объективных обстоятельств: нежелания некоторых рабочих идти на контакт с коммунистами, а также из-за противодействия полиции.

Положение финского коммунизма в конце 1920-х годов было таково, что влияние левых на промышленных предприятиях возросло, в то время как в сельской местности, наоборот, уменьшилось. Тенденция свидетельствовала о том, что коммунисты концентрировали свою деятельность в городских районах и близлежащих к ним заводах, за исключением районов севера⁹. Этим объясняется высокий уровень поддержки левых в городах. КПФ ставила перед собой цель создать около 500 ячеек на всех промышленных предприятиях страны. Этой амбициозной цели достичь не удалось, хотя к лету 1926 года было основано 389 ячеек [13; 195]. Однако данные о количестве ячеек не позволяют определить численность активных членов подполья, так как два человека уже могли составить одну ячейку. В силу этого дать оценку массовости подпольной организации довольно сложно.

Финское рабочее движение в 1920-е годы переживало трудные времена, поэтому не стоит преувеличивать и минимизировать степень влияния коммунистического подполья. С одной стороны, наблюдалась определенная положительная динамика, например, в июне 1924 года количество ячеек было 124, в декабре того же года – 138, в апреле 1925 года – 212. При этом всего в них состоял 1041 человек¹⁰. Если сравнить сложившуюся ситуацию с нелегальными организациями до 1923 года, то можно прийти к выводу, что коммунистическое подполье восстановилось за полтора года. В политических реалиях Финляндии 1920-х годов коммунистическое подполье обладало мощной регенеративной функцией, которая позволяла ему быстро восстанавливаться. По мнению И. Хакалехто, коммунистическое подполье было в активном рабочем состоянии в период с 1925 по 1928 год [3; 120–121].

При построении новой структуры активно использовался опыт зарубежных стран и директивы Коминтерна. Следуя опыту Германии, была разработана принципиально новая схема организации низовых структур коммунистического подполья. Конгресс одобрил и утвердил стратегию создания ячейки на рабочих местах как основу подпольных коммунистических партий¹¹. Ранее главным принципом основания ячейки был территориальный фактор расположения отделения легальной организации. Наличие фракций – объединений рабочих – давало возможность легче проводить агитационную работу, например, на предприятии.

Механизм сбора сторонников КПФ на нелегальные встречи был довольно прост. О встрече заранее не сообщалось, информация передавалась через проверенных людей, которые сами

могли и не подозревать о своей роли. Например, А. Нахкала, депутат финского парламента, член КПФ, участвовал в нелегальных собраниях, получая информацию через дочь своего знакомого¹². Такие события происходили нечасто, поэтому адресату сообщалось только место и время. Это в определенной степени могло застраховать и от действий полиции.

Одной из наиболее важных и эффективных форм поддержания связей между существовавшими ячейками и фракциями в финских условиях были так называемые Рабочие дома. Они имели большое значение для проведения общественной работы и распространения пропагандистской литературы. Эти центры сбора трудящихся, важные, по мнению КПФ, для завоевания влияния среди рабочего класса, находились не только во всех крупных промышленных центрах, но и в сельской местности¹³.

После пятого конгресса Коминтерна стали предприниматься попытки организации ячеек среди военных в армии и на флоте. В КПФ понимали важность организации подполья в вооруженных силах, так как *«революция не будет успешной без поддержки известных частей армии»*¹⁴. До 1925 года в этой сфере работа, за исключением распространения коммунистической литературы среди новобранцев рядового состава, проводилась недостаточно. На формирование ячеек были затрачены большие усилия, но успеха достичь не удалось: в 1927 году в финской армии было всего 17 ячеек, в которых состоял 121 человек. Специально для военнослужащих небольшим тиражом в 300 экземпляров издавалась газета «Punasotilas» («Красный солдат»)¹⁵. В этом издании широко освещались вопросы взаимодействия капиталистических стран Запада и Финляндии в связи с подготовкой к войне против СССР. Помимо этого, в войсках велась разъяснительная и агитационная работа.

Главным лейтмотивом при работе в армейских ячейках была тема «борьбы с угрозой войны». В литературе, распространявшейся среди солдат и новобранцев, постоянно рассказывалось о подготовке капиталистических стран к войне и о проводившихся в последнее время конференциях по разоружению¹⁶. Если же война была неизбежной, то главной задачей партии становилось превращение ее в революцию. На практике КПФ стремилась разложить финскую армию, при этом некоторые коммунисты в армии выполняли разведывательные операции в пользу СССР. Не достигнув поставленных целей, в частности роста числа ячеек до заметного уровня, в октябре 1927 года деятельность агентов в финской армии была полностью прекращена [16; 178–179]. Возлагая большие надежды на работу среди солдат, компартия тем не менее не приложила достаточно усилий для создания нелегальных ячеек в армии.

Коммунистическое подполье занимало в деятельности КПФ важное, а зачастую и главенствующее место. Это вытекало из нелегального статуса партии в Финляндии и четкого следования финских коммунистов директивам коммунистического интернационала. За короткий срок была создана широкая и достаточная эффективная сеть нелегалов. С ее помощью финские коммунисты подчинили своей политической линии значительное количество легальных общественных и профессиональных организаций, существенно укрепив свое положение в Финляндии.

Но финские коммунисты столкнулись и со значительными трудностями, поскольку процесс создания нелегальной сети шел медленно. Рабочие опасались участвовать в незаконных собраниях и акциях из-за проблем с полицией

и властями. Усугубляла ситуацию традиционная для левых Финляндии проблема – отсутствие достаточного числа подготовленных кадров. В этот период проявились принципиально слабые места в работе левых в Финляндии: недостаточная дисциплина среди членов ячеек, финансовые проблемы и слабое проникновение в ряды кооперативного движения. В апреле 1928 года финская полиция арестовала нелегала КПФ Я. Раси, который выдал информацию обо всех известных ему агентах-коммунистах. Это безвозвратно подорвало нелегальную сеть компартии, несмотря на то что попытки воссоздать ее предпринимались позднее. Но ни массовостью, ни результативностью она не могла сравниться с подпольем 1923–1928 годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отчет о деятельности КПФ с августа 1923 года по ноябрь 1924 // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 778. Л. 17.
- ² Главные пункты и области нелегальной работы // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 784. Л. 85.
- ³ SKP:n V puoluekokous 1925 v. // SKP:n päätöksiä. Leningrad, 1935. S. 93.
- ⁴ Протокол допроса П. С. Нурмиранта // Архив УФСБ по РК П-10626. Л. 22.
- ⁵ Главные пункты и области нелегальной партийной работы // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 784. Л. 88.
- ⁶ Резолюция по организационному вопросу // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 784. Л. 76.
- ⁷ Отчет за ¼ 1924 года // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 778. Л. 25.
- ⁸ Резолюция по организационному вопросу // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 784. Л. 76. КА. I/RGASPI: 125.
- ⁹ Suomen kommunistinen julkinen toiminta II. Tilannekatsaus laati Viipurin läänissa maaheralle ja Etsivän Keskuspoliisin pääosastolle // Kansallisarkisto. EK-VALPOI II 2410.
- ¹⁰ Протокол совещания представителей ЦК КПФ с О. Пятницким // Коминтерн и Финляндия. М., 2003. С. 134–135.
- ¹¹ SKP:n V puoluekokous 1925 v. // SKP:n päätöksiä. Leningrad, 1935. S. 103–105.
- ¹² Протокол допроса А. Х. Нахкала // Архив УФСБ по РК П-3044. Л. 21–23.
- ¹³ Директивное письмо В. Мицкевича-Капсукаса ЦК КПФ относительно выполнения резолюции Президиума ИККИ от 21 января 1924 г. об организации и задачах производственных партийных ячеек на предприятиях // Коминтерн и Финляндия. М., 2003. С. 127.
- ¹⁴ Письмо К. Маннера в Отдел «М» ИККИ о направлении им изданий военной секции КПФ // Коминтерн и Финляндия. М., 2003. С. 133.
- ¹⁵ Для сравнения: в ячейках среди рабочих газеты даже не был организован выпуск листовок и прокламаций. Протокол совещания представителей ЦК КПФ с О. Пятницким // Коминтерн и Финляндия. М., 2003. С. 135.
- ¹⁶ Из доклада Финского бюро ЦК КПФ о работе организаций КПФ в армии // Коминтерн и Финляндия. М., 2003. С. 186.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна (от конгресса к конгрессу) // История коммунистического интернационала 1919–1943. М.: Наука, 2002. С. 11–25.
2. Саломая Э. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение в Финляндии. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. 150 с.
3. Hakalehto I. Suomen kommunistinen puolue ja sen vaikutus poliittiseen ja ammatilliseen työväenliikkeeseen 1918–1928. Helsinki: WSOY, 1966. 324 s.
4. Hyyönen A. Suomen kommunistinen puolue 1918–1924. Helsinki: Kansankulttuuri, 1968. 304 s.
5. Härmäläinen P. K. In time of storm: revolution, civil war, and the ethno linguistic issue in Finland. Albany, NY: State University of New York Press, 1979. 172 p.
6. Jutikkala E. Suomen 1920-luvun kommunistien salainen ja julkinen toiminta // Historiallinen aikakauskirja. 1966. № 64. S. 139–142.
7. Kerkola J. Stalinismin lyhyt kurssi: Suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa 1926–1938. Helsinki: Väitöskirja, Helsingin yliopisto. Bibliotheca historica 105, 2006. 454 s.
8. Mäkelä J. Oikeuskäyttö Suomen politiikassa 1918–1939. Turku: Turun Yliopisto, 1976. 343 s.
9. Noronen M. Kansanedustajien sosiaalinen tausta Suomessa. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1964. 368 s.
10. Parkkari N. Nuoret taistelun tiellä. Suomen vallankumouksellinen nuorisoliike 1900–1944. Helsinki: Kansankulttuuri, 1970. 304 s.
11. Postinen P. Vasemmistoradikaalisen työväenliikkeen järjestö rakenne ja toimimuodot 1920–1930. Turku: Turun yliopisto. Poliittinen historia, 1988. 351 s.
12. Rentola K. Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937–1945. Väitöskirja. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1994. 355 s.
13. Saarela T. Finnish communism, Bolshevization and Stalinization // Bolshevism, Stalinism and the Comintern. Perspectives on Stalinization 1917–1953. Basingstoke, 2008. P. 188–205.
14. Saarela T. Suomalaisen kommunismin synty 1918–1923. Helsinki: Kansan sivistystyön liitto, 1996. 525 s.
15. Saarela T. Suomalainen kommunismi ja vallankumous 1923–1930. Helsinki: SKS, 2008. 840 s.
16. Salomaa M. Punaupseerit. Porvoo: Werner Söderström, 1992. 468 s.

17. Upton A. F. The Communist parties of Scandinavia and Finland / With contributions by Peter P. Rohde and A. Sparring. London: Weidenfeld & Nicolson, 1973. 422 p.

Murav'ev A. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CLANDESTINE ACTIVITY OF FINNISH COMMUNIST PARTY IN FINLAND OF 1923–1928

The history of the Finnish communist party underground network, which operated in Finland from 1923 to 1928, is studied. The present research reveals the principles on which this network functioned and evolved. Unfortunately, the covert network was successful only temporary. It started facing earnest problems in the middle of the 1920s. The biggest obstacle was the unwillingness of the Finnish workers to join organizations headed by the communists. Moreover, the communist propaganda became less authoritative and, therefore, did not govern the Finnish population as much as it did before. One secret agent-provocateur of the Finnish police revealed the names of all communist conspirators known to him. This led to a collapse of the secret network of the Finnish communist party. Key words: History of Finland, Finnish communism, underground network, FCP

REFERENCES

1. Adibekov G. M., Shakhnazarova E. N., Shirinya K. K. Organizational structure of the Komintern (from Congress to Congress) [Organizatsionnaya struktura Komintern (ot kongressa k kongressu)]. *Istoriya kommunisticheskogo internatsionala 1919–1943* [The History of the Communist International 1919–1943]. Moscow, Nauka Publ., 2002. P. 11–25.
2. Salomaa E. *Vliyanie Velikoy oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii na rabochee dvizhenie v Finlyandii* [Impact of the Great October Socialist Revolution on the labor movement in Finland]. Moscow, Publishing House of political literature, 1967. 150 p.
3. Hakalehto I. Suomen kommunistinen puolue ja sen vaikutus poliittiseen ja ammatilliseen työväenliikkeeseen 1918–1928. Helsinki: WSOY, 1966. 324 s.
4. Hyvönen A. Suomen kommunistinen puolue 1918–1924. Helsinki: Kansankulttuuri, 1968. 304 s.
5. Härmäläinen P. K. In time of storm: revolution, civil war, and the ethno linguistic issue in Finland. Albany, NY: State University of New York Press, 1979. 172 p.
6. Jutikkala E. Suomen 1920-luvun kommunistien salainen ja julkinen toiminta // Historiallinen aikakauskirja. 1966. № 64. S. 139–142.
7. Krekola J. Stalinismin lyhyt kurssi: Suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa 1926–1938. Helsinki: Väitöskirja, Helsingin yliopisto. *Bibliotheca historica* 105, 2006. 454 s.
8. Mäkelä J. Oikeuskäyttö Suomen politiikassa 1918–1939. Turku: Turun Yliopisto, 1976. 343 s.
9. Noponen M. Kansanedustajien sosiaalinen tausta Suomessa. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1964. 368 s.
10. Parkkari N. Nuoret taistelun tiellä. Suomen vallankumouksellinen nuorisoliike 1900–1944. Helsinki: Kansankulttuuri, 1970. 304 s.
11. Postinen P. Vasemmistoradikaalisen työväenliikkeen järjestö rakenne ja toimimuodot 1920–1930. Turku: Turun yliopisto. *Poliittinen historia*, 1988. 351 s.
12. Rentola K. Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937–1945. Väitöskirja. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1994. 355 s.
13. Saarela T. Finnish communism, Bolshevization and Stalinization // *Bolshevism, Stalinism and the Comintern. Perspectives on Stalinization 1917–1953*. Basingstoke, 2008. P. 188–205.
14. Saarela T. Suomalaisen kommunismin synty 1918–1923. Helsinki: Kansan sivistystyön liitto, 1996. 525 s.
15. Saarela T. Suomalainen kommunismi ja vallankumous 1923–1930. Helsinki: SKS, 2008. 840 s.
16. Salomaa M. Punaupseerit. Porvoo: Werner Söderström, 1992. 468 s.
17. Upton A. F. The Communist parties of Scandinavia and Finland / With contributions by Peter P. Rohde and A. Sparring. London: Weidenfeld & Nicolson, 1973. 422 p.

Поступила в редакцию 03.04.2015

ГРИГОРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СУЗИ

соискатель кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
grigory.suzi@gmail.com

РАЙОНИРОВАНИЕ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940 ГОДУ*

Рассматривается процесс создания районов на Карельском перешейке и в Северном Приладожье – бывших финских территориях, включенных в состав СССР после Зимней войны. Финские уезды по социально-экономическим параметрам не уступали районному звену советской административно-территориальной структуры и могли стать основой создания советских районов. Поэтому на новых территориях Карело-Финской республики прежнее административное деление в общих чертах было сохранено. Но проведение новой границы между КФСР и Ленинградской областью на Карельском перешейке нарушило его прежнее административное единство и вызвало трудности в районировании юго-восточной части перешейка, переданной Ленобласти.

Ключевые слова: граница, Карельский перешеек, Северное Приладожье, административно-территориальная структура

В марте 1940 года по условиям Московского мирного договора Финляндия передала Советскому Союзу регион Карельского перешейка и Северного Приладожья. На новых землях необходимо было создать органы советской и партийной власти, для чего требовалось выбрать районные центры и установить границы новых районов.

В существующих работах по истории Карельского перешейка и Северного Приладожья в 1940-е годы затрагивался вопрос их административно-территориального деления, однако не проводилось сравнения между их новым советским устройством и прежним финским, с одной стороны, и между районированием новых территорий Карело-Финской ССР и Ленинградской области – с другой. Такое сравнение необходимо для ответа на вопрос о преемственности или изменениях в устройстве этих земель на рубеже 1930–1940-х годов.

Новые земли были преимущественно включены в состав новообразованной Карело-Финской союзной республики. Лишь небольшая часть земель на Карельском перешейке, непосредственно примыкавших к Ленинграду, была передана Ленинградской области.

На заседании Политбюро ЦК ВКП (б) от 27 марта 1940 года было принято решение: «...впредь до районирования сохранить на новых территориях Карело-Финской ССР существующее административное деление (уезд, волость)»¹. На территориях, переходящих к КФСР, были запрещены любые переименования населенных и географических пунктов, железнодорожных станций [3; 220]. Несмотря на то что это решение касалось только новых территорий Карело-Финской республики, прежние финские названия

в 1940–1941 годах были сохранены и в Ленинградской области.

К Карело-Финской ССР отошли территории, до 1940 года частично входившие в состав восьми уездов Выборгской и одного уезда Куопиоской губерний Финляндии. На их основе были намечены семь новых советских уездов. Их границы не были четко определены. В соответствии с упоминавшимся решением Политбюро в начале апреля 1940 года были организованы семь уездных Временных Управлений, для функционирования которых республиканское руководство направило 35 сотрудников и которые размещались в следующих городах и населенных пунктах: Виипури, Кякисалми, Сортавала, Антреа, Ляскеля, Питкяранта, Суоярви². Эти Временные уездные Управления должны были выполнять функции местной власти до образования районов и проведения выборов в районные Советы депутатов трудящихся [5; 36–37]. В четырех случаях из семи центрами новых советских уездов стали центры прежних финских уездов: Виипури, Кякисалми, Сортавала, Питкяранта. Формирование советских уездов было временной мерой, необходимой при переходе от прежней финской административно-территориальной схемы управления (уездной) к новой советской (порайонной). Советские уезды просуществовали с марта по июль 1940 года.

9 июля 1940 года на первой сессии Верховного Совета Карело-Финской ССР был принят закон, согласно которому на новых территориях республики были созданы семь районов: Виипурский (Выборгский), Кякисалмский (Кексгольмский), Куркийокский, Питкярантский, Сортавальский (Сердобольский), Яскинский и Суоярвский [4; 17]. Однако термин «новые районы» для обо-

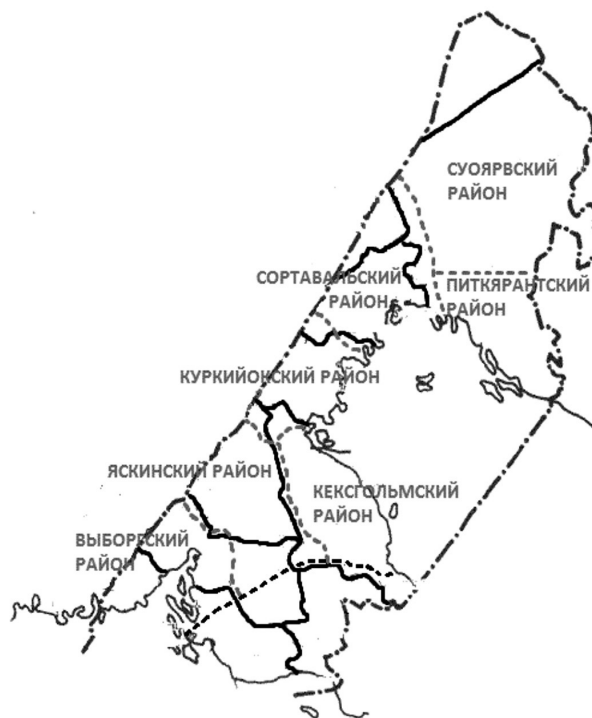
значения всех новых территорий³ или названия конкретных районов: «Кексгольмский район», «Сортавальский район»⁴ – появились в документах раньше, чем был принят июльский закон об их создании. В период марта – начала июля 1940 года «районами» назывались бывшие финские и новые советские уезды. Соответственно, встречались и обозначения «Временное районное Управление» вместо более точного «Временного уездного Управления», на что указывал в своем отчете откомандированный из Москвы сотрудник, помогавший республиканским властям в организации выборов в Верховные Советы КФСР и СССР⁵.

С другой стороны, даже после того как был принят закон от 9 июля 1940 года, в документах наравне с районами⁶ все еще упоминаются уезды и уездные Временные Управления⁷. Точное употребление терминов «уезд» и «район» встречается в документах лишь при указании должности их составителя или адресата, но в содержательной части документов термины «уезды» и «районы» используются как взаимозаменяемые. На мой взгляд, это может свидетельствовать о том, что местные власти не видели серьезных различий между бывшим финским делением территорий на уезды и новым советским – на районы. И для этого были основания.

На карте-схеме обозначены контуры территорий, переданных Финляндией Советскому Союзу (пунктирная линия с точкой), граница между Ленинградской областью и Карело-Финской республикой (черная пунктирная линия), границы бывших финских уездов (сплошные черные линии) и границы новых советских районов (серая пунктирная линия). В моем распоряжении нет готовой карты или схемы, на которой были бы одновременно отмечены границы финских уездов и советских районов, поэтому за основу была взята карта «Уступленная Карелия»⁸. Границы уездов нанесены на нее в соответствии с финской административной картой 1935 года⁹ с внесением изменений, произошедших в период 1935–1940 годов¹⁰. Границы новых советских районов нанесены мною схематически по описанию, приведенному в указе Президиума Верховного Совета КФСР «Об установлении границ Виипурского (Выборгского), Куркийокского, Какисалмского (Кексгольмского), Питкярантского, Сортавальского (Сердобольского), Суоярвского и Яскинского районов» от 27 августа 1940 года.

На карте-схеме видно, что новое порайонное деление было в общих чертах привязано к прежнему уездному, в некоторых местах границы финских уездов и советских районов совпадали. Лишь в случае Суоярвского района прежние уездные границы были кардинально пересмотрены. На мой взгляд, такая преемственность в административном устройстве объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, для руководства

страны, и в особенности Карело-Финской республики, определение границ новых районов и выбор райцентров были одними из первостепенных задач, а обращение к финскому опыту позволяло ускорить этот процесс.

О том, что руководство республики и страны обращало внимание на прежнее административно-территориальное устройство этих земель, свидетельствует переписка между Верховными Советами СССР и КФСР по данному вопросу. Руководство республики собрало и направило в адрес союзных органов власти подробные сведения о площади бывших финских уездов, количестве общин в каждом из них, численности населения¹¹.

Во-вторых, прежнее административно-территориальное устройство могло быть сохранено и потому, что в общих чертах уездное деление Финляндии согласовывалось с районным делением в СССР. Бывшие финские уезды по своим социально-экономическим показателям: площади, количеству населения, промышленному и сельскохозяйственному потенциалу, удобству транспортного сообщения с центром уезда – не уступали «старым» районам республики, а в некоторых случаях и превосходили их, поэтому нужды в значительных изменениях не было.

Численность населения «новых» районов за счет планового переселения колхозников и притока рабочих росла стремительно. Так, к 1 января 1941 года в семи новых районах Карело-Финской ССР уже проживало почти 200 тысяч человек, а в девятнадцати старых районах – всего около 470 тысяч. По плотности населения уже к началу

1941 года новые районы превзошли старые более чем в два раза – соответственно 8,5 и 4,1 человека на квадратный километр¹². Все населенные пункты на новых территориях были связаны с районными центрами сетью грунтовых, шоссейных и железных дорог, чего нельзя было сказать о старых районах республики, где из имеющихся 221 сельсовета 46 не имели постоянного транспортного сообщения с районным центром¹³.

Многочисленные промышленные объекты размещались на новой территории более или менее равномерно, а не концентрировались в какой-то ее части. Помимо объектов всесоюзного значения (например, восьми крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатов и заводов), там находились и предприятия местного значения. Такие промышленные объекты размещались во всех уездах, поэтому сохранение прежнего устройства территорий позволяло равномерно распределить нагрузку по их восстановлению, живущую на районные власти.

Самым серьезным административно-территориальным преобразованием по сравнению с финским периодом стало создание Суоярвского и Питкярантского районов за счет разделения бывшего Салминского уезда. К Суоярвскому району в силу их географического расположения отошли и территории общины Иломанси, ранее входившей в состав Куопиоской губернии Финляндии. Возможно, создание одного нового района на основе Салминского уезда, который бы включал большую часть территорий Северного Приладожья, было нецелесообразным. Его территория была бы слишком обширной, что затрудняло бы управление.

Изменялись и границы других бывших финских уездов, но не так значительно. Новая государственная граница между СССР и Финляндией не учитывала границ уездов, поэтому советские власти стремились объединить их разрозненные части, оказавшиеся на советской стороне, в один район и выпрямить новые административные границы, что отчетливо заметно на карте. Несмотря на корректировку границ бывших уездов, райцентрами в пяти случаях из семи стали прежние уездные центры: Виипури, Сортавала, Кякисалми, Яски, Куркийоки. Соответственно, в этих случаях новые районы сохраняли и прежние финские названия уездов.

Районирование юго-восточных территорий Карельского перешейка, отошедших к Ленинградской области, вызвало у руководства области больше затруднений и вопросов. На мой взгляд, основной причиной этого было проведение границы между Карело-Финской республикой и Ленинградской областью, нарушившей прежнее единство уездов Карельского перешейка и не учитывавшей экономических факторов (на карте-схеме граница между Карело-Финской республикой и Ленобластью обозначена черной пунктир-

ной линией). Проведение ее именно в этом месте было обусловлено скорее внешнеполитическими и идеологическими обстоятельствами [2; 268].

К Ленинградской области отошли территории четырех бывших финских уездов: целиком отошел уезд Раяйоки, большая часть территории уезда Ранта, однако лишь незначительные части Выборгского и Кякисалмского уездов. В начале апреля 1940 года руководство области планировало создать на этих землях пять районов: Териокский, Койвистовский, Каннельярвский, Валкъярвский и Раутовский¹⁴. Но уже к середине месяца это решение было пересмотрено. Возможно, такое деление показалось руководству Ленобласти излишне дробным. В итоге число новых районов на Карельском перешейке сократилось с пяти до трех, и 16 мая 1940 года был принят указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Каннельярвского, Раутовского и Койвистовского районов в Ленинградской области»¹⁵.

Ни карт, ни точного описания границ трех новых районов в фондах петербургских архивов обнаружить не удалось. Однако, опираясь на списки сельских, поселковых советов и населенных пунктов, входящих в состав этих районов¹⁶, можно в общих чертах представить конфигурацию новых районов и их отличия от прежних уездов в этой части перешейка. Общая логика административно-территориального деления Карельского перешейка вдоль его длины с северо-запада на юго-восток была сохранена. Уезд Ранта с центром в Койвисто стал основой Койвистовского района, и его границы изменились незначительно. За счет объединения территории уезда Раяйоки и частей Выборгского и Кексгольмского уездов были созданы соответственно Каннельярвский и Раутовский районы.

Возникли сложности с выбором новых районных центров, так как крупных населенных пунктов в этой части Карельского перешейка, за исключением Койвисто, не было. Два бывших уездных центра из четырех – Выборг и Кякисалми – остались на территории, переданной Карело-Финской республике. Поэтому выбор новых райцентров в Ленинградской области был не столь очевиден, как в Карело-Финской республике. Селение Каннельярви и поселок Рауту, давшие названия новым районам, скорее всего, были выбраны в качестве райцентров за неимением лучшего.

Во всех трех новых райцентрах – Койвисто, Каннельярви и Рауту – должны были быть построены три новые школы, три больницы и три радиоузла¹⁷, из чего можно заключить, что либо их не было там изначально, либо они были разрушены в период войны. Именно на этих территориях происходили самые ожесточенные бои в ходе Зимней войны, что затрудняло их быстрое освоение. Однако отсутствие объектов социаль-

ного назначения ставит под вопрос реальное значение этих населенных пунктов как райцентров. В Койвисто уцелело лишь двадцать семь домов¹⁸. В поселке Рауту отсутствовали даже необходимые дома для размещения районной администрации¹⁹. При этом вопрос о наличии свободных площадей был одним из ключевых при выборе райцентра²⁰. Нельзя сказать, что проблем с жилплощадью не возникало на новых территориях Карело-Финской ССР, но там они были связаны в первую очередь с конкуренцией между гражданскими властями и военными за нее.

Ситуацию с выбором райцентров осложняло то, что на новых территориях Ленинградской области отсутствовали крупные промышленные объекты, вокруг которых могли бы быстро формироваться новые центры; в целом, это были менее развитые территории по сравнению с северо-западной частью Карельского перешейка или с Северным Приладожьем: на семи предприятиях, на которых был произведен учет, в декабре 1940 года работало немногим более тысячи рабочих. Всего же промышленных предприятий насчитывалось семнадцать, пять из которых находились в Койвисто²¹.

Возможно, Каннельярви, Рауту и Койвисто были выбраны в качестве новых райцентров потому, что имели прямое железнодорожное и шоссе сообщение с Ленинградом, откуда поступали все ресурсы для восстановления новых территорий. Однако, несмотря на близость Ленинграда, по количеству населения каждый из этих трех районов также отставал и от старых территорий Ленинградской области, и от новых районов Карело-Финской ССР. Например, в августе 1940 года в Раутовском районе проживало чуть более 6 тысяч человек²². В январе – феврале 1941 года в Каннельярвском районе насчитывалось менее 12 тысяч человек²³. Для сравнения, в Суоярвском, самом малолюдном из новых районов Карело-Финской ССР, уже к началу 1941 года

проживало 14,5 тысячи человек, а в Яскинском – 26,8 тысячи человек²⁴.

При этом дефицита рабочих или колхозников не было, так как за счет Ленинграда и области компенсировалась нехватка населения даже в новых районах Карело-Финской ССР. Возможно, это говорит о том, что большего количества населения в новых районах Ленинградской области и не требовалось, особенно в условиях, когда жилищный фонд в зоне непосредственных боевых действий периода Зимней войны был разрушен, а крупное производство отсутствовало.

В ноябре 1944 года весь Карельский перешеек был передан Ленинградской области. Все финские названия на перешейке были заменены на русские; к тому же в 1950-е годы в Ленинградской области шел активный процесс укрупнения районов, и к 1960 году из шести районов Карельского перешейка осталось только три: Выборгский, Приозерский (бывший Кексгольмский) и Рощинский (бывший Каннельярвский). Последнему были переданы полностью территория Приморского (бывшего Койвистовского) и частично Сосновского (бывшего Раутовского) районов [1; 15–16]. В итоге в юго-восточной части перешейка вместо трех небольших, экономически слабых, малолюдных районов был создан один.

После 1944 года в составе Карело-Финской ССР осталось только Северное Приладожье. Административное устройство этих территорий не претерпело таких значительных изменений, как в Ленинградской области. Несмотря на изменения границ, перенос райцентров и изменение статуса других населенных пунктов, здесь до сих пор существуют четыре района, сформированные еще в 1940 году. Возможно, одной из причин такой жизнеспособности районов стало то, что они были созданы с учетом прежнего финского административного устройства этих территорий и по своим социально-экономическим параметрам не уступали старым районам республики.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1252. Л. 9.

² Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2/10. Л. 133.

³ Там же. Ф. Р-690. Оп. 9. Д. 3/11. Л. 176.

⁴ Там же. Д. 4/15. Л. 250.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 11. Д. 148. Л. 85.

⁶ НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 3/16. Л. 197–199.

⁷ Там же. Л. 214.

⁸ “Luovutettu Karjala” [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.luovutettukarjala.fi/>

⁹ “Suomen tilastokartta, 1935” [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/20/Suomi%2C_tilastokartta_1935.jpg

¹⁰ “Luettelo Suomen kihlakunnista” [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fi.wikipedia.org/wiki/Luettelo_Suomen_kihlakunnista

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 11. Д. 227; НА РК. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 1–7. Л. 34–37.

¹² НА РК. Ф. Р-1411. Оп. 2. Д. 118/1095. Л. 5, 9, 10.

¹³ Там же. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 31/231. Л. 2.

¹⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб.). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4241. Л. 213–214.

¹⁵ Введение к справочнику истории административно-территориального деления Ленинградской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://classif.spb.ru/sprav/np_lo/vvedenie.htm

- ¹⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 7179. Оп. 10. Д. 1705. Л. 32–34, 35–36.
¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 896. Л. 8.
¹⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4241. Л. 210.
¹⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 15. Д. 143. Л. 1.
²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 13. Л. 70–73.
²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-95. Оп. 4. Д. 835. Л. 10.
²² Там же. Л. 44–45.
²³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 11. Д. 1100. Л. 20.
²⁴ НА РК. Ф. Р-1411. Оп. 2. Д. 118/1095. Л. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальное деление Ленинградской области / Сост. Т. А. Бадина. Л.: Лениздат, 1966. 197 с.
2. Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб.: Нева, 2000. 288 с.
3. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.
4. Покровская И. П. Административно-территориальные изменения в Карелии за 1920–1957 гг. Петрозаводск, 1960. 40 с.
5. Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской СССР в 1940-е годы: Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. 249 с.

Suzi G. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**DISTRICT ZONING OF NEW TERRITORIES
OF KARELIAN-FINNISH UNION REPUBLIC AND LENINGRAD REGION IN 1940**

The article deals with the issue of administrative zoning conducted on the former Finnish territories – the Karelian Isthmus and the Northern Ladoga area, which were annexed by the Soviet Union after the end of the Winter War. The former administrative structure, the intrinsic to Finnish counties, was generally preserved on the newly zoned areas of Karelian-Finnish Union Republic. No significant changes were needed to convert the annexed Finnish counties into Soviet districts. Regrettably, new administrative boundaries between KFSR and the Leningrad region on the territory of Karelian Isthmus disrupted its unity and complicated the process of district zoning on the territories of Leningrad region.

Key words: boundary, the Karelian Isthmus and Northern Ladoga area, administrative-territorial structure

REFERENCES

1. *Administrativno-territorial'noe delenie Leningradskoy oblasti* [Administrative-territorial structure of Leningrad region]. Leningrad, 1966. 197 p.
2. V i k h a v a y n e n T. *Stalin i finny* [Stalin and Finns]. St. Petersburg, 2000. 288 p.
3. K i l i n Y u. M. *Kareliya v politike Sovetskogo gosudarstva. 1920–1941 gg.* [Karelia in the politics of the Soviet state. 1920–1941]. Petrozavodsk, 1999. 275 p.
4. P o k r o v s k a y a I. P. *Administrativno-territorial'nye izmeneniya v Karelii za 1920–1957 gody* [Administrative-territorial changes in Karelia in 1920–1957]. Petrozavodsk, 1960. 40 p.
5. S m i r n o v a E. P. *Zaselenie i osvoenie novykh territoriy Karelo-Finskoy SSR v 1940-e gody: Diss. ... kand. ist. nauk* [The resettlement and development of the new districts of Karelian-Finnish Union Republic in the 1940-ies. Cand. hist. sci. diss]. Petrozavodsk, 2006. 249 p.

Поступила в редакцию 15.01.2015

НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА БОГДАНОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики общего и профессионального образования Института педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

nadebogdanova@yandex.ru

ОРИЕНТАЦИЯ СТУДЕНТОВ НА ПРОФЕССИЮ УЧИТЕЛЯ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Рассматриваются пути формирования ценностного отношения будущих учителей к овладению педагогической профессией. Анализ проблем современного общего образования, состояние кадрового потенциала, требования к современному учителю актуализируют необходимость изучения отношения студентов к педагогическому труду. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о недостаточной ориентации студентов на формирование профессиональных компетенций и способностей. Опрос показал значимость педагогической деятельности для самореализации и саморазвития. Вместе с тем непрерывное педагогическое образование не рассматривается как приоритетная лично значимая ценность. Одним из эффективных путей преодоления возникающих противоречий и проблем, по мнению автора, является реализация программ профильного обучения психолого-педагогической направленности на ступени основного общего образования. Описаны основные этапы совместной проектной деятельности студентов и магистрантов по разработке проекта профильного обучения «Учитель в современном мире». Представленный проект направлен на создание механизмов выбора профессии учителя школьниками. Выводы, содержащиеся в статье, свидетельствуют о том, что проектирование как практико-ориентированная технология способствует формированию набора необходимых компетенций и обеспечивает устойчивую ориентацию на педагогическую профессию.

Ключевые слова: профессия учителя, компетентность, ценностное отношение, профильное обучение, проектная технология

Развитие системы образования на современном этапе представляет собой многосторонний процесс, включающий изменение целей образования, его содержания, условий образовательной деятельности. Важным фактором, влияющим на качество образования, распространение современных технологий и методов преподавания, является состояние кадрового потенциала. В государственной программе «Развитие образования в Республике Карелия» на 2014–2020 годы представлена интегральная оценка проблем сферы образования РК. Одной из ключевых проблем является выраженный возрастной дисбаланс в общем образовании: доля учителей пенсионного возраста составляет более 34 % (с учетом выхода на пенсию с 50 лет), что значительно выше, чем в среднем по РФ. Медленно происходит обновление педагогического корпуса. Доля учителей в возрасте до 30 лет составляет в РК 13 %, что сопоставимо со среднероссийским показателем. В связи с этим ставятся задачи повышения привлекательности педагогической профессии и создания механизмов мотивации ее выбора, обновления состава и компетенций педагогических кадров и, как следствие, повышения качества работы и стремления к непрерывному профессиональному развитию.

Современный учитель призван осуществлять психологическое и социально-педагогическое сопровождение школьников. Это педагог – тьютор, консультант, модератор, фасилитатор, игромастер, организатор проектного обучения и т. д. В системе педагогических наук теоретико-методологическим обоснованием педагогической концепции подготовки специалиста, способного продуктивно реагировать на вызовы нового времени, признается компетентностный подход. Системное мышление, межотраслевая коммуникация, мультиязычность и мультикультурность, управление проектами, работа с людьми и другое являются профессиональными компетенциями, которые, помимо привычного обучения навыкам и знаниям, позволяют развивать когнитивные навыки и осваивать продуктивные состояния сознания у школьников.

Выполнение государственных требований к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование» обеспечивает формирование общекультурных и профессиональных компетенций. Так, в области педагогической деятельности выпускник должен обладать рядом компетенций, связанных с готовностью и способностью проектировать, реализовывать учебные программы,

осуществлять педагогическое сопровождение, взаимодействовать с субъектами образовательного процесса. Подчеркивается важность применения современных методик и технологий для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса.

Формирование ценностного отношения будущих учителей к овладению педагогической профессией целесообразно начинать уже в школе. Успех этого процесса зависит от возможностей педагогических коллективов в проектировании и реализации программ профильного обучения психолого-педагогической направленности.

Анализ теоретических исследований и образовательной практики показывает, что существует ряд противоречий:

- между потребностями школы в новых педагогических кадрах и нестабильностью молодых специалистов (в данном исследовании не рассматривается экономическая составляющая);
- между возрастающими требованиями к профессиональной компетентности педагога и наличием личностной заинтересованности студентов в педагогической деятельности;
- между стремлением к непрерывному образованию и ориентацией на педагогическую сферу;
- между значимостью проектного подхода, ориентированного на формирование набора профессиональных компетенций, и его применением в педагогической деятельности.

Представленные противоречия отражают личностную позицию будущего учителя, которая не может быть напрямую транслирована от преподавателя к студенту, а может быть сформирована только в самостоятельной работе над собой, в ходе самообразования [1].

С целью выявления личностной заинтересованности будущих учителей в педагогической деятельности, потребности в самосовершенствовании, ценностного отношения к профессиональному росту мы опросили 53 студента второго курса, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» в Институте иностранных языков Петрозаводского государственного университета. Нас интересовало отношение студентов к профессии учителя, осознание ими ценности педагогического труда. Комплекс вопросов по этим параметрам был следующий:

1. Что Вы цените в профессии учителя?
2. Какие способности и качества характеризуют современного педагога?
3. Какое значение лично для Вас имеет педагогическая деятельность?

Ценность профессии учителя студенты видят в следующем: «Возможность быть полезным людям» – около 50 % опрошенных, «Творческий характер деятельности» – 47 %, «Возможность преподавать знания другим» – 35 %, «Общение с детьми, молодежью, с широким кругом людей» – более 30 %, «Возможность для самосовершенствования» – 30 %.

Результаты анализа ответов студентов о способностях и личностных качествах современного учителя показывают, что они отдают предпочтение академическим, дидактическим, творческим способностям, становлению нравственных, эстетических качеств, гражданской позиции (56,6 %; 52,8 %; 47,1 %, 35,8 % – первое, второе, третье, четвертое ранговые места) (см. таблицу). Это свидетельствует об ориентации студентов на формирование общекультурных и ряда профессиональных компетенций. Наименее существенными, по мнению респондентов, являются организаторские и речевые способности. Никто из опрошенных не акцентировал внимание на конструктивных способностях. Это, на наш взгляд, иллюстрирует недопонимание студентами важности формирования таких профессиональных компетенций в области педагогической деятельности, как способность разрабатывать и реализовывать учебные программы базовых и элективных курсов в различных образовательных учреждениях, применять современные методики и технологии, использовать возможности образовательной среды для формирования универсальных видов учебной деятельности.

Отвечая на вопрос о значении педагогической деятельности лично для себя, респонденты дали развернутые ответы, указав такие возможности, как:

- самореализация, творческое самовыражение (более 50 % опрошенных);
- непрерывное образование, саморазвитие (около 40 %);
- заниматься любимым делом – передавать свои знания по предмету новому поколению (около 25 %);
- удовлетворение своих потребностей в общении и социальном признании (17 %);
- изучение и совершенствование знаний по иностранному языку, подготовка к международным экзаменам (около 60 %);
- использование педагогических знаний в различных сферах профессиональной деятельности (более 50 %).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что ведущими возможностями признаются самореализация, саморазвитие, совершенствование, выход за рамки педагогической деятельности. Это, на наш взгляд, иллюстрирует понимание сложности и особенностей педагогической профессии и актуализирует необходимость включения студентов в систему непрерывного образования.

Иначе обстоит дело с ориентацией студентов на продолжение именно педагогического образования. Большинство респондентов не рассматривают его как приоритетную, личностно значимую ценность. На вопрос о продолжении педагогического образования или повышении квалификации 29 человек из 53 заявили, что это

Суждения студентов о способностях и качествах учителя

Способности и качества	Формулировки студентов	Кол-во ответов	Ранговое место
Коммуникативные	«Учителю необходим и опыт работы, и образование, и умение общаться с детьми и родителями», «...должен понимать, чувствовать ребенка», «Доброжелательное отношение»	30,1 %	V
Академические	«Педагог должен обладать широким кругозором, иметь знания во всех сферах жизнедеятельности, независимо от специализации», «Быть учителем – это большая ответственность. Только созревший ум может стать примером», «Это непосильный труд, требующий осознания дела и, главное, желаний», «Для меня образ учителя очень четкий: умный, начитанный, эрудированный человек, который способен ответить на любой вопрос»	56,6 %	I
Дидактические	«Умение хорошо и интересно преподнести материал», «Учитель не только передает знания, но и делает людей более думающими и осведомленными», «...закладывает фундамент в будущее ребенка, может повлиять на развитие его личностных качеств»	52,8 %	II
Организаторские	«Эта профессия требует большого вклада, труда и самоотдачи», «Учителю важно знать, как донести знания до ученика, чтобы они были понятны. Для этого к каждому нужно найти подход», «Умение строить работу в классе»	16,9 %	VI
Речевые	«Каждый человек должен знать родной язык и иностранный»	7,5 %	VII
Творческие	«Важно, чтобы с ребенком работал творческий учитель, раскрывая лучшее, что заложено природой, вкладывая в маленького человека частичку своей души, любовь», «Раскрывать потенциал ребят, радоваться победам»	47,1 %	III
Личностные качества	«Это очень кропотливый труд, требующий определенных личностных качеств (любовь к детям и др.)», «Учитель дарит добро, любовь, разжигает огонь в сердцах, показывает детям, что они все могут, что “мир на ладони” там, где есть совесть, чистота, красота, великодушие», «активность и энергичность»	35,8 %	IV

не входит в их планы. Тем не менее ряд студентов рассматривают возможность поступления в магистратуру по специальности (16 человек). Количество студентов, желающих стать учителями, повышать свою квалификацию на курсах повышения квалификации, составило 19 человек. Некоторые из опрошиваемых указали, что им было бы интересно принимать участие в семинарах, конференциях по разным направлениям педагогического образования (10 человек). Таким образом, ответы подтверждают сделанное ранее предположение о недостаточной личностной заинтересованности будущих учителей в профессиональной педагогической деятельности.

В связи с этим мы выявили познавательные запросы наших студентов. Лидирующие позиции занимает сфера иностранных языков (83 %), что обусловлено профилем обучения. Вместе с тем большинство студентов полагают, что образование не может ограничиваться лишь одной конкретной областью знаний, и потому наиболее частыми вариантами ответов были: художественно-эстетическая деятельность (28 %); компьютерная грамотность (19 %); национальная культура (17 %); гражданское образование (14 %).

Полученные данные позволяют вести речь о необходимости поиска научно обоснованных путей инновационного развития системы педагогического образования. Важно усовершенствовать методы и технологии обучения, позволяющие наиболее полно удовлетворять образовательные, профессиональные, духовные

и культурные запросы студенческой молодежи. Модульные траектории, широкий выбор курсов, самостоятельная работа студентов, их вовлечение в реальные проекты призваны обеспечить связь теории с практикой, гибкость и мобильность выпускников вуза в трудоустройстве, устойчивую ориентацию на педагогическую профессию.

В рамках интересующей нас проблематики мы опираемся на концепцию Н. Е. Сауренко по внедрению проектного подхода как методологии образовательного процесса в вузе. «Проектный подход – это способ организации сущности и структуры образовательного процесса; мониторинга и верификации результативности данного процесса, основанный на новом подходе к системе образования в высшей школе как к практико-ориентированной, формирующей набор необходимых компетенций, динамичной и целостной открытой системе социализации личности» [8].

Изучение проектных технологий включено в программу модуля «Педагогика», раздел «Технологические основания образования». В связи с актуальностью разработки содержания профильного обучения психолого-педагогической направленности совместно со студентами второго курса Института иностранных языков и студентами, обучающимися по магистерской программе «Организационно-управленческая деятельность в образовательном учреждении», был разработан проект «Профильное обучение как фактор информирования школьников о профессиях» и подпроект «Учитель в современном

мире». Структура проектирования профильного обучения психолого-педагогической направленности включала подготовительную работу, разработку проекта, проверку качества проекта.

На первом этапе проведен анализ требований ФГОС старшей школы к структуре и результатам основной образовательной программы. Разработан вариант учебного плана, включающего обязательные предметы, предметы гуманитарной направленности для углубленного (профильного) изучения, элективные курсы, практикумы, тренинги психолого-педагогической направленности. Были отобраны практико-ориентированные технологии, такие как учебные пробы для самостоятельной работы на уровне школы, в рамках воспитательной программы школы, летних лагерей, например «Школа Юного педагога». Представлены тематика и направления самостоятельной исследовательской работы школьников. Осуществлялся отбор ресурсов, средств, составлена смета проекта.

На втором этапе системообразующим фактором проектирования явилось взаимное сотрудничество и социальное партнерство в рамках реализации проекта «Учитель в современном мире». Одним из условий организации межшкольной сетевой профильной образовательной программы являются организационные формы профильной подготовки, такие как варианты модулей, дистанционное обеспечение ряда курсов, элективов, индивидуальные маршруты для учащихся конкретных школ. Среди предложенных студентами идей: разработка методического пособия для школьников по выбору профиля с ориентацией на педагогическую профессию, диагностическое исследование личности школьника с учетом интересов и способностей, необходимых для правильного выбора профессии, организация программы профориентационных тренингов для школьников, мастер-классы и деловые игры по знакомству с отдельными видами деятельности современного педагога. Важным условием является межмуниципальное сотрудничество и сотрудничество с организациями профессионально-педагогического образования. Включение

учителей разных школ в реализацию конкретных элементов профильного учебного плана, профориентационные марафоны в школах, экскурсионное сопровождение в образовательные организации инновационного типа, экскурсии для школьников в учреждения профессионально-педагогического образования позволят интегрировать усилия по преодолению возникающих дефицитов содержания и форм организации психолого-педагогического профиля.

На третьем этапе осуществлялось мысленное экспериментирование применения проекта. Программа возможных действий включала заключение соглашений о взаимном сотрудничестве и социальном партнерстве в рамках проекта по профильному обучению «Учитель в современном мире», планирование совместной деятельности. Разрабатывалось содержание учебных курсов, экскурсий и мастер-классов, составлялись списки организаторов и участников. В реализации проекта могут принять участие отдел профориентационной работы ПетрГУ, лаборатория теории и практики развития сельской школы Института педагогики и психологии ПетрГУ, Центр развития образования, общеобразовательные школы, гимназии и лицеи г. Петрозаводска и районов республики. Предполагается мониторинг участников проекта, представление в СМИ опыта и результатов социального партнерства (новости «Ника Плюс», телепрограмма «После школы», журнал «Гиперборея», газета «Петрозаводский университет»), коррекция планов последующих мероприятий.

Проектная деятельность студентов, отвечающая реальным запросам школы, способствует формированию самостоятельности, критического мышления, умения видеть возникающие проблемы и искать пути рационального их решения, используя современные технологии. Это, на наш взгляд, позволит преодолеть расхождение между требованиями к профессионально-личностным характеристикам педагогических кадров и личностной заинтересованностью в выборе профессии учителя и непрерывном педагогическом образовании.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабакова Т. А. Самостоятельная работа студентов по педагогике в университете: Учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 252 с.
2. Батракова И. С. Становление ценностного отношения студентов к непрерывному образованию // Ценности и смыслы современного образования: Сб. статей Междунар. научно-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Академика РАО З. И. Васильевой 9 октября 2014 года / Сост. А. А. Кочетова, Н. В. Седова. СПб.: Свое издательство, 2014. С. 247–251.
3. Даутова О. Б., Крылова О. Н. Современные педагогические технологии в профильном обучении: Учебно-метод. пособие для учителей / Под ред. А. П. Тряпицкой. СПб.: КАРО, 2006. 176 с.
4. Егорова А. М. Профильное обучение и элективные курсы в средней школе // Теория и практика образования в современном мире: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: Реноме, 2012. С. 173–179.
5. Исследование процессов профессионального становления студентов магистратуры в современном вузе: Коллективная монография / Под ред. проф. Н. Ф. Радионовой, проф. А. В. Тряпицына. СПб.: Свое издательство, 2012. 302 с.

6. Колесникова И. А. Педагогическое проектирование: Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 288 с.
7. Компетентный подход в педагогическом образовании: Коллективная монография / Под ред. проф. В. А. Козырева, проф. Н. Ф. Радионовой, проф. А. П. Тряпицыной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 392 с.
8. Сауренко Н. Е. Проектный подход как методология образовательного процесса в контексте актуализации качества высшего образования: Монография. Ростов н/Д: Изд-во ИП Кубеш И. В., 2012. 340 с.
9. Седова Н. В. Педагогическая культура как условие развития субъектов образования // Человек и образование. 2008. № 2. С. 30–34.
10. Специалист в области гуманитарных технологий: компетентности и сферы профессионального применения: Методический сборник / Л. А. Громова [и др.]. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 172 с.

Bogdanova N. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORIENTATION OF STUDENTS TOWARDS TEACHING PROFESSION BY PROJECT ACTIVITIES

Possible ways of the value based attitude development in future teachers are considered in the article. Analysis of the problems inherent to contemporary general education, human resources' potentials, requirements asserted upon contemporary teaching community actualize the need to study students' attitude toward pedagogical work. The obtained research results speak of the weak orientation of students towards professional competencies' development. The survey, however, demonstrated a rise in educational activities significant for self-fulfillment and self-development of students. At the same time, continuing teacher education is not seen by the students as a priority of specific value. One of the ways to overcome such contradictions, in my opinion, is a realization of the profile training program with psycho-pedagogical orientation in the course of basic education. The main steps of the joint project "A teacher in the modern world" involving students and undergraduates of the same profile education are described. The aim of the project was to develop a set of mechanisms making a selection of the teaching profession preferable. The conclusions of the article suggest that projecting as a practically-oriented technology contributes to the development of required competencies and provides stable orientation towards teaching profession.

Key words: teaching profession, competence, value orientation, specialized education, project technology

REFERENCES

1. Babakova T. A. *Samostoyatel'naya rabota studentov po pedagogike v universitete* [Independent work of students in pedagogics at the University]. Petrozavodsk, Izd-vo PSU Publ., 2013. 252 p.
2. Batrakova I. S. Formation of the value based attitude to continuing education in students [Stanovlenie tsennostnogo otnosheniya studentov k nepreryvnomu obrazovaniyu]. *Tsennosti i smysly sovremennogo obrazovaniya: Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO Z. I. Vasil'evoy 9 oktyabrya 2014 goda* [Values and meanings of contemporary education: Collection of papers of the International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of Academician RAO Z. I. Vasilyeva October 9, 2014]. St. Petersburg, Publishing House "Its publishing", 2014. P. 247–251.
3. Dautova O. B., Krylova O. N. *Sovremennyye pedagogicheskie tekhnologii v profil'nom obuchenii* [Modern educational technology in profile training]. St. Petersburg, KARO Publ., 2006. 176 p.
4. Egorova A. M. Profile education and elective courses in high school [Profil'noe obucheniye i elektivnyye kursy v sredney shkole]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Theory and practice of education in the modern world: Proceedings of the International Conference]. St. Petersburg, Renome Publ., 2012. P. 173–179.
5. *Issledovanie protsessov professional'nogo stanovleniya studentov magistratury v sovremennom vuze* [Investigation of the processes of professional development in graduate students in the modern university]. St. Petersburg, Publishing House "Its publishing", 2012. 302 p.
6. Kolosnikova I. A. *Pedagogicheskoe proektirovaniye* [Instructional Design]. Moscow, Publishing Center "Academy", 2008. 288 p.
7. *Kompetentnostnyy podkhod v pedagogicheskom obrazovanii* [Competence approach in teacher education]. St. Petersburg, Izd-vo RSPU Herzen Publ., 2005. 392 p.
8. Saurenko N. E. *Proektnyy podkhod kak metodologiya obrazovatel'nogo protsesssa v kontekste aktualizatsii kachestva vysshego obrazovaniya* [Project approach as a methodology of educational process in the context of updating the quality of higher education]. Rostov n/D, Publishing house IP Kubesh I. V., 2012. 340 p.
9. Sedova N. V. Pedagogical culture as a condition of the subjects of education development [Pedagogicheskaya kul'tura kak uslovie razvitiya sub"ektov obrazovaniya]. *Chelovek i obrazovanie* [Man and education]. 2008. № 2. P. 30–34.
10. *Spetsialist v oblasti gumanitarnykh tekhnologiy: kompetentnosti i sfery professional'nogo primeneniya* [Expert in the field of humanitarian technologies: competence and scope of professional use]. St. Petersburg, RSPU Herzen Publ., 2008. 172 p.

Поступила в редакцию 08.04.2015

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА БАСКОВА

соискатель кафедры теории и методики общего и профессионального образования Института педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ibbaskova@yandex.ru

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

Раскрывается одно из педагогических условий преодоления проблем социализации подростков в школе-интернате посредством экологического образования – индивидуализация педагогической работы с воспитанником. Отмечается, что наряду со специфическими особенностями становления личности, связанными с направленностью школы-интерната (часто коррекционной), имеется ряд общих недостатков социализации воспитанников, определяющихся общими для всех учреждений данного типа условиями жизни и воспитания учащихся. Для доказательства возможностей экологического образования в социализации подростка применен редко используемый в педагогике монографический метод, позволяющий пролонгированно отследить качественные изменения в личности воспитанника. Основное место в статье занимает общая характеристика технологии индивидуальной работы с воспитанницей школы-интерната, а также описание каждого из ее этапов: изучение индивидуальных особенностей учащейся и недостатков в ее социализации; проектирование индивидуальной программы работы; реализация программы индивидуального экологического образования; оценка результативности индивидуальной работы. Раскрываются педагогические способы и средства организации каждого этапа. Делаются выводы о возможностях экологического образования в решении проблем социализации подростков, о целесообразности индивидуализации данной работы в особо сложных случаях.

Ключевые слова: подростки, школа-интернат, экологическое образование, педагогические условия, индивидуализация, социализация

Экологическое образование является одной из важных составляющих в реализации концепции устойчивого развития. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту основной школы (5–9-й классы) и Концепции экологического образования (2010), одной из стратегических направленностей общего образования в целом, экологического образования в частности является социализация обучаемых [1], [5]. Подростки, воспитываемые в школе-интернате, испытывают значительные трудности социализации, которые обусловлены ограниченными возможностями общения и проявления социальной активности.

Междисциплинарный характер экологического образования позволяет организовывать разнообразные виды эколого-ориентированной деятельности школьников. Обеспечение взаимодействия обучающихся друг с другом, педагогами, родственниками в процессе эколого-ориентированной деятельности не только расширяет содержание общения, формирует коммуникативные умения и навыки, но способствует развитию речи, расширению кругозора, появлению и развитию познавательного интереса. Учебная эколого-ориентированная деятельность подростков обогащает их сенсорный опыт и формирует адекватные представления об окружающем мире [2], [6]. Решение проблем социализации подростков средствами экологического образования предпо-

лагает реализацию ряда педагогических условий, одним из которых является индивидуализация экологического образования.

Индивидуализация образовательного процесса обеспечивает субъектную позицию обучающегося через построение индивидуальной траектории развития с учетом анализа индивидуальных особенностей и запросов школьников и подбора (разработки) индивидуальной программы ее реализации. Эффективность образовательного процесса оценивается через прогресс учащегося [3].

Для изучения эффективности индивидуализации экологического образования подростков применен редко используемый в педагогических исследованиях монографический метод. Суть метода заключается в изучении отдельного случая; всестороннем длительном анализе единичного объекта, рассматриваемого в качестве типичного для данного класса явлений. Монографический метод используется в социологии, экономических исследованиях, психологии, педагогике.

В данной статье раскрываются возможности индивидуализации процесса преодоления проблем социализации воспитанников школы-интерната средствами экологического образования на примере подростка, имеющего нарушения зрения. Организация и детальный анализ работы с учащимся с ограниченными физическими возможностями позволяют более ярко представить общепедагогические результаты исследования.

Процесс индивидуализации экологического образования нуждается в технологическом оснащении. Педагогическая технология индивидуальной работы с воспитанником школы-интерната, как любая педагогическая технология, характеризуется целевыми установками, этапами реализации, специфическими средствами.

Целевыми установками разработанной педагогической технологии являются построение и реализация индивидуального маршрута социализации подростка посредством экологического образования на основе сотрудничества с учащимся (с учетом потребностей, интересов и возможностей воспитанника) и его референтной группой.

Этапами педагогической технологии индивидуальной работы с подростком определены следующие: выявление индивидуальных особенностей учащихся, проектирование индивидуальной программы экологического образования, реализация индивидуальной программы, диагностика эффективности экологического образования, ориентированного на преодоление проблем социализации воспитанника.

Индивидуализация процесса экологического образования сопряжена с выбором определенных педагогических средств, связанных с особенностями подростка, что особенно необходимо в работе с учащимся с ограниченными возможностями здоровья.

На первом этапе производится сбор информации об индивидуальных особенностях ученика. К ним относятся способности, склонности, мотивы, интересы, физическое развитие. Наиболее характерные особенности подростков с нарушениями зрения: «сенсорный голод», недостаточное развитие сферы деятельности, общая низкая активность (в том числе познавательная), нарушения речи, внимания, памяти и многие другие.

Выявление индивидуальных особенностей воспитанника проводится путем тестирования, изучения документации: медицинской карты, индивидуальной карты, классных журналов, контрольных и творческих работ учащегося. Медицинский работник школы дает рекомендации педагогу, от выполнения которых во многом зависит успешность освоения школьником образовательной программы. Беседы с логопедом, психологом, педагогами, работающими с воспитанником, также дают много информации. В беседах с воспитанником и наблюдениях за ним в разных ситуациях выявляются его интересы.

Результатом первого этапа является составление характеристики обучающегося. Ниже приводится характеристика одного из подростков с нарушением зрения.

«Ученица девятого класса. Имеет тяжелую патологию глаз, и, как результат, зрение практически отсутствует, поле зрения точечное, частично может воспринимать книги с мелкими картинками, пишет с трудом, рисует точками. Речь активно начала развиваться после 10 лет. Имеет неординарные способности к лепке и очень хорошую

слуховую память. Наблюдаются сложности обратной связи: прямые вопросы игнорирует, тестовые задания максимально могут содержать два варианта ответа. Проверку знаний обучающейся возможно провести только в форме беседы, которая будет ей интересна. Основной интересующий воспитанницу объект, вокруг которого «крутится» жизнь, – это игрушечные собаки, которых считает живыми. Именно собаки являются объектами художественной деятельности (рисования и лепки). Характерными чертами воспитанницы являются замкнутость, уход в свой вымышленный мир, который ограничивается стенами комнаты, нежелание общаться с кем-либо. Любые попытки приобщения к незнакомому внешнему миру вызывают агрессию и страх».

Налицо существенные нарушения в социализации подростка, проявляющиеся в нежелании и неспособности учащейся общаться с другими людьми и с окружающей действительностью. В то же время у воспитанницы наблюдаются определенные познавательные потребности, которые можно и нужно использовать для решения педагогических задач, воздействуя на механизмы преодоления трудностей социализации через развитие речи, эмоционально-волевых качеств, расширение сферы деятельности и общения. При этом, конечно, необходимо учитывать ограничения подростка по зрению и подбирать соответствующие педагогические средства.

Второй этап – проектирование индивидуальной программы экологического образования подростка, ориентированной на преодоление проблем в его социализации (конкретизация задач, содержания, форм, методов экологического образования).

На основе индивидуальных особенностей учащегося на данном этапе определяется содержание адаптированной программы, соответствующее образовательному стандарту. Адаптированная программа отличается от стандартных программ общеобразовательных школ сроками реализации программы, распределением часов по темам, более углубленным изучением некоторых тем, методами и формами работы.

В анализируемом случае такая программа была разработана в рамках обучения школьному предмету «Биология», который играет ведущую роль в экологическом образовании. Задачи экологического образования были конкретизированы и дополнены с учетом особенностей развития личности подростка. В данном случае особое внимание было направлено на решение следующих задач:

- развитие сферы общения в экологической деятельности и расширение социальных контактов;

- расширение кругозора – формирование экологических знаний, получение дополнительного опыта чувственного познания окружающего мира, способствующего уменьшению страха окружающей действительности;

– развитие навыков различных видов эколого-ориентированной деятельности, совершенствование навыков лепки.

Для решения поставленных задач планировалось организовать различные виды эколого-ориентированной деятельности ученика на уроках биологии: коммуникативную, художественно-эстетическую, исследовательскую, познавательную, трудовую. Основными формами работы были беседы, практические работы, экскурсии. Предполагалось начать изучение биологии с собак. В процессе работы расширять круг интересов и добавлять другие объекты.

Третий этап – реализация программы индивидуального экологического образования.

Для формирования представления об окружающей природной среде и обогащения сенсорных представлений подростков необходимо организовать непосредственный контакт школьников с растениями, животными через экскурсии в лес, парк. Когда это невозможно, используются комнатные растения, домашние животные, натуральные образцы растений и грибов.

В представленном примере индивидуальная программа экологического образования (на уроках биологии) была реализована так. Создавались условия для расширения сенсорных представлений посредством восприятия природы и отдельных ее компонентов. Все предлагаемые природные образцы изучались подростком с помощью сохранных органов чувств: остаточного зрения, осязания, обоняния, слуха. То есть максимально были задействованы все органы чувств. Это очень важно для развития вышеперечисленных видов чувствительности, для сохранения их работоспособности, для удовлетворения «сенсорного голода», расширения кругозора. Обогащение чувственного опыта помогает ориентироваться в микро- и макросреде, увеличение количества знакомого в окружающем мире делает его менее пугающим и настраивает на дальнейшее познание.

Экскурсии в природу дают огромные возможности для осуществления эстетического воспитания подростков. Восприятие многообразных проявлений природы: слушание звуков, ощущение запахов, осязание растений, обсуждение красоты растений и животных, использование природных мотивов в разных видах творчества – все это дает представление о красоте, способствует повышению познавательной активности, расширению кругозора, развитию навыков ориентировки в макросреде, снятию душевного напряжения личности, является прекрасным средством отдыха и развлечения.

В изучаемом случае экскурсии в лес имели очень большое значение для преодоления негативных установок обучающейся к окружающему миру. Экскурсии проводились осенью и весной. Перед выходом в природу обязательно повторялись правила поведения в лесу. Сначала вос-

питанницу очень тяготили такого рода выходы в природу из-за невозможности передвигаться вне дома без посторонней помощи. Лес был для нее совершенно чужим миром, полным непредсказуемых опасностей. Но со временем чувство страха у учащейся понизилось, у педагога появилась возможность использовать как обучающий, так и воспитательный и развивающий потенциал такого рода занятий.

На занятиях по уходу за комнатными растениями отрабатывались трудовые навыки: подготовка почвенных смесей, полив, рыхление, очистка от засохших листьев, подкормка, вегетативное и семенное размножение комнатных растений. Все эти операции школьница научилась выполнять самостоятельно (вырастила несколько фиалок из листа, провела эксперименты по влиянию условий среды на рост и развитие растений). Растения постепенно вошли в сферу интересов ученицы, разведение растений стало занятием для души, хобби, на которое она с удовольствием тратит много времени и сил. Появление интересного занятия как возможность самореализации благоприятно сказалось на эмоциональном состоянии подростка. Кроме того, новое увлечение позволило, что очень важно, расширить круг социальных контактов: учащаяся начала общаться с родственниками и знакомыми, обсуждая особенности выращивания комнатных растений, и даже давать консультации по некоторым вопросам.

Для оценки эффективности технологии индивидуализации экологического образования несколько раз проводилась диагностика уровня экологической культуры [4], развития сферы общения, развития сферы деятельности. Промежуточная диагностика показала положительную динамику.

В ходе реализации индивидуальной программы экологического образования у подростка повысилась познавательная активность. Ученица вырастила несколько растений и собрала семена для школы, дает рекомендации родственникам, как правильно поливать, подкармливать, пересаживать комнатные растения, какие болезни и вредители могут поразить растения и как с ними бороться. Она научилась выращивать овощи в условиях квартиры, в этом ей помогает теть. Увлекается биологией, изучает с помощью мамы и самостоятельно книги о комнатных растениях. Имеет устойчивую потребность к активной исследовательской и познавательной деятельности, проводит эксперименты по выращиванию экзотических растений из семян. Приобрела черепаху и научилась ухаживать за ней. За время обучения уровень экологической культуры школьницы повысился: она овладела экологическими знаниями, умениями и навыками, у нее сформировалось позитивное отношение к природе, появились навыки экологически грамотного взаимодействия с природой.

В процессе реализации индивидуальной программы экологического образования смягчились некоторые негативные стороны личности ученицы. Она стала менее замкнутой, у нее появилось желание контактировать с внешним миром посредством природных объектов. Это привело к расширению кругозора и обогащению сенсорных представлений.

Ученица стала увереннее чувствовать себя вне квартиры. У нее появилось желание бывать на природе: отдыхать и узнавать новое о растениях и животных. Установка по отношению к природе изменилась с прагматической на этическую, когнитивную и эстетическую.

Произошли изменения и в сфере общения, оно стало более содержательным, появился положительный настрой на общение, расширился круг общения.

Рассмотренный пример индивидуальной работы с воспитанницей школы-интерната, имею-

щей серьезные проблемы в социализации (связанные как с условиями школы-интерната, так и с отклонениями в состоянии здоровья), показывает возможности корректировки развития личности подростка посредством экологического образования. Индивидуализация экологического образования даже в работе с подростками с тяжелой патологией дает хорошие результаты: у школьников появляется активность в познании окружающего мира, расширяется кругозор, они овладевают практическими навыками взаимодействия с природой, происходит изменение эмоционально-ценностного отношения к природе и людям, наблюдается расширение круга общения и развитие коммуникативности. Проведенное монографическое исследование подтверждает общепедагогический вывод о социализирующей роли экологического образования. Особое значение такого рода исследования могут иметь в решении проблем инклюзивного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова В. П. Проблемы оценки качества эколого-биологического образования в условиях реализации ФГОС // Биология в школе. 2013. № 8. С. 41–48.
2. Баскова Т. Б. Эколого-ориентированная деятельность воспитанников школы-интерната как средство их социализации // Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы. 2012. № 1. С. 45–48.
3. Баскова Т. Б., Коросов А. В. Оценка субъективного отношения к природе и определяющие его факторы // Школа будущего. 2011. № 5. С. 5–7.
4. Вдовина С. А., Кунгурова И. М. Сущность и направления реализации индивидуальной образовательной траектории // Наукovedenie. 2013. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/40PVN613.pdf>
5. Дерябо С. Д. Методики диагностики и коррекции отношения к природе. М.: ЦКФЛ РАО, 1995. 147 с.
6. Суравегина И. Т., Сенкевич В. М., Кучер Т. В. Экологическое образование в школе // Советская педагогика. 1990. № 12. С. 47–51.

Baskova T. B., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INDIVIDUALIZATION OF ECOLOGICAL EDUCATION IN BOARDING SCHOOLS AS CONDITION OF SOCIALIZATION SKILLS' DEVELOPMENT IN TEENAGERS

One of the pedagogical conditions instrumental in overcoming socialization problems in teenagers of boarding schools by means of ecological education is individualization of pedagogical work with students. It is noted that along with some specific features of personality development, conditioned by the nature of boarding schools (often correctional), other common problems inherent to the process of socialization practiced by boarding school students also exist. These problems are determined by the living conditions and low educational level of the students. To demonstrate multiple opportunities of ecological education in socialization skills' development in teenage students the monographic method, which is seldom used in pedagogics, was employed. This method is facilitative in tracing prolonged high-quality changes in students' identity. General characteristics of the technology, used in the individual work with boarding school students, are provided. A description of each stage of the technology is presented: the in depth study of the student's individual abilities for socialization; research results of the individual shortcomings barring socialization; projection of the individual program of work; implementation of the program of individual ecological education; assessment of the individual work productivity. Pedagogical ways and means of structuring each stage of the technology in focus are revealed. Conclusions on the efficiency of individual ecological education in solving socialization problems in boarding schools students are made.

Key words: teenagers, boarding school, ecological education, pedagogical conditions, individualization, socialization

REFERENCES

1. Aleksandrova V. P. The problem of assessing the quality of ecological and biological education in terms of the implementation of the FGOS [Problemy otsenki kachestva ekologo-biologicheskogo obrazovaniya v usloviyakh realizatsii FGOS]. *Biologiya v shkole*. 2013. № 8. P. 41–48.
2. Baskova T. B. Environmentally oriented activities of boarding school pupils as means of socialization [Ekologo-orientirovannaya deyatel'nost' vospitannikov shkoly-internata kak sredstvo ikh sotsializatsii]. *Ekologicheskoe obrazovanie: do shkoly, v shkole, vne shkoly*. 2012. № 1. P. 45–48.
3. Baskova T. B., Korosov A. V. Assessment of subjective relations to nature and factors determining it [Otsenka sub'ektivnogo otnosheniya k prirode i opredelyayushchie ego faktory]. *Shkola budushchego*. 2011. № 5. P. 5–7.
4. Vdovina S. A., Kungurova I. M. The nature and implementation of individual educational trajectory [Sushchnost' i napravleniya realizatsii individual'noy obrazovatel'noy traektorii]. *Naukovedenie*. 2013. № 6. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/40PVN613.pdf>
5. Deryabo S. D. *Metodiki diagnostiki i korrektsii otnosheniya k prirode* [Methods of diagnosis and correction of attitude towards nature]. Moscow, TsKFL RAO Publ., 1995. 147 p.
6. Suravegina I. T., Senkevich V. M., Kucher T. V. Environmental education in school [Ekologicheskoe obrazovanie v shkole]. *Sovetskaya pedagogika*. 1990. № 12. P. 47–51.

Поступила в редакцию 24.12.2014

ЕЛЕНА РАФХАТОВНА ГУСЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rafhatovna@mail.ru

ПАРТИКУЛЯРНЫЕ СОЮЗЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ (КОМПЛЕКС С *L-*, *N*-ПАРТИКУЛАМИ, ИНИЦИАЛЬ *И-*)*

В отличие от литературного языка, в котором в последние два столетия отмечается рост составных союзов с дифференцированными значениями (*в том случае если, вследствие того что, до тех пор пока* и другие), в диалектной речи сохраняются и формируются простые по структуре лексемы. Некоторые из них, так называемые партикулярные союзы, зафиксированы в региональных словарях. Партикулярные лексемы образовались способом агглютинации древних первоэлементов – партикул **i*, **li*, **no* и других под воздействием закона Ваккернагеля. В работе с позиций синхронно-диахронического подхода рассматриваются структурно-семантические характеристики союзов, 2–4-компонентных кластеров (лексем, состоящих из 2–4 партикул), выявляются их генетические связи, ареальная дистрибуция в славянских языках. Исследование показывает, что в севернорусских и других говорах продолжает функционировать двухкомпонентный кластер *или*. Союз имеет параллели в славянских языках, употреблялся в древнерусском языке. В современном русском языке лексема полифункциональна. В средне- и южнорусских говорах сохраняется союз с условным значением. В севернорусских говорах зафиксировано сочетание *или бо* ‘или, либо’. В русских говорах употребляются трехкомпонентные кластеры *ильно*, *ильна* и другие. В памятниках древнерусской письменности они не зафиксированы. В результате присоединения третьего компонента, *n*-вой партикулы, у союза развивается вторичное значение следствия. В южнорусских говорах появляются четырехкомпонентные кластеры *ильнок*, *ильнак* и т. д., которые функционируют со значением следствия. Изменение семантики в результате присоединения четвертого компонента не наблюдается.

Ключевые слова: союз, частица, партикула, синтаксис, морфология, севернорусские говоры

В русских диалектах, в том числе и в северных, зафиксировано большое количество так называемых партикулярных лексем: *али*, *але*, *ально*, *альнок*, *аж*, *ажно*, *ажнок*, *иже*, *ижнок*, *нали*, *налино* и др. В литературном языке они сохраняются в меньшей степени (*вон*, *вот*, *даже*, *еле*, *еще*, *так*, *уже*, *а*, *но*, *да*, *и*, *либо*, *ли*). Партикулярные лексемы образуются способом агглютинации: партикулы-клитики **i*, **a*, **li*, **no*, **bo* и т. д. присоединяются друг к другу под воздействием закона Ваккернагеля, действующего в индоевропейских языках. Партикулы обладают основными значениями (значения, не связанные имплицитивно с какими-либо другими); так, партикула с опорой на *t-* (*ть*, *то*) имеет значение указательности с отчетливой определенностью (рус. *то*); с опорой на *d* – соединение (рус. *да*) и т. д. [4; 150–151].

В [1] с позиций синхронно-диахронического подхода на славянском фоне нами рассмотрены партикулярные союзы с *l-*, *n*-партикулами и инициалью *a-*, зафиксированные в севернорусских говорах: *але*, *али*, *ально*, *альник* и др. В настоящей работе анализируются союзы с *l-*, *n*-партикулами и инициалью *и-*: изучаются структурно-семантические характеристики, генетические связи и ареальная дистрибуция лексем в современных и древних славянских языках¹. Материал исследования – данные ре-

гиональных, толковых, исторических, этимологических словарей.

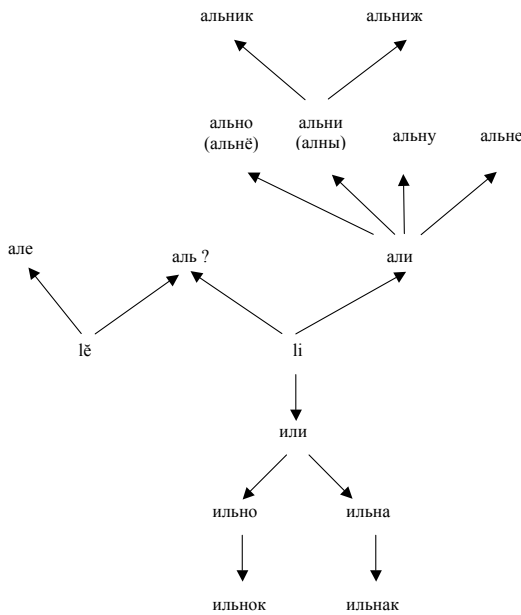
Изучаемые союзы представляют собой двух-, трех- и четырехкомпонентные кластеры: *или* (*и + ли*), *ильно* (*и + ль + но*), *ильна* (*и + ль + на*), *ильнок* (*и + ль + но + к*), *ильнак* (*и + ль + на + к*) (см. схему, таблицу). Т. М. Николаева, описывая примарные партикулы (примарные партикулы *a*, *i*, *da* и другие могут употребляться в языке изолированно), указывает, что общеславянская партикула *i* имеет большое количество дериватов. В славянских языках партикула функционирует как междометие, частица и союз со значением присоединения, континуации, следствия, concessивности, противительности, градации. Семантика лексем *a* и *и* во многом коррелируется [3; 270–272].

Партикулы с опорой на *l* имеют разные сонантные финали – **li* и **lě*. Ареал бытования лексем с разными финалями в славянских языках различен, семантические характеристики также не совпадают. В структуру лексем с начальным *a* (*али*, *але*, *ально* и т. д.), рассмотренных нами ранее [1], входят обе партикулы – формируются кластеры *але*, *али* и далее – их дериваты. В образовании лексем с инициалью *и-* участвует только *li*-партикула. Примарная общеславянская партикула *li* входит в деривативные цепочки, чаще всего находясь в постпозиции. Она

может быть сентенциальной и вопросительной частицей, выражать сравнение, иметь альтернативное значение [3; 272–274, 288–289].

Примарная общеславянская партикула *no/пъ* в славянских языках функционирует как адверсативный союз [3; 277–278].

ИЛИ. В современном русском языке союз *или* употребляется с несколькими значениями: 1) разделительным: *Он счастлив, если ей накинёт Боа пушистый на плечо, Или коснется горячо Ее руки, или раздвинет Пред нею пестрый полк ливрей, Или платок подымет ей...* Пушкин. Е. О.; 2) противительным ‘иначе, в противном случае’: *Уйди, или мы поссоримся*; 3) пояснительным ‘иными словами, то есть’: *Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями*. Пушкин. Кап. дочка; 4) присоединительным при перечислении ‘и, а также’: [Няня] *усаживалась где-нибудь в холодке: на крыльце, на пороге погребца или просто на травке*. Гонч. Обломов (БАС, 7; 211–212; ТСРЯ; 239).

Генетические связи лексем с *l*-, *n*-партикулами

В диалектной речи союз *или* имеет особенности в употреблении. В говорах отмечены сочетания «*или* + энклитика», выполняющие разделительную функцию. В мезенских, пинежских говорах Архангельской области с разделительным значением употреблялось сочетание *или бо* ‘или, либо’ (конец XIX века), в пермских *иль бо*. Во владимирских говорах зафиксировано сочетание *или бы*: *Или бы шесть, и́ли бы семь, и́ли бы восемь* (СРНГ, 12; 184). В томских диалектах функционирует разделительный союз *или ... ли*: *Полтора года или два ли* (Там же). Союз *или* с условным значением ‘если’ употребляется в псковских (ПОС, 13; 264), рязанских говорах (СРНГ, 12; 184).

В древнерусском языке союз *или* функционировал с разделительным ‘или’, пояснительным ‘то есть’, условным ‘если’, ‘если же’ значениями, повторяющиеся союзы *ли ... или, либо ... или* отмечены в разделительных конструкциях ‘или ... или’ (СлРЯ XI–XVII вв., 6; 224; Срезневский, 1; 1089–1090). В произведениях XVIII века зафиксирован союз *или (иль)* с разделительным и пояснительным значениями. В условных конструкциях он не отмечен, но союз начинает функционировать в предложениях с противительным значением ‘иначе, в противном случае’ и присоединительным ‘а также и’ (СлРЯ XVIII в., 9; 76–77).

Лексемы, восходящие к сочетанию **i li*, представлены в языках всех славянских групп: в старославянском языке функционирует союз *или* с разделительным значением ‘или, либо’ и сравнительным ‘чем, нежели’, в староукраинском употреблялся союз *илі, и́ли* с разделительным значением ‘или’, ‘ли’ и пояснительным ‘то есть’; остальным языкам союз известен только с разделительным значением – в болгарском *или́* ‘или, либо’, *и́ли* ‘или’, сербохорватском *или́* ‘или’, словацком *ili* ‘или’, в польском старый *ile*, диалектный *ili* ‘или’ (ЭССЯ, 8; 168).

Таким образом, двухкомпонентный кластер *или (*i + *li)* продолжает функционировать в южно- и среднерусских диалектах с условным значением; с этим значением он отмечен в древнерусском языке, но уже не зафиксирован в про-

Союзы с инициальной *и*- в славянских языках

Славянские языки	Древнерусский язык	Русский язык XVIII века	Современный русский литературный язык	Средне-, южнорусские и др. говоры	Севернорусские говоры
<i>или</i> ‘или, либо’, ‘чем, нежели’ старослав. <i>илі, и́ли</i> ‘или’, ‘ли’, ‘то есть’ староукр. <i>или́</i> ‘или, либо’, <i>и́ли</i> ‘или’ болг. <i>или́</i> ‘или’ сербохорват. <i>ili</i> ‘или’ словац. <i>ile</i> (стар.), <i>ili</i> (диал.) ‘или’ пол.	<i>или</i> ‘или’, ‘то есть’, ‘если’, ‘если же’ <i>ли ... или, либо ... или</i> ‘или ... или’	<i>или</i> ‘или’, ‘то есть’, ‘иначе, в противном случае’	<i>или́</i> ‘или’, ‘иначе, в противном случае’, ‘иными словами, то есть’	<i>иль бо</i> ‘или, либо’ перм. <i>или бы ... или бы</i> ‘или ... или, либо ... либо’ влад. <i>или ... ли</i> ‘или ... или, либо ... либо’ том. <i>или</i> ‘если’ пск., ряз.	<i>или бо</i> ‘или, либо’ (конец XIX в.) мезен., пин. <i>ильно</i> тул., тамб., ряз., казан. <i>ильно́, ильна</i> ряз. <i>ильно́к, ильнак</i> ряз. <i>ильнак</i> ряз. тамб.

изведениях XVIII века; следовательно, область функционирования противительного союза в это время – разговорная речь. Противительное значение развивается в XVIII веке (с этим значением союз отмечен в произведениях этого периода); противительный союз сохраняется в современном русском языке. В современном языке, в том числе и в говорах, союз *или* употребляется с разделительным и пояснительным значениями; эти значения союз имел в древнерусском языке. Необходимо подчеркнуть, что в XIX веке в говорах зафиксированы сочетания «*или* + частица-энклитика», энклитика относится к разделительному союзу.

ИЛЬНО, ИЛЬНА и др. Лексема *ильно* и подобные являются гибридными образованиями: это союзы со значением следствия ‘так что’ и частицы ‘даже’: *ильно* употребляется в вологодских, а также тульских, тамбовских, рязанских говорах и в русских диалектах на территории Казани (в СРНГ дается географическая помета «Казан.»). В рязанских говорах функционируют трехкомпонентные кластеры *ильно́*, *ильна* и четырехкомпонентные *ильно́к*, *ильна́к*. В рязанских и тамбовских говорах бытует союз *ильнак*. Лексеммы зафиксированы с середины XIX до середины XX века (СРНГ, 12; 186–187; Даль, 2; 92, 94). Приведем примеры: *Хорошо играешь на гармошке, ильно заслушаешься*. Волог. *Лезешь, лезешь по этим ступенькам, ильнак ноги больно. Весь мост разобрала, ильна́к в голове закружилось. И сви́ньма все приспела*. Ряз. (СРНГ, 12; 186–187).

Союзы образовались путем соединения нескольких компонентов: *и* + *ль* (< ли) + *но* (*на*) + *к* (< ко). У трехкомпонентных кластеров, появившихся в результате присоединения *п*-вой партикулы к лексеме *или*, развивается значение следствия ‘так что, так что даже’. Заметим, что в диалектах употреблялись и частицы *ильно*, *ильнок* и т. д. со значением ‘даже’ (СРНГ, 12; 186–187). *Но/нь*-партикула имеет значение адверсативности, значение следствия является вторичным; ср.: трехкомпонентные кластеры *ально*, *ажно*, *ижно* и подобные, содержащие в своей структуре *п*-вую партикулу, также имеют значение следствия [1]. Четырехкомпонентные кластеры *ильно́к* и *ильна́к* образовались в результате присоединения компонента *к*; А. А. Зализняк пишет, что *-к* возникает из *-ко* [2; 201]. Изменение семантики в результате присоединения четвертой партикулы не происходит.

Обратим внимание на компонент *на*. А. А. Зализняк указывает на функционирование **но* и **на* в праславянском языке и приводит примеры несвободного употребления частицы *на* в современном языке / что ни *на* есть, а также реликтовые формы из диалектной речи с финалью *-набудь* ‘-нибудь’ Олон., *нинабудь* ‘-нибудь’ Вят. Арх. Перм. Том. [2; 201] (данные из: СРНГ, 19; 137; СРНГ, 21; 236). Как показывает представленный материал, в диалектной речи также употребляются союзы с этими древними элемен-

тами; кроме того, отмечены лексеммы *нани*, *нали* и другие (СРНГ, 20; 13, 17, 27). Соответственно, *ильно* и *ильна*, *ильнок* и *ильнак* не являются фонетическими вариантами.

Лексеммы *ильно* и подобные, трех-, четырехкомпонентные кластеры, не зафиксированы в лексикографических источниках, включающих материалы древнерусского языка, они не отмечены в «Словаре русского языка XVIII века». Есть основания предположить, что трехкомпонентные кластеры сформировались в старорусский период и функционировали в разговорной речи. При присоединении третьего компонента происходит изменение семантики – развивается гипотактическое значение, формируется новая лексема, ср.: способом агглютинации, как указывает Т. М. Николаева, лексеммы образовывались примерно до XVI века, позднее «а) сходные функции начинают выполнять слова не из партикулярного фонда, б) новые комбинации партикул не возникают» [3; 9]. Отметим также, что в памятниках письменности раннедревнерусского периода зафиксировано, например, сочетание союза и частицы-энклитики *али нь* ‘тем более’ (Срезневский, 1; 17), которое позднее оформится в трехкомпонентный кластер *ально*; союз *ально* употребляется в современной диалектной речи [1]. Однако не все сочетания союзов и частиц преобразуются в лексеммы, например *или бо*. Ср.: в «Остромировом Евангелии» зафиксировано сочетание разделительного союза *или* и частицы *бо*: *Никыи же рабъ не может дъвъма господинома работати: или бо единого възненавидитъ, а друугаго възлюбитъ, или единого дръжитььА, а о друужьмъ небръщи въчьнетъ*. Лук. XVI. 13. Остр. ев. (Срезневский, 1; 1090). Сочетание *или бо* (*иль бо*) отмечено в архангельских, пермских говорах, союз сохраняет разделительное значение, новая лексема не сформировалась.

Изменение семантики не наблюдается и при присоединении к трехкомпонентному кластеру четвертой партикулы. Напомним, такие лексеммы, как *ильнок*, зафиксированы в словарях не ранее XIX века. Следовательно, славянский «конструктор» продолжает действовать и после XVI века. Лексеммы зафиксированы в южнорусских говорах; имеют значение следствия, как и трехкомпонентные кластеры, от которых они образовались.

Итак, в русских говорах отмечены двух-, трех-, четырехкомпонентные кластеры с инициальной *и*-, в современном русском литературном языке употребляется только союз *или*. Ср.: сфера функционирования двухкомпонентных лексем с инициальной *а*- (*али*, *але*), а также трех-, четырехкомпонентных кластеров *ально*, *альни*, *альник* и подобных – диалектная речь, в современном литературном языке они не используются [1].

Лексема *или*, двухкомпонентный кластер, известна восточно-, западно- и южнославянским языкам. В современном русском языке союз *или* сохраняет все значения, с которыми он функционировал в древнерусском языке, а также противительное и присоединительное, появившиеся

у него в XVIII веке, однако с условным значением союз употребляется только в некоторых средне- и южнорусских говорах.

Трехкомпонентные кластеры с инициальной *и-* начиная с середины XIX века зафиксированы только в русских диалектах, как в северных, так и южных: с вторичным гипотактическим значением следствия 'так что, так что даже' *ильно* употребляется в вологодских говорах, *ильно*, *ильно́*,

ильна – в южнорусских. В говорах отмечены сочетания разделительного союза *или* и энклитик.

Четырехкомпонентные кластеры *ильно́к*, *ильна́к*, *ильнак* функционируют в южнорусских говорах. Изменение семантики лексемы после присоединения четвертой партикулы не происходит.

В макросистеме говоров проявляются основные значения партикул, вместе с тем наблюдается и изменение семантики союзов.

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 1. М.; СПб.: Наука, 2004.
 Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ: В 4 т. М.: ТЕРРА, 2000.
 ТСРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
 ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.; СПб.: Изд-во Ленинград. ун-та, Санкт-Петербург. ун-та, 1967.
 СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 1994–2005.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965.
 СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1997.
 СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. СПб.: Наука, 1984.
 Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1, 2. СПб.: Гос. изд-во иностр. и национальн. словарей, 1958.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1974.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В работе используются принятые в региональных словарях сокращения географических названий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусева Е. Р. Союзы с *l-* и *n-*партикулами в севернорусских говорах (инициаль *а*) // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 186–192.
2. Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004. 352 с.
3. Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008. 376 с.
4. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Едиториал УРСС, 2005. 168 с.

Guseva E. R., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PARTICLE CONJUNCTIONS IN NORTHERN RUSSIAN DIALECTS (COMPLEX WITH *L-*, *N-*PARTICLES, INITIALS *I-*)

In contrast to the literary language, in which for the past two centuries a number of conjunctions with differentiated meanings (*in the event that*, *for the reason that*, *due to the fact that*, etc) has increased, the dialect speech continues to preserve simple structures. Some of them, the so-called particle conjunctions, are recorded in Russian regional dictionaries. New lexemes developed as a result of agglutination of ancient elements – particles **i*, **li*, **no* and others appeared under the influence of the Wackernagel law. The work, from the standpoint of synchronous-diachronic approach, considers structural and semantic characteristics of the unions, 2–4 component clusters (lexemes consisting of 2–4 particles), reveals their genetic relations and areal distribution in Slavic languages. The study revealed that the *ili* cluster is widely used in the Northern Russian dialect as well as in other dialects. Ancient, two component conjunctions have multiple parallels in Slavic languages and are used in the Old Russian language. Multifunctional *ili* continues to be used in the Modern Russian language. Ternary clusters *il'no* and others are used in Russian dialects, although they are not registered in the Old Russian records. As a result of accession of the third component, *n*-particle, a secondary meaning, namely the meaning of consequence, developed. Quaternary clusters (*il'nok*, etc.) with the meaning of consequence also appeared in southern dialects. No changes in the semantics, in case of accession of the fourth component, were observed.

Key words: conjunction, particle, syntax, morphology, northern Russian dialects

REFERENCES

1. Guseva E. R. The conjunctions with *l-*, *n-*particles in the northern Russian dialects (initial *a*) [Soyuzы s *l-* i *n-*partikulami v severnorusskikh gorakh (initsial' *a*)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*. 2014. Vol. 20. № 6. P. 186–192.
2. Zaliznyak A. A. "Slovo o polku Igoreve": *Vzglyad lingvista* ["The lay of Igor's Campaign": A linguist's point of view]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2004. 352 p.
3. Nikolayeva T. M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika: (Istoriya "bluzhdayushchikh chastits")* [Not paradigmatic linguistics (History of "wandering particles")]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2008. 376 p.
4. Nikolayeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in utterance (based on Slavic languages)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 168 p.

Поступила в редакцию 05.05.2015

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 gy1a4@yandex.ru

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» А. А. БАРСОВА*

Статья посвящена теоретической разработке имени числительного в выдающемся памятнике русской лингвистической мысли XVIII века – «Российской грамматике» А. А. Барсова. Устанавливается, что Барсов первым из отечественных грамматистов предпринимает попытку представить лексико-семантическую классификацию русских числительных, применение принципов которой, несмотря на явную связь с европейской грамматической традицией, не мешает исследователю осознать своеобразие конкретного языкового материала. Интерес создателя «Российской грамматики», в равной мере проявляющийся как в отношении к традиционной письменности, так и во внимании к живому языку, «простому употреблению», позволяет выявить более широкую, нежели в грамматике М. В. Ломоносова, зону вариативности в функционировании числительных не только в русском литературном языке, но и в разговорной речи конца XVIII века. Особого внимания заслуживает истолкование синтаксических свойств нумеративов в «Российской грамматике», обнаруживающее много общего с их современной лингвистической интерпретацией.

Ключевые слова: имя числительное, «Российская грамматика» А. А. Барсова, русский литературный язык, XVIII век

«Российская грамматика», написанная в 1784–1788 годах профессором кафедры красноречия (элоквенции) Московского университета Антоном Алексеевичем Барсовым, появилась на свет в период, который в истории отечественного языкознания вполне справедливо называется ломоносовским [1; 23]. Действительно, невозможно переоценить ту роль, которую в истории русской грамматической мысли, в развитии русского литературного языка сыграла появившаяся на тридцатилетие ранее одноименная грамматика М. В. Ломоносова. Помимо своего теоретического значения, труд Ломоносова, составленный как научное исследование, стал «незаменимым учебным руководством для нескольких поколений русских людей» [5; 4]: спрос на него был настолько велик, что в течение второй половины XVIII века он переиздавался пять раз.

В отличие от ломоносовской «Российская грамматика» А. А. Барсова не смогла приобрести в обществе современников ни читателей, ни почитателей, поскольку так и не была издана. Готовившаяся «по высочайшему повелению» как учебное пособие для учрежденных Екатериной II народных училищ, она, по всей видимости, не удовлетворила заказчика своим объемом и глубиной теоретической разработки [9; 27], во многом превосходящими не только требования курса данных учебных заведений, но и научные сведения о языке своего времени, изложенные Ломоносовым.

В связи с тем что грамматика Барсова впервые стала доступна широкому кругу читателей лишь в 1981 году благодаря публикации рукописи, осуществленной Б. А. Успенским и М. П. Тоболовой

[6], она по вполне понятным причинам не смогла оказать сколько-нибудь существенного влияния на развитие русского литературного языка в период его становления, напряженного поиска общенациональной литературной нормы. Между тем дальнейшая судьба «Российской грамматики» показывает, что лингвистическое наследие Барсова не было забыто: в разное время к нему обращались такие видные русские и советские языковеды, как Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, М. В. Панов, Б. А. Успенский, предположительно – Ф. Ф. Фортунатов [9; 6–7] и др. Учеником и большим почитателем А. А. Барсова, ученого и преподавателя, был известный реформатор русского литературного языка Н. М. Карамзин, назвавший его «Великим мужем Русской Грамматики» в специально посвященном ему сочинении [4].

Плодотворными для русского языкознания и опередившими свое время оказались идеи Барсова о разграничении словообразования и словоизменения, развитые впоследствии представителями формальной школы. В его грамматике предложено впервые рассматривается как основная единица синтаксиса, а сам анализ значительно углубляется изучением порядка слов. Барсовым в обиход отечественной русистики были введены такие грамматические термины, как *простое* и *сложное предложение*, *логическое подлежащее* и *сказуемое*, *порядковые числительные*, *согласование*, *управление* и *приложение* [9]. Принципиальная новизна как этих, так и многих других идей и предложений Барсова, без сомнения, убеждает в том, что его «Российская грамматика» «представляет собой выдающийся

памятник отечественной лингвистики второй половины XVIII в.» (из аннотации к [6]).

Впрочем, этот труд может быть не менее интересен для исследователей и в другом отношении: будучи вполне оригинальным сочинением, в отличие от грамматических руководств многочисленных эпигонов Ломоносова (см., например, [7], [8]), барсовская грамматика зачастую содержит «уникальный языковой материал периода становления русского литературного языка нового времени» [6; 2] и вследствие этого является бесценным источником для его изучения.

Предметом анализа в данной статье стала разработка в «Российской грамматике» имени числительного. Оговоримся, что, поскольку объем настоящей публикации не позволяет подробно рассмотреть все детали описания нумеративов в исследуемом источнике (тем более с широким привлечением фактов литературно-письменной практики столетия), мы попытаемся ограничиться наиболее общими замечаниями.

В соответствии со сложившейся грамматической традицией, идущей еще из античности, Барсов, как и Ломоносов, не выделяет числительное из общей категории имени (признание числительных самостоятельной частью речи в русском языке осуществится только в середине XIX века). Однако грамматическое описание нумеративов у Барсова намного обширнее и детальнее, чем обзор в соответствующей работе Ломоносова. Например, по всей видимости, первым в отечественной русистике Барсов пытается дать определение («изъяснение») общекатегориального значения имен числительных: «между прилагательными особо примечаются имена числительные, т. е. число вещей показывающая»¹ [6; 416].

В отличие от грамматики Ломоносова имена числительные подразделяются Барсовым на разряды не только по «начертанию» и «виду» (принцип дифференциации нумеративов на простые и сложные, первообразные и производные, по нашим данным, используется уже в грамматике церковнославянского языка М. Смотрицкого), но и приемлют в языке «некоторое особенное разделение»².

На основе этого «разделения» Барсов впервые в русской грамматике пытается установить основные лексико-семантические разряды числительных, которые получают у него следующие названия:

1. *Основательныя (cardinalia)*, соответствующие современным количественным и отвечающие на вопрос *сколько?*;

2. *Порядочныя*, или «удобнее» *порядковыя (ordinalia)*, отвечающие на вопрос *сколький?*;

3. *Разделительныя (dividentia)*, отвечающие на вопрос *коликозубый?*. Слова этой группы, по Барсову, показывают, «на сколько разных родов какая-нибудь вещь разделяется», например, *сугубый, трегубый, двоякий, тройкий*.

4. *Умножительныя (multiplikativa)*, которые отвечают на вопрос *коликократный?* (в качестве примеров автором приводятся, в частности, такие лексемы, как *двукратный, трехкратный, пятикратный*);

5. *Соразмерныя (proportionalia)*, отвечающие на вопрос *коликозубый?* со значением: во сколько раз больше. Примеры: *двойной, тройной, четверичный* и др. [6; 502–505].

Несомненно, что как сама классификация, так и названия обозначенных разрядов в грамматике Барсова не были его авторским изобретением (о чем, например, красноречиво свидетельствуют латинские соответствия наименований разрядов в скобках), по всей видимости, они были заимствованы из немецкой грамматики, которую настоятельно рекомендовалось использовать Барсову в качестве образца, «обращая на свойство российского языка находящиеся в нем (образце. – *И. Д.*) правила о немецком» (цит. по: [9; 22]).

Однако в отношении к русскому языку автор грамматики применяет это деление отнюдь не механически, отчетливо понимая специфику иного языкового материала. Так, например, по поводу разрядов разделительных, умножительных и соразмерных он дает следующее примечание: «знаменованіе сих трех званий сомнительно и смешано у одного с другим» [6; 505], по-видимому, осознавая невозможность четкого семантического разграничения отнесенных к данным разрядам слов в русском языке.

Используя грамматическую схему, усвоенную из европейских грамматик, Барсов между тем обнаруживает, что «в Российском языке находятся еще другим языкам не известныя, и по тому особливаго звания (в других грамматиках. – *И. Д.*) не имеющія числительныя основательныя, которыя можно назвать *соединительными*, поелику оныя означают лица или вещи *въ соединении* и *въ сообществе* существующія, действующія или страждущія» [6; 505–506]. Так, в русской грамматике впервые выделяется особый лексико-семантический разряд собирательных числительных, причем предпринимается попытка обозначить семантическую «разность» этих лексем в сопоставлении с количественными – вопрос, на который даже современная лингвистика не может дать однозначного ответа (подробнее см. [2; 34–36]).

Помимо соединительных, Барсов находит в русском языке еще одну группу нумеративов, не имеющих особого наименования в известных ему грамматиках, а потому, по его словам, «безымянных» выражений «целыхъ чиселъ с половиною чрезъ слово поль... Оныя для различения могутъ названы быть *половинными* и суть следующие, *полтора, полчетверта, полпята...* и проч.» [6; 506–507].

Таким образом, дифференциация языкового материала по традиционным грамматическим

рубрикам носит у Барсова творческий характер, обнаруживает самостоятельность мышления автора, его внимание к своеобразию родного языка, его употреблению. Важно, что Барсов не только выделяет данные группы: он, в отличие от своих предшественников (прежде всего Ломоносова), именно эту систему разделения в процессе описания нумеративов принимает как основную, а классификацию по словообразовательному принципу подчиняет ей. Как известно, подобным образом в русской грамматике числительные рассматриваются и по сей день.

Между тем широкий подход при отнесении слов к данной части речи, представленный в грамматике Барсова, в определенной степени мешает ему правильно дифференцировать лексемы с количественным значением. Признавая неизменяемые слова *вдвое*, *втрое*, *вчетверо* наречиями, он все же, как мы видели, относит слова *двойной*, *четверной*, *двукратный* к категории числительных, «произхождение» которых, как он уточняет, в языке совсем неправильно [6; 505]. По всей видимости, верно квалифицировать данные лексемы Барсову в первую очередь помешала та априорная схема лексико-семантических разрядов, которую он применил, ориентируясь на традиции латинской грамматики, однако не исключаем, что свою роль могла здесь сыграть и морфологическая близость этих слов с порядковыми числительными.

Своеобразие лингвистических взглядов А. А. Барсова отчетливо проявляется и в его представлении лексического состава числительных в литературном языке своего времени. Так, являясь последователем Ломоносова и позднего Тредиаковского в отношении к церковнославянскому языку как источнику обогащения русского, он вводит в свою грамматику практически все дублетные «славенские» наименования числительных, отличающиеся от соответствующих русских, например *единь*, *седь*, *дванадесять*, *четыредесят* и др., указывая, что они «въ важном содержании речи и слоге употребительны» [6; 503]. Переносятся из ломоносовской грамматики и аналогичные стилистические пометы относительно использования порядковых числительных типа *второй надесять*, *пятый надесять*, которые также рекомендуется употреблять «только въ важныхъ случаяхъ и числахъ месячныхъ <...> *Карл второй надесять*, <...> также *сентября пятое надесять*» [6; 505].

Что касается порядковых числительных, то они действительно по традиции, закрепленной впоследствии авторитетом ломоносовских рекомендаций, употреблялись в течение всего XVIII столетия чаще всего именно так, независимо от жанрово-стилистической принадлежности текста – в *пятом надесять столетии*, *съ седмаго надесять года*, *Людовика перваго надесять*, *явление третиенадесять* и под. (подробнее см.: [2; 122–125]). Примеры же, отмеченные Барсовым

для количественных числительных типа *единонадесять учениковъ христовыхъ*, *дванадесять апостоловъ* и проч., обнаруживают явную связь с преимущественно религиозной сферой их использования и косвенно свидетельствуют только о том, насколько значимой для решения вопросов нормализации литературного языка в XVIII веке, и в частности для Барсова, продолжала оставаться церковнославянская письменность. По нашим данным [2; 120–122], в узусе литературно-светской речевой практики в послеломоносовский период такие образования количественных числительных встречаются крайне редко и фактически всегда в указанных или им подобных контекстах (*дванадесять праздников*). Исключение составляет разве что употребление вариантов *единь* и *одинь*, *седь* и *сень*, церковнославянская огласовка которых, например в оде, довольно последовательно выступает маркером «штиля» [2; 50–51, 87–88].

Любопытно, что при таком внимании к сложившейся литературной традиции Барсов между тем проявляет исключительный интерес к живому употреблению языка, в том числе в его разговорной разновидности. Так, говоря о составных числительных (данный материал у Ломоносова не представлен вообще), Барсов нормализует их современный тип образования, когда «большия (разряды. – И. Д.) поставляются предъ меньшими непосредственно жъ», однако при этом дается примечание, что «въ низкомъ употреблении особливо при счете наличныхъ денегъ, или другихъ вещей во множестве, **по большей части** (выделено мною. – И. Д.) противное тому бывает <то есть> единицы выговариваются пре<ж>де десятковъ, какъ *три десять*, *четыре десять*, вместо *тринадцать*, *четыренадцать*, также *два пятьдесятъ*, *девять девяносто*», а также «*десять десять* = *двадцать*, *десять двадцать* = *тридцать* <...> до последняго *девять девяносто сто*». Несмотря на неактуальность подобных образований для литературного языка исследуемого периода, указанное примечание представляет несомненный интерес для изучения истории русских числительных, поскольку в исследовательской литературе нет более достоверного и развернутого свидетельства как о существовании в русском языке такого типа счета вообще, так и о степени его распространения («по большей части!») на данном историческом этапе. В начале XX века примеры типа *один двадцать*, *два двадцать* отмечаются только в отдельных говорах (владимирских, галицких – у А. А. Шахматова) [10; 146].

С пометой «просто говорится» вводятся в грамматику Барсова и другие языковые факты, например формы «*два рубли а особливо два дни*». Интересно, что данные сочетания не были включены в грамматику Ломоносова, по-видимому, как малоупотребительные: в черновых материалах к его сочинению они характеризуются по-

метой *irregulare*. Между тем именно эти якобы выходящие из употребления формы словосочетаний гораздо чаще, нежели современные, используются в письменности XVIII века на всем его протяжении: «*ходятъ за дровами дни по два и по три*» (С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки); «*собираетъ себе в ящичек по два рубли*» (А. П. Сумароков. Лихоимец); «*онъ за три дни моего приезда умеръ*» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву) и др. Функционирование данных конструкций фиксируется в литературном языке и позднее: см, например, в речи московского аристократа Фамусова: «*Ешь три часа, а в три дни не сварится!*», что также доказывает их жизнеспособность в языке второй половины XVIII века.

Комментарий «по простому употреблению» используется Барсовым и при интерпретации отдельных падежных форм числительных, например, в случае лексем *сорок* и *сто*: «Тв. <...> двумя сты пятью тысячами сорокомъ часовъ <...> (или, по простому употреблению, *сорока часами* <...> либо *сорокью часами*)». И ниже: «восмью тысячами стомъ часовъ <...> (либо *сто часами*)» [6; 171]. Указанные примеры находим у Барсова в разделе о «сочинении числительных», тогда как картина словоизменения этих нумеративов отражает, как и в грамматике Ломоносова, только традиционные формы (в Тв. п. – *сорокомъ, стомъ*). По всей видимости, именно они оставались востребованными и в литературной практике XVIII века (во второй половине столетия, возможно, и не без влияния ломоносовских норм), поскольку новообразования в парадигме данных числительных если эпизодически и встречаются в исследуемый период, то только в структуре многосоставных количественных нумеративов: «*часть из твоихъ сто двадцати ливеровъ*» (Вольтер. Человек в сорок талеров. Пер. П. Богдановича), «*поставь на сорокъ двухъ столбахъ*» (В. Капнист. Ода) [2; 98]. В связи с этим нужно отдать должное наблюдательности Барсова, не только выделившего в употреблении указанные факты, но и верно зафиксировавшего сам источник грамматических новаций.

Примечательно, что в указанных примерах изменение форм данных лексем отчетливо связывается с пониманием их десубстантивации, утратой способности управлять другим существительным: *сорокомъ часовъ*, но *сорокью, сорока* только *часами*. Судя по всему, в живом языке конца XVIII века новая норма сочетаемости нумеративов *сто, сорок, девяносто* (как, впрочем, и новый тип их словоизменения) уже проявляется достаточно активно, однако она продолжает оставаться в этот период на периферии литературного употребления и потому получает соответствующую квалификацию в грамматике Барсова.

Широкая вариативность в представлении имени числительного обнаруживается в исследуемом источнике не только в рамках оппозиции

«штиль» – «простое употребление»: многие дублетные формы нумеративов даются грамматистом вообще без каких-либо помет (по-видимому, как равноправные). Отметим из них те, которых нет в грамматике Ломоносова.

Таковой, например, является форма Тв. п. *четырю* (дается рядом с *четырьмя* [6; 511]), которая изредка также находит отражение в письменных памятниках эпохи [2; 68]. Кодификация данной формы Барсовым, по-видимому, свидетельствует о ее достаточном распространении в языке XVIII века.

Без каких-либо комментариев в парадигме числительного *два* наряду со словоформой *двух* в Род. п. приводится и *дву* (то же в склонении *двести – двух сотъ* и *дву сотъ* [6; 511–512]). Данная форма начала выходить из литературного употребления начиная с 30-х годов XVIII века, однако восприятие ее как грамматически живой, по всей видимости, находило опору в узусе традиционной письменности, речевых стандартах делопроизводства, а также в большом количестве производных слов типа *двумачтовый, двужильный, двуугольный*, где *дву* удерживала свои позиции на протяжении всего исследуемого периода [2; 61–64].

В отличие от Ломоносова вариативность синтагматики числительных рефлексирована Барсовым через введенные им категории согласования и управления, вследствие чего Барсов характеризует морфосинтаксические особенности нумеративов практически в терминологии современной лингвистики. Например, о числительных *два – четыре* говорится: «будучи употреблены в именительномъ падеже, или въ винительномъ <...> не соглашаются в оныхъ падежахъ съ своимъ существительнымъ (а значит, управляют. – И. Д.) <...> впрочем же склоняются сии числительныя согласно съ существительными своими» [6; 170]. В число исключений из данного правила закономерно попадают числительные *тысяча* и *сорок* (первое обнаруживает субстантивные свойства и в современном языке), а также «особливые случаи» употребления количественно-именных сочетаний с «разделительным» предлогом *по* [6; 171], на специфику которых первым обратил внимание, по-видимому, тоже Барсов.

Добавим, что наблюдение над порядком слов в словосочетании и предложении позволило создателю «Российской грамматики» оставить ряд ценных замечаний, например, об использовании его для выражения категории приблизительности в обозначении числа [6; 172], а также о влиянии последовательности компонентов на предпочтительность именительного или родительного падежа адъективов в составе количественно-именных сочетаний [6; 173].

Подытоживая все вышесказанное, остается только сожалеть о том, что исследуемый труд так и не был опубликован в свое время, иначе «его идеи могли бы оказать влияние на непосредственных последователей» [3; 635], в том

числе и в осмыслении морфологического класса числительных. Несмотря на данное обстоятельство, знаменательно, что современная интерпретация нумеративов в отечественной русистике во

многим опирается на те открытия и продолжает-ся в русле тех традиций, которые впервые были обозначены именно в «Российской грамматике» А. А. Барсова.

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Российским государственным научным фондом (РГНФ), № 15-04-00180, и комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Примеры из грамматики даются в статье в упрощенной орфографии («ять» заменяется на «е», «і» – на «и»), в остальном орфографический облик текста и пунктуация авторские.
- ² Морфологическая часть описания имени числительного проводится нами здесь и далее по Ленинградскому списку рукописи как наиболее полно отражающему раздел «Этимологии» в грамматике Барсова, а синтаксическая часть – по первому Московскому списку, в котором соответственно сохранился раздел «О словосочинении».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Fortunatova). М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. 400 с.
2. Дьячкова И. Н. Числительные в русском литературном языке XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 236 с.
3. Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Академия, 2005. 688 с.
4. Карамзин Н. М. Великий муж Русской Грамматики // Вестник Европы. 1803. № 7. С. 203–206.
5. Макеева В. Н. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 176 с.
6. «Российская грамматика» А. А. Барсова / Подг. текста и коммент. М. П. Тоболовой; Под ред. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.
7. Светов В. П. Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. СПб., 1773. 36 с.
8. Сырейщиков Е. Б. Краткая Российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи. СПб., 1787. 75 с.
9. Успенский Б. А. Предисловие // «Российская грамматика» А. А. Барсова / Подгот. текста и коммент. М. П. Тоболовой; Под ред. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 3–30.
10. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 400 с.

D'yachkova I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

NUMERALS IN “RUSSIAN GRAMMAR” BY A. A. BARSOV

The article is devoted to the theoretical research of numerals found in the outstanding monument of Russian linguistic thought of the XVIII century – “Russian Grammar” by A. A. Barsov. It is determined that A.A. Barsov was the first national grammar linguist who made an attempt to develop a lexical-semantic classification of Russian numerals. The application of classification’s principles, despite their obvious connection with the European grammatical tradition, does not prevent a researcher from understanding peculiarities of this special language material. The interest of the founder of the “Russian Grammar” is equally manifested both in the attitude towards traditional writing and in the attention paid to the living, “easy to use” language. Such scientific approach allows identification of a broader, than in M. V. Lomonosov grammar, zone of variability in the functions of numerals. This phenomena is observed not only in the Russian literary language but also in the conversational language of the late XVIII century. Particularly noteworthy is an interpretation of syntactic properties of numeration in “Russian Grammar”. This interpretation has common features with other interpretations of modern linguistics.

Key words: numeral, “Russian Grammar” by A. A. Barsov, Russian literary language, XVIII century

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Iz istorii izucheniya russkogo sintaksisa (ot Lomonosova do Potebni i Fortunatova)* [From the history of the study of Russian syntax (from Lomonosov to Potebnja and Fortunatov)]. Moscow, 1958. 400 p.
2. D'yachkova I. N. *Chislitel'nye v russkom literaturnom yazyke XVIII veka* [Numerals in Russian literary language of the XVIII century]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 2010. 236 p.
3. Kamchatnov A. M. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: XI – pervaya polovina XIX veka* [The history of the Russian literary language: XI - the first half of the XIX century]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 688 p.
4. Karamzin N. M. Great man of Russian grammar [Velikiy muzh Russkoy Grammatiki]. *Vestnik Evropy*. 1803. № 7. P. 203–206.
5. Makeeva V. N. *Istoriya sozdaniya “Rossiyskoy grammatiki” M. V. Lomonosova* [The story of the «Russian grammar» by M. V. Lomonosov]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN USSR Publ., 1961. 176 p.
6. *“Rossiyskaya grammatika” A. A. Barsova / Podgot. teksta i komment. M. P. Tobolovoy; Pod red. B. A. Uspenskogo* [“Russian grammar” by A. A. Barsov]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1981. 776 p.
7. Svetov V. P. *Opyt novogo rossiyskogo pravopisaniya* [The experience of modern Russian spelling]. St. Petersburg, 1773. 36 p.
8. Syreyshchikov E. B. *Kratkaya Rossiyskaya grammatika* [Concise Russian grammar]. St. Petersburg, 1787. 75 p.
9. Uspenskiy B. A. The Foreword [Predislovie]. *“Rossiyskaya grammatika” A. A. Barsova / Podgot. teksta i komment. M. P. Tobolovoy; Pod red. B. A. Uspenskogo*. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1981. P. 3–30.
10. Shakhmatov A. A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka* [Historical morphology of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 400 p.

Поступила в редакцию 13.04.2015

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОРОВ
кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Российская Федерация)
fma1105@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ «ВРЕМЯ – ЦЕННАЯ ВЕЩЬ» В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Метафора «время – ценная вещь» рассмотрена в контекстах со следующими репрезентантами концепта «time»: «time», «hour», «minute», «year», «month», «week», «moment», «instant». Исследование проведено на материале корпусов текстов британских писателей в период с XIV по XIX век, что позволяет проследить динамику изменения данной метафоры, отражающей эволюцию ценностного отношения к категории времени в британской лингвокультуре. Полученные данные рассмотрены с нескольких ракурсов: изменение количества маркеров метафоры, частотности контекстов с исследуемой метафорой, смысловой разработанности концепта, закрепление определенных маркеров в лингвокультуре на фоне спорадического характера их появления, обусловленного общественной природой языка. Инвариантными доминантами осмысления категории времени как ценного ресурса в британской лингвокультуре можно считать понятия «расходование» и «утрата», а показателями эволюции – изменение количества характеристик ценного объекта, экстраполируемых на единицы времени.

Ключевые слова: концептуальная метафора, категория времени, диахронический аспект, британская лингвокультура

Метафора «время – ценная вещь» – одна из восьми метафор [3; 13], структурирующих концепт¹ «time». Исследование британской литературы в период с XIV по XIX век показало, что репрезентация этой метафоры отражает специфику ценностного отношения ко времени на каждом конкретном этапе. Для анализа выбраны контексты со следующими репрезентантами концепта «time»: «time», «hour», «minute», «year», «month», «week», «moment», «instant». Выбранный список, на наш взгляд, соответствует критериям необходимости и достаточности. Во-первых, здесь имеется единица, указывающая на абстрактное значение категории времени, – «time», и достаточно представительный ряд слов, указывающий на периоды времени разной величины, начиная от мгновения и заканчивая годом.

Во-вторых, все выбранные лексемы, указывающие на конкретные периоды времени, в некоторой степени обладают семей абстрактности, получая конкретизацию только в речевом контексте. Так, например, слово «month» является более абстрактным, чем название любого из двенадцати месяцев. Это делает их оптимально репрезентативными для категории времени – одной из самых абстрактных категорий в концептосфере любой культуры.

Изучение динамики маркеров производилось на материале всех доступных произведений следующих авторов: Дж. Чосера², Т. Мэлори³, У. Шекспира⁴, Б. Джонсона⁵, Дж. Драйдена⁶, Дж. Беньяна⁷, Д. Дефо⁸, Дж. Свифта⁹, С. Ричардсона¹⁰, Г. Филдинга¹¹, Дж. Остин¹², В. Скотта¹³, Ч. Дикенса¹⁴, У. Теккерея¹⁵, У. Коллинза¹⁶. Этот спи-

сок является достаточно представительным для истории культуры с XIV по XIX век и включает авторов, которые внесли наибольший вклад в ее становление.

Среди маркеров метафоры «время – ценная вещь» лишь немногие прямо указывают на ценность времени: «value»¹⁷, «valuable»¹⁸ и «precious»¹⁹. Косвенные маркеры составляют более многочисленную группу. Так, ценность может декларироваться посредством представления времени и его единиц либо как ограниченного, а потому ценного ресурса деятельности («spend»²⁰, «dispend»²¹, «expend»²², «consume»²³, «devote»²⁴, «sacrifice»²⁵), либо как предмета, который может быть утрачен («lose»²⁶, «loss»²⁷, «waste»²⁸, фразовые глаголы с наречием «away»²⁹ со значением «растратить»), либо как предмета, который необходимо сберечь («save»³⁰, «gain»³¹, «win»³², «redeem»³³, «recover»³⁴, «make up for»³⁵), либо как предмета, имеющего определенную стоимость («worth»³⁶, «pay for»³⁷, «buy»³⁸, «purchase»³⁹, «sell»⁴⁰).

Данные о контекстах с метафорой «время – ценная вещь» представлены в табл. 1. В последних рядах показана сумма контекстов с репрезентантами концепта «time», встречающаяся с указанным маркером метафоры.

Из табл. 1 следует, что изменение концептуальной метафоры «время – ценная вещь» можно рассматривать в нескольких ракурсах, и в качестве первого из них можно рассмотреть динамику появления маркеров. Некоторые маркеры, такие как «spend», «lose», «waste», фразовые глаголы с наречием «away», представлены на про-

тяжении всего рассматриваемого периода, а маркеры «precious», «gain», «devote» и «sacrifice», появившись в лингвокультуре⁴¹, встречаются почти у всех авторов. Это позволяет предположить, что наиболее привычными средствами ак-

туализации ценности времени является экстраполяция на единицы времени таких характеристик, как «расходование», «потеря», «растрата», «приобретение», «посвящение», «пожертвование», и собственно декларация его ценности.

Таблица 1

Статистика употребления маркеров метафоры «время – ценная вещь» в произведениях британских писателей

	Чосер	Шекспир	Джонсон	Беньян	Драйден	Свифт	Дефо	Ричардсон	Филдинг	Остин	Скотт	Теккерей	Диккенс	Коллинз
Spend	7	32	8	74	8	27	60	8	58	98	144	46	7	28
Consume					3				5		20		2	9
Devote								3		1	2	5	17	7
Sacrifice									2	2	3	1		2
Lose/loss	14	11	7	3	45	14	23	37	24	43	150	10	65	134
Waste	4	15		4	7	1	1	2	7	8	50	10	11	166
X away		1	1	3	2	1	1	4	5	2	12	1	2	5
Win	2	1												
Gain				4	2	5	3	13		1	21		6	39
Make up											5		4	1
Redeem		2									3			
Recover						2							1	
Save				1		1	1	1			24		5	23
Precious		4		5	9	2		2	4	1		1	7	57
Valuable										1	18	3	5	29
Worth		1						1	1		7		1	
Pay for					1	1			1					2
Buy	1										1			
Purchase		1						1			1			1
Sell		2												

Необходимо заметить, что жизнь человека является собой череду постоянных утрат (расходования) и приобретений, которые проходят мимо нашего внимания, и только попадание в фокус мысли, представленное в речи, говорит о ценности такого объекта. Понимание ценности времени носит функциональный характер, поскольку декларация ценности предшествует осознанию последствий его утраты и по количеству уступает маркерам, указывающим на это качество.

При этом для семи писателей – Шекспира, Беньяна, Свифта, Дефо, Филдинга, Остин и Теккерей – основным маркером является глагол «spend», представляющий время как объект расходования, а для пяти – Чосера, Драйдена, Ричардсона, Диккенса и Коллинза – такими маркерами являются «lose», «loss», «waste», главным образом, актуализируя ценности этой категории через понятия утраты.

Другим интересным ракурсом является конкуренция⁴² средств актуализации ценности времени. Возьмем для примера такие маркеры, как «win», «gain», «make up for», «redeem», «recover», «save», которые можно объединить под эгидой смысловой доминанты «сбережение времени». Необратимость хода времени позволяет говорить о «выигрыше» или «приобретении» времени только метафорически, где использование

этих значений указывает не на получение индивидом дополнительного периода жизни, но на возможность свершения действий или событий, что ранее могло представляться невозможным. Следовательно, любое «восстановление» или «приобретение» суть попытки концептуализации сбережения ресурса времени.

К попыткам означения сбережения времени, не нашедшим поддержки в лингвокультуре, можно отнести такие слова, как «win», встречающиеся у Дж. Чосера и У. Шекспира, «recover», предложенное Дж. Свифтом, а затем Ч. Диккенсом, и «redeem», используемое У. Шекспиром и В. Скоттом, которое можно рассматривать как аллюзию на библейскую фразу «redeem time»⁴³ (см. табл. 1). Примерами удачной объективации можно назвать лексемы «gain» и «save»: первая получила употребление у 9 авторов, а вторая – у 7 из 14 рассмотренных.

Осмысление ценности времени в терминах денег имеет очень мало примеров в британской лингвокультуре: даже самые частые маркеры «worth» и «pay for» за одним исключением встречаются только по одному разу у четырех разных авторов. Можем предположить, что здесь время выступает как синоним жизни: говоря об оплате (pay for) за время, герои произведений указывают на компенсацию за потраченные усилия⁴⁴, приоб-

ретение (buy, purchase) времени выступает в значении овладения частью жизни⁴⁵, а «продажа» (sell) своего времени – в значении ее передачи⁴⁶. При помощи маркера «worth» подчеркивается особая ценность некоторых периодов времени, которая соотносится с «наполняющими» их действиями, что можно видеть в произведениях У. Шекспира⁴⁷, друг с другом, как это делает С. Ричардсон⁴⁸, или оценивается при помощи материальных ценностей, как у Г. Филдинга⁴⁹ или Ч. Диккенса⁵⁰.

В качестве еще одного ракурса можно рассматривать разработанность маркеров метафоры «время – ценная вещь». С начала исследуемого периода благодаря гению У. Шекспира в лингвокультуре присутствует уже 10 единиц, актуализирующих ценность времени с точки зрения разных смысловых аспектов: при этом присутствуют две отчетливые оппозиции «утрата»: «выигрыш»: «оправдание» и «покупка»: «продажа». В дальнейшем эти оппозиции сохранились в измененном виде: вместо лексемы «win» закрепляется «gain», меняя «выигрыш» на «приобретение», а вместо «redeem» – «save», делая акцент не на оправдании потраченных часов, а на их экономии.

Как можно видеть в табл. 1, наибольшее число маркеров имеется в произведениях, относящихся к концу рассматриваемого периода, у В. Скотта, Ч. Диккенса и У. Коллинза: расходование времени, кроме основной единицы «spend», выражено такими единицами, как «consume», «devote» и «sacrifice», актуализирующими значения «использовать полностью», «использовать ради цели» и «использовать ради определенных соображений»⁵¹, причем семантика последнего слова уже содержит прямое указание на его ценность.

Такое разнообразие осмысления ценности времени присутствует как благодаря использованию маркеров, закрепившихся в лингвокультуре, кото-

рые мы уже перечисляли выше, так и благодаря обращению к маркерам, которые не нашли поддержки у большинства авторов, что можно рассматривать либо как разновидность аллюзии, либо как пример повторной концептуальной инновации.

Следующий ракурс позволяет сравнить частотность маркеров исследуемой метафоры. Поскольку авторские корпусы не совпадают по объему, при сопоставлении данных мы использовали уравнивающий коэффициент⁵², показывающий, какое количество контекстов встречается в данном корпусе на миллион слов. В табл. 2 показано количество слов в корпусе текстов каждого автора и уравнивающий коэффициент.

Сумму маркеров метафоры «время – ценная вещь», показанных в табл. 1, мы разделили на значение уравнивающего коэффициента, чтобы увидеть, насколько часто рассматриваемые маркеры могли бы встречаться в корпусе текстов в 1 миллион слов. В табл. 3 показаны уравнивающий коэффициент, сумма маркеров и частотность маркеров метафоры «время – ценная вещь».

Как показывают полученные данные, чаще всего о ценности времени говорится в произведениях Дж. Остин, за ней со значительным отрывом идут произведения У. Коллинза и Г. Филдинга, тогда как наименьшие показатели имеются в произведениях Дж. Чосера, Дж. Беньяна, С. Ричардсона и У. Теккерея, представляющих как начало, так и середину и конец рассматриваемого периода. Можем заключить, что тенденция изменения контекстов с метафорой «время – ценная вещь» в зависимости от периода времени или литературного направления отсутствует.

Таким образом, инвариантными доминантами ценностного осмысления времени в британской лингвокультуре, представленного в метафоре «время – ценная вещь», являются «расходование» и «утрата», тогда как показателями эволюции можно считать изменение количества характери-

Таблица 2

Количество слов в исследуемых корпусах авторов и показатели уравнивающего коэффициента

Чосер	Шекспир	Джонсон	Драйден	Беньян	Свифт	Дефо
560451	885047	300316	836797	1919777	1030137	1060569
0,6	0,9	0,3	0,8	1,9	1	1
Ричардсон	Филдинг	Остин	Скотт	Теккерей	Диккенс	Коллинз
1519004	976729	747795	4760390	1894842	1668168	4200385
1,5	1	0,7	4,8	7,9	1,7	4,2

Таблица 3

Частотность маркеров метафоры «время — ценная вещь»

	Чосер	Шекспир	Джонсон	Драйден	Беньян	Свифт	Дефо	Ричардсон	Филдинг	Остин	Скотт	Теккерей	Диккенс	Коллинз
k	0,6	0,9	0,3	1,9	0,8	1	1	1,5	1	0,7	4,8	1,9	1,7	4,2
С. М.	24	70	16	91	77	54	89	72	107	157	461	77	133	503
Ч. М.	40	77,8	53,3	47,9	96,3	54	89	48	107	224,3	96	40,5	78,2	119,8

стик ценного объекта, распространяемых на данную категорию, на фоне конкуренции языковых средств, актуализирующих эти характеристики.

Увеличение количества маркеров говорит в пользу прогрессивной эволюции ценностного

осмысления категории времени, тогда как частотность контекстов с метафорой «время – ценная вещь» такой тенденции не показывает и, скорее всего, свидетельствует о своеобразии авторского отображения художественной реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниним мы понимаем концепт как комплексную мыслительную единицу, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя разные признаки и слои [1; 37].
- ² Chaucer Concordance. Available at: <http://machias.edu/faculty/necastro/chaucer/concordance/>
- ³ Malory T. Sir. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/573>. В произведениях Т. Мэлори мы не нашли ни одного примера метафоры «время – ценная вещь».
- ⁴ Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/100/pg100.txt>
- ⁵ Jonson B. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/1269>
- ⁶ Bunyan J. The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6049.txt.utf-8>
- ⁷ Defoe D. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/204>
- ⁸ Dryden J. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/807>
- ⁹ Swift J. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/326>
- ¹⁰ Richardson S. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/1959>
- ¹¹ Fielding H. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/537>
- ¹² Austen J. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/68>
- ¹³ Scott W. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/>
- ¹⁴ Dickens C. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/37>
- ¹⁵ Thackeray W. M. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/313>
- ¹⁶ Collins W. Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/98>
- ¹⁷ Bounderby put in, “we are the kind of people who know the value of time, and you are the kind of people who don’t know the value of time” (Диккенс).
- ¹⁸ ...and he gave up at least ten seconds of his valuable time to regretting the misfortune which had befallen that unlucky young woman (Теккерей).
- ¹⁹ ...for the moments I have of your company, may be, some time hence, very precious to my remembrance (Ричардсон).
- ²⁰ Come on, then, and let us go together, and let us spend our time in discoursing of things that are profitable (Беньян).
- ²¹ Thou doost nocht elles but despendest tyme (Чоцер).
- ²² If it will please you / To show us so much gentry and good will / As to expend your time with us awhile / For the supply and profit of our hope... (Шекспир).
- ²³ ...she consumes the time / In idle talk, and owns her false belief (Драйден).
- ²⁴ How much time does a man devote to grief before he begins to enjoy (Теккерей).
- ²⁵ ...Here, at last, was Benjulia’s reward for sacrificing the precious hours which might otherwise have been employed in the laboratory (Коллинз).
- ²⁶ The maister lesith his tyme to lere, / Whanne that the disciple wol not here (Чоцер).
- ²⁷ ...he determined to essay the effect of an explosion without loss of time (Диккенс).
- ²⁸ I had my suspicions – but it was needless to waste time in idle speculation (Коллинз).
- ²⁹ В материале исследования найдены десять фразовых глаголов с наречием «away», являющихся синонимами: «trifle away», «melt away», «sloth away», «linger away», «throw away», «loiter away», «give away», «fritter away», «muddle away». Будучи ограниченными объемом настоящей статьи, приводим пример с самым частотным глаголом: “My lord, you trifle precious hours away” (Драйден).
- ³⁰ You may save my time, sir, from being wasted on an inquiry at a distance (Коллинз).
- ³¹ ...for time is often gained, as well as lost, by delay, which at worst is a fault on the securer side (Свифт).
- ³² And thinketh wel that somtyme it is wit / To spende a tyme, a tyme for to wynne (Think well that sometimes it is wisdom to let one occasion go, to gain another) (Чоцер).
- ³³ Return forgetful Muse, and straight redeem, / In gentle numbers time so idly spent... (Шекспир).
- ³⁴ ...we observe in the sort of gentlemen, who, kept from school by the indulgence of their parents but a few years, are never able to recover the time they have lost (Свифт).
- ³⁵ We must make up for lost time when we’ve got things into a good train (Диккенс).
- ³⁶ ...there are moments in life worth purchasing with worlds (Филдинг).
- ³⁷ It is true, indeed, I have now and then wrote a poem or two for the magazines, but I never intend to write any more; for a gentleman is not paid for his time (Филдинг).
- ³⁸ Thou hast bought deere the tyme of May (Чоцер).
- ³⁹ ...when millions of gold will not purchase one happy moment of reflection on a past misspent life (Ричардсон).
- ⁴⁰ Buy terms divine in selling hours of dross (Шекспир).
- ⁴¹ Под лингвокультурой мы понимаем всю совокупность массива культуры, получившей объективацию в языке [2; 10].
- ⁴² Говоря о конкуренции, мы основываемся на концепции языка как социодействительного феномена: языковые инновации, привнесенные индивидами, можно считать вошедшими в фонд языка, если они имеют признание общества и начинают использоваться другими его членами. В свою очередь адаптация средств речевой деятельности отражает изменения, происходящие в концептосфере данной культуры.
- ⁴³ Возможными источниками словосочетания является Епископская Библия, изданная в 1568 году [4] и являвшаяся официально принятым переводом на тот период. Данное сочетание встречается в Посланиях церквям в Ефесе и Колоссах: Eph. 5:16 Redeemynge the time, because þe dayes are euyll; Col. 4:5 Walke in wisdome towarde thē that are without, redeemynge the tyme.
- ⁴⁴ Let crowds of critics now my verse assail, / Let Dennis write, and nameless numbers rail, / This more than pays whole years of thankless pain – / Time, health, and fortune, are not lost in vain (Драйден);

- While nothing comes but froth at first, / You think your giddy head will burst; / But squeezing out four lines in rhyme, / Are largely paid for all your time (Свифт); ...but I never intend to write any more; for a gentleman is not paid for his time (Филдинг); “Take my number, gentlemen,” concluded the cabman, “and pay me for my time” (Коллинз).
- ⁴⁵ My lords, if not for any parts in him – / Though his right arm might purchase his own time, And be in debt to none – (Шекспир);
... when millions of gold will not purchase one happy moment of reflection on a past misspent life (Ричардсон);
He has purchased my time, but not even HIS wealth can purchase my conscience too (Коллинз).
- ⁴⁶ ...when, for a day of kings’ entreaties, a mother should not sell him an hour from her beholding (Шекспир).
- ⁴⁷ The time is worth the use on’t (Шекспир).
- ⁴⁸ No, replied I, an hour of innocence is worth an age of guilt (Ричардсон).
- ⁴⁹ ...there are moments in life worth purchasing with worlds (Филдинг).
- ⁵⁰ “If you will take such time as I have, and that is my mornings and evenings, and can think it worth seventy pounds a year, you will do me such a service as I cannot express” (Диккенс).
- ⁵¹ consume – use up (a resource); devote – use a certain amount of space or time to cover (a topic); sacrifice – give up (something valued) for the sake of other considerations
- ⁵² Коэффициент вычисляется по формуле $k = U/1000000$, где U – общее количество слов в произведениях авторов. Полученное частное обобщается до десятой доли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2001. 191 с.
2. Федоров М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник БГУ (Серия Философия, Социология, Политология, Культурология). 2014. № 6 (2). С. 83–86.
3. Федоров М. А. Образная составляющая концепта TIME: диахронический аспект. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. 160 с.
4. Bishop Bible [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archive.org/stream/holiebiblecontey00lond/holiebiblecontey00lond_djvu.txt
5. Oxford Dictionary of English, Revised Edition (for ABBYY Lingvo x3). Oxford University Press, 2005.

Fedorov M. A., Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation)

**EVOLUTION OF CONCEPTUAL METAPHOR “TIME IS A VALUABLE COMMODITY”
IN BRITISH LINGUOCULTURE**

The metaphor “time is a valuable commodity” is examined together with the set of words representing the concept of time: “time”, “hour”, “minute”, “year”, “month”, “week”, “moment”, “instant”. The research is conducted on the basis of textual materials written by British writers in the period from the XIVth to the XIXth centuries. The conducted study helped to reveal the changing dynamics of this metaphor, which in turn reflects the evolution of the concept of time in British linguoculture. The obtained data is viewed from several perspectives: the change in the number of metaphor markers; the frequency of the metaphor usage in literary contexts; the correlation between markers that are repeatedly used by different authors and those that appear in British linguoculture sporadically as determined by the social nature of the language. “Consumption” and “loss” are the concepts that can be considered as invariant dominants of the perception of time as a valuable commodity. The evolution of such perception can be indicated by the change in the number of characteristics of a valuable object, which features are attributed to the concept of time.

Key words: cognitive metaphor, category of time, diachronic aspect, British linguoculture

REFERENCES

1. Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays On Cognitive Linguistics]. Voronezh, Voronezh University Publ., 2001. 191 p.
2. Fedorov M. A. The Term “Linguoculture” in the Aspect of the Theory of Culture [Termin lingvokul'tura v aspekte teorii kul'tury]. *Vestnik BGU (Seriya Filosofiya, Sotsiologiya, Politologiya, Kul'turologiya)* [Herald of Buryat State University (Philosophy, Social and Political Science, Culture Studies)]. 2014. № 6 (2). P. 83–86.
3. Fedorov M. A. *Obraznaya sostavlyayushchaya kontsepta TIME: diakhronicheskiy aspekt* [Figurative component of the TIME concept: diachronic aspect]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2013. 160 p.
4. Bishop Bible. Available at: https://archive.org/stream/holiebiblecontey00lond/holiebiblecontey00lond_djvu.txt
5. Oxford Dictionary of English, Revised Edition (for ABBYY Lingvo x3). Oxford University Press, 2005.

Поступила в редакцию 12.02.2015

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА БОЕВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии и общегуманитарных дисциплин, Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
g_boeva@rambler.ru

ПОЭТИКА УЖАСА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АНДРЕЕВА: РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ

Разделяя идею о социокультурной природе эмоций, автор статьи анализирует рецепцию творчества Л. Андреева как следствие предельно эмоционального публичного дискурса эпохи русского fin-de-siècle, органичной частью которого являлись стиль и язык критики. Под ужасами понимались как ужасы социальные, эстетически освоенные еще натурализмом, так и ужасы, связанные с изображением иррациональных сил, владеющих человеком, – с ними познакомил читателя модернизм. В творчестве Андреева соединились обе эти линии, что и обусловило его литературную репутацию «певца ужасов». Поэтика страха уже привлекала внимание исследователей (С. Роле), однако автор статьи, дифференцируя понятия «страх» и «ужас» с помощью их философской интерпретации (Кьеркегор, Хайдеггер, Бердяев), предпочитает последнее. Поэтика ужаса в творчестве Андреева исследуется в статье в рецептивном аспекте – с привлечением критических откликов Д. Мерзжковского, А. Белого, И. Анненского, М. Волошина и других. Воплощение ужаса позволило писателю не только выразить свое мироощущение, но и стать эмоциональным камертоном массового читателя.

Ключевые слова: Леонид Андреев, поэтика ужаса, рецепция, критика

Дискурсивные практики ужасного в начале XX века не раз уже становились центром внимания – очевидно, что в гуманитаристике на наших глазах происходит поворот к изучению эмоций в социокультурном аспекте¹.

Критический дискурс рубежа XIX–XX столетий отличался повышенной эмоциональностью. О насыщенности культурной жизни России между двумя революциями «тревожным дискурсом об эмоциях», определявшим общественный и политический климат, пишет М. Стейнберг [11; 202]. Разделяя убеждение в социокультурной обусловленности эмоций, исследователь связывает «главную болезнь времени» – повышенную эмоциональность – с настроениями кризисности, характерными для эпохи fin-de-siècle, и концентрируется на господствующем настроении, определяющем язык публичной сферы, – меланхолии². Слово это не представляется нам удачным для описания всего комплекса мрачных чувств, испытываемых на рубеже веков: оно в русской культурной традиции ассоциируется, скорее, с эпохой сентиментализма и особенно романтизма и предполагает не столько социальную травмированность, сколько свою собственную культивацию в эстетических целях. Впрочем, затем исследователь конкретизирует смысловой объем этого понятия за счет перечисления его составляющих: «тоска», «разочарование», «беспочвенность», «неуверенность», «кризисность», «катастрофичность», «трагедийность». В этот ряд мы поместили бы и «ужас», зародившийся вследствие чувств потерянности, крушения и травмирующего «уничтожения символических ценностей» (Ю. Кристева) [11; 207–208] и шаг-

нувший из языка философии в популярный язык, на котором журналисты и писатели начала XX века говорили с расширившейся читательской аудиторией [11; 209].

Если вдуматься в формулу «жестокий талант», которой когда-то обозначили своеобразие творчества Достоевского, то станет очевидно, что «жесток» писатель может быть только по отношению к читателю. «Жестокий» – значит не щадит его, заставляет пережить тяжелые чувства, погружает в прежде табуированные сферы «ужасов» и «кошмаров» и российской действительности, и человеческой души. Смело расширяя сферу эстетического и вводя в нее явления и факты из жизни трущоб, натурализм начал приучать читателя к «жестокостям» первого рода – социальным, к «жестокостям» иным – связанным с иррациональными страстями, рвущимися из «подвалов» бессознательного, – познакомила его декадентская литература.

Поскольку литературная репутация Андреева включала в себя неприменный обертон «продолжатель традиций Достоевского», а в консервативном критическом дискурсе, подпитываемом стихийным рецептивным сознанием, писатель часто воспринимался как «заодно с декадентами», то неудивительно, что он снискал себе славу певца ужасов и кошмаров. Эти концепты весьма частотны и в заголовках критических отзывов о его творчестве³, и в текстах самих статей.

В доказательство приведем два подобных отзыва⁴, относящихся к 1908 году, когда репутация Андреева, после разрыва с Горьким и кругом «знаньевцев», окончательно сложилась. Так, подводя итоги «андреевскому десятилетию» русской

литературы – с 1898 по 1908 год, – критик Вс. Чаговец в качестве одного из важнейших «фокусов» творчества писателя называет «ужас смерти»⁵. Заметим попутно, что два других «фокуса», отмеченные критиком: «пиршество зверей» (социальное зло) и «он и она» (иррациональность чувств), – подтверждают нашу мысль о «двусоставном» содержании андреевских «ужасов». Другой критик, Д. Мережковский, выражает сомнение в художественности творчества Андреева именно вследствие того, что писатель не преобразует «уродство, ужас, хаос» жизни, а растворяется в них⁶. Как видим, и лояльно настроенный критик, и не одобряющий андреевских писаний фиксируют один и тот же нерв его творчества – склонность к изображению ужасов. Напомним, что и знаменитый отзыв Л. Толстого об Андрееве: «он пугает – а мне не страшно», растиражированный затем в сотнях иных публикаций, – высвечивает именно эту характерную нацеленность всего, выходящего из-под пера писателя, – «пугать» читателя.

Действительно, творчество Андреева представляет собой тематизацию и фигурацию различных видов аффекта, в том числе – и едва ли не больше остальных – ужаса. Анализ мотива ужаса у Андреева в связи с философией экзистенциализма предпринят Е. С. Петрушковой, выделившей в его прозе «страх жизни» и «страх смерти» [9]. Предлагаем взять несколько иное основание для анализа и взглянуть на творчество писателя как тематизацию двух ужасов, о которых уже было сказано выше: социального (социальное расслоение, уродующая личность бедность – темы, которым писатель отдал дань преимущественно в ранних произведениях, таких как «Петька на даче» (1899), «Ангелочек» (1899), «В подвале» (1901)), и метафизического, проистекающего от богооставленности человека, одиночества среди себе подобных, столкновения его с могущественными силами инстинктов, бессознательного, иррационального («Большой шлем» (1899), «Смех» (1901), «Ложь» (1901), «Город» (1902), «В тумане» (1902), «Жизнь Василия Фивейского» (1903) и многие другие).

Примечательно, что рассказ «Бездна» (1901), вызвавший шумиху в прессе и прославивший имя начинающего писателя, как будто сконцентрировал в себе два ужаса, проистекающих из социальной деформации человека (босачество) и зачарованности героя бездной слепых инстинктов. Причем первый из них окажется лишь «частным случаем», прелюдией к истинному, коренящемуся в самой человеческой природе, а потому неистребимому и особенно страшному⁷. «Ужасом» называют герои пьесы «Екатерина Ивановна» (1913) рационально необъяснимую метаморфозу, превращающую добродетельную жену и мать в духовно мертвую развратницу, источающую соблазн и стремящуюся к смерти. Наконец, через все творчество Андреева проходит в самых

разных вариациях ужас смерти, крайним воплощением которого стал «ужас бесконечного» – то чувство, которое внушает людям Елеазар (в одноименном рассказе 1906 года), побывавший за гранью жизни и познавший скрытое от смертных.

Заметим, что, согласно таблице частотного распределения лексем, отражающей лексико-статистическую структуру текстов андреевских рассказов, слова «страх» и «ужас» относятся к числу излюбленных автором: они употребляются соответственно 141 и 133 раза, и столь же частотны производные от них [13; 201, 214, 234].

Творчество Андреева уже становилось объектом исследования с точки зрения воплощения в нем «поэтики страха» [10]. Однако дифференциация понятий «страх» и «ужас», столь близких в русском языке, нуждается в некотором обосновании, поскольку разграничение этих словоупотреблений весьма проблематично⁸.

Обратимся к философской трактовке понятий «страх» и «ужас». Рассуждая об ужасе и страхе в контексте трагического, В. Кантор пишет: «Трагический герой был связан как с Божественным началом, так и с одной из сторон “устойчивого жизненного содержания”» (Гегель) [7; 144–146], – в мире же, где эта вертикаль исчезает, человек начинает испытывать ужас, как хронически испытывает его герой Ф. Кафки, современника Андреева, моделировавшего в своих произведениях эту ситуацию богооставленности. С. Кьеркегор (кстати, любимый философ Кафки) замечает, что страх порождается столкновением человека с Ничто [8; 143]. Несмотря на близость понятий «angest» («страх») у Кьеркегора и Хайдеггера, у датского мыслителя оно, скорее, понятие психологическое, а не онтологическое: в переводах Хайдеггера на русский язык, отмечает Кантор, данное слово чаще переводится именно как «ужас» [7; 145]. Примечательно, что этот лексический нюанс был отрефлектирован другим философом-экзистенциалистом, уже русским – Н. А. Бердяевым: «Страх лежит в основе жизни этого мира. <...> Если говорить глубже, по-русски нужно сказать – ужас» [3; 390]. Наконец, Хайдеггер, делая «ужас» одним из основных понятий своей философии, поясняет: «Ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Хотя ужас это всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. <...> И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить» [12; 21].

Итак, если употреблять понятие «ужас» в онтологическом, бытийственном смысле, то для него характерна неопределенность. Полагаем, что, когда С. Роле описывает чувства, внушаемые Андреевым читателю: «Создается тупой, беспричинный, неопределенный страх. Нет объективных факторов, которые вызывают страх, но

немотивированный страх все-таки таится где-то в глубине текста» [10; 171], – уместнее было бы вести речь именно об ужасе. Ведь далее исследователь пишет именно о *немотивированном чувстве страха* (а значит, уместнее назвать его *ужасом*), которое возбуждается в читателе посредством определенных стилистических приемов, основной из которых – завораживающие лексические повторы (добавим, не только лексические, но и синтаксические). Продолжая эту тему, остановимся преимущественно на ее рецептивном аспекте.

И. Анненский в «Книгах отражений», подразумевающих воспроизведение именно своих читательских отражений прочитанного, своей рецепции, интерпретирует «ужас» и «сострадание», лежащие в основе аристотелевской концепции трагического, как два полюса наших ощущений: «...в ужасе... для человека весь мир сгущен в какой-то призрак, грозящий именно ему. В сострадании как раз наоборот: человек совершенно забывает о своем существовании, чтобы слить свое исстрадавшееся я с тем не-я, которому это страдание грозит» [1; 440]⁹. «Страх смерти», в котором Анненский усматривает «любимый мотив» современной литературы, неотделим в «Книгах отражений» от ужаса, противопоставляющего чувствующего человека миру. Вот почему, создавая свои «отражения» созвучных ему текстов, несколько очерков автор посвящает Андрееву, запечатлевшему «душу поэта с ее укором и ужасом» [1; 554]. Заметим, что и *сострадание* не чуждо Андрееву-писателю – однако преимущественно в ранних произведениях «знаньевского» периода («Баргамот и Гараська» (1898), «На реке» (1900)).

О «жажде ужасного», охватившей Европу на рубеже веков, о «любопытстве к сырым фактам жизни» и тяге ко всякого рода чрезвычайным происшествиям как «наркотикам ужаса» пишет М. Волошин, чья оценка творчества Андреева заслуживает особого внимания [4]. Она прозвучала в 1913 году в контексте громкого дела, связанного с актом вандализма по отношению к картине И. Е. Репина «Иоанн Грозный и его сын 16 ноября 1581 г.». Волошин усмотрел в нападении на картину не просто случай музейного вандализма, а пагубное влияние на зрителя художественной сущности картины – не реалистической, созидательной, а натуралистической, копирующей¹⁰. Творчество Андреева для Волошина – следствие засилья натурализма в русской литературе: «Зло, принесенное репинским “Иоанном” за 30 лет, велико. Репин был предтечей и провозвестником всего того, что теперь так пышно разрослось в романы о сыщиках, в театры ужасов и литературу Леонида Андреева» [4; 32]. Размышляя о категории «ужасного» в искусстве, Волошин пишет: «Сочувствие и ужас обессиливающим бременем ложатся на душу зрителя», поскольку «автор не преодолел ужаса, не был сам героем

своего произведения, а был лишь безмолвным и жалким свидетелем...» [4; 30]. Следовательно, заключает критик, изображение «ужасного» обязывает художника самому преодолеть ужас, что даст ему «личный страдательный опыт» и предостережет от «ужасающей» натуралистичности [4; 30]¹¹. В сущности, Волошин пишет о неспособности Андреева порождать творения истинно эстетические, вызывать изображением ужасного катарсический эффект.

Напомним: именно о том, что Андреев не преодолевает ужаса, а «растворяется» в нем, пишут и другие критики близкой Волошину эстетической ориентации – Д. Мережковский, А. Белый [2]¹².

Читатель начала века заслуживает особого разговора. Н. Рубакин, известный специалист по народному чтению, осмысливая в 1912 году многочисленные письма читателей¹³, констатирует «внутренний ужас» восприятия жизни подавляющим большинством читателей.

Поскольку в культуре модерна само нарушение нормы расценивается как эстетический факт – наиболее успешными становятся писательские стратегии, выстраиваемые как намеренно скандальные, сенсационные («фурорные», если прибегнуть к эпитету того времени) [5]. И здесь, конечно, Андрееву, виртуозно игравшему на парадоксах читательского восприятия и жажде ужасного, не было равных. Либерализируя культурные нормы и пересматривая эстетические критерии, он принципиально держал курс на введение в литературу прежде табуированных тем, ужасающих своей новизной (вопросы пола, привлекшие внимание к «Бездне» и «В тумане» (1902), сделали его чуть ли не главным объектом дискуссии о «порнографии» в современной беллетристике); на поиски нетривиальных и парадоксальных решений как в сфере содержания (библейские темы, большие проблемы современности, «бездны» бессознательного, «пограничные» состояния и др.), так и в сфере выражения (постоянное балансирование на границе между традиционной реалистической эстетикой и художественными новациями) [6; 15].

Актуальность тематики и проблематики андреевского творчества, свежесть реакции на события и настроения российской жизни – еще одна причина успеха у современного читателя. Очень многие произведения Андреева были навеяны отличавшейся особой остротой социально-политической жизни общества (русско-японской войной, революциями, актами террора, применением смертной казни и пр.) – кровавыми, ужасными событиями, находившимися в центре внимания читателя и настоятельно нуждавшимися в осмыслении. Андреев был, по образному выражению одного критика, эмоциональным камертоном, скрепляющим «кирпичи жизни» «кровью своего сердца».

Ужасные сюжеты и настроения Андреева черпались из жизни, а затем, после трансляции

их читателю, часто становились руководством к действию. Чуковский, автор статьи о суициде в современной российской словесности¹⁴, в воспоминаниях об Андрееве пишет, не без доли иронии, что в 1907–1910 годах тот стал «вождем и апостолом уходящих из жизни», обладателем целой коллекции предсмертных записок, адресованных ему самоубийцами¹⁵. Впрочем, иногда трудно провести грань между искусством и действительностью: в одной из одесских газет с изображением Андреевым ужасов жизни связывается уже не самоубийство, а убийство «из жалости» студентом Московского университета Ф. Кипарисовым своего больного брата Сергея¹⁶. Видимо, неслучайно подобные поступки, еще морально не артикулированные в общественном сознании (то, что сейчас составляет проблему эвтаназии), связывались с провокативным, на-

целенным на «болевые точки» современности творчеством Андреева¹⁷.

Как видим, Л. Андреев действительно «пугал» своего читателя, и, в отличие от Толстого, неуязвимо для ужасов вследствие силы своей веры, читателю действительно «было страшно». Поэтика ужаса, реализованная в творчестве Андреева, позволила писателю не только выразить свое мироощущение, но и стать эмоциональным камертоном массового читателя. Писатель разделял ужас со своим читателем, и это давало повод некоторым критикам, не учитывающим перемену мировоззренческих и эстетических ориентиров нового искусства, смело пересекающего границы с жизнью, отказывать Андрееву в подлинном искусстве. Восприятие писателя современниками как певца ужаса жизни было адекватно духу времени эпохи российского fin-de-siècle.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Отметим два значимых в этом отношении события – издание (Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: Сб. статей / Под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М.: НЛО, 2010. 512 с.) и международную научную конференцию «Все страхи мира: HORROR в литературе и искусстве», проходившую 24–25 апреля 2014 года в Пушкинском Доме (Санкт-Петербург).
- 2 Выбирая это слово, М. Стейнберг, очевидно, ориентируется на весьма авторитетную иноязычную традицию его употребления – вслед за З. Фрейдом («Trauer und Melancholie» (1915–1917), Ю. Кристевой («Black Sun: Depression and Melancholia» (2010)).
- 3 См., например: [Б. п.]. Лекция П. С. Когана «Леонид Андреев и ужас жизни» 6 марта 1909 г. в Политехническом музее в Москве // Русское слово. 1909. 7 марта (№ 54). С. 5; Делич В. Творчество ужаса: (Леонид Андреев. «Рассказ о семи повешенных») // Астраханский листок. 1908. 1 авг. (№ 167). С. 3.
- 4 Подобных цитат можно было бы привести сотни, ограничимся еще несколькими, выбранными едва ли не наугад (курсивы везде наши): «Его талант – необыкновенный, ужасный, сумрачный, кровавый» (из отчета о лекции А. Куприна в Эссентуках об Андрееве и Ф. Ницше ([Б. п.]. А. Куприн о современной литературе // Петербургская газета. 1908. 2 авг. (№ 210). С. 2); «...Этот великий служитель трагического каждым своим новым произведением подчеркивает ужас перед ужасами жизни...» (Морозов М. Ужас бесцельности («Мои записки» и «Черные маски» Леонида Андреева) // Вершины: Кн. 1. СПб.: Прометей, 1909. С. 245).
- 5 Чаговец Вс. Андреевское десятилетие и его итоги // Киевская мысль. 1908. 10 апр. (№ 101). С. 2.
- 6 Мережковский Д. С. В обезьяньих лапах: О Леониде Андрееве // Русская мысль. 1908. 1. С. 75–98.
- 7 Напомним, что «Бездна» породила бурю читательских откликов, в том числе и в духе литературной мистификации – в виде публичных писем в печать от имени героев рассказа.
- 8 Очевидно, контаминация понятий идет еще от мифологической традиции: Фобос (Страх) и Деймос (Ужас) были спутниками бога войны Ареса, в римской же традиции Марса сопровождают Паллор и Пavor, чьи имена по-разному переводятся в других языках и уже без строгой выдержанности мифологических проекций – в частности, последнее божество в разных источниках по-русски называется то Ужасом, то Страхом.
- 9 Вот почему для него и ужас, и сострадание могут быть только реальными, а потому они актуальны в эпоху реализма – в романтизме же «трагедия замирает».
- 10 По Волошину, эпохи аффекта, «ужаса и зверств» «всегда следуют за эпохами упадка фантазии, бессилия мечты» – таким образом русская литература расплавляется за свое пристрастие к реализму и пренебрежение мечтой о «нездешнем» (Волошин М. Магия творчества: О реализме русской литературы // Весы. 1904. № 11. С. 5).
- 11 О натуралистичности Андреева Волошин пишет и в статьях, специально посвященных его творчеству (Волошин М. Леонид Андреев и Федор Сологуб; Елеазар, рассказ Леонида Андреева; Некто в сером // Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 443–463).
- 12 В частности, Белый пишет, что в творчестве Андреева «мы не видим обетований победы над ужасом», о «крике недоумевającego ужаса», который срывается с уст его героев [4; 364].
- 13 Рубакин Н. «Для чего я живу на свете» // Новый журнал для всех. 1912. № 6. Стб. 67.
- 14 Чуковский К. Самоубийцы: (Очерки соврем. словесности) // Речь. 1912. 23 дек. (№ 352). С. 3; 24 дек. (№ 353). С. 2.
- 15 Чуковский К. Леонид Андреев // Книга о Леониде Андрееве. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. С. 88.
- 16 Чужанов Ив. [Дриллх И. Я.] Убийство из жалости // Одесский листок. 1910. 29 окт. (№ 247). С. 2.
- 17 Об опасности превращения искусства, не преодолевающего ужас, в «отравленный источник, рассадник самоубийства» предупреждает и М. Волошин [4; 30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Анненский И. Ф. Книги отражений // Анненский И. Ф. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1988. С. 374–667.
- 2 Белый А. Второй том // Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2012. С. 363–365.
- 3 Бердяев Н. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 680 с.

4. Волошин М. Лекция «О художественной ценности пострадавшей картины Репина», которая была прочитана как публичная лекция на диспуте в Политехническом музее 12 февраля 1913 года // Волошин М. А. О Репине. М.: Олелукойе, 1913. С. 13–33. Цит. по репринтному изданию: Харьков, 2010. С. 5–33.
5. Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛО, 2010. 345 с.
6. Икитян Л. Н. Художественный эксперимент как творческая стратегия в прозе и драматургии Леонида Андреева: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2011. 20 с.
7. Кантор В. Ужас вместо трагедии (творчество Франца Кафки) // Катарсис: метаморфозы трагического сознания. СПб.: Алетейя, 2007. С. 135–153.
8. Кьеркегор С. Понятие страха // Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 113–248.
9. Петрушкова Е. С. Мотив ужаса в прозе Леонида Андреева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 90–98.
10. Роле С. Страх в творчестве Леонида Андреева // Семиотика страха: Сб. статей / Сост. Нора Букс и Франсис Конт. М.: Русский институт: «Европа», 2005. С. 168–171.
11. Стейнберг М. Меланхолия нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М.: НЛО, 2010. С. 202–226.
12. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 16–41.
13. Частотный словарь Л. Н. Андреева / Авт.-сост. А. О. Гребенников; Под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 398 с.

Boeva G. N., Nevskiy Institute of Language and Culture (St. Petersburg, Russian Federation)

POETICS OF HORROR BY LEONID ANDREEV: PERCEPTION ASPECT

Sharing the idea of socio-cultural nature of emotions, the article's author analyzes perception of Andreev's work as an outcome of extremely emotional public discourse at the time of the Russian fin-de-siècle. An organic part of this discourse was the style and the language of literary criticism. The horrors were understood as social horrors, which had already been aesthetically assimilated by naturalism, and as horrors associated with the portrayal of irrational forces controlling a man. These ideas were introduced to the readers by modernism. In Andreev's works both of these lines merged and conditioned his literary reputation of "the singer of horrors". Poetics of fear has already attracted attention of multiple researchers (S. Rolet). However, the author of this article, distinguishing between the concepts of "fear" and "horror" and applying their philosophical interpretations (Kierkegaard, Heidegger, and Berdiaev), prefers the latter. In this article, the author studies the aspect of Andreev's poetics perception using critical responses of D. Merezhkovsky, A. Bely, I. Annensky, M. Voloshin and others.

Key words: Leonid Andreev, poetics of horror, reception, criticism

REFERENCES

1. Annenskiy I. F. Books of Reflections [Knigi otrazheniy]. *Annenskiy I. F. Izbrannyye proizvedeniya*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. P. 374–667.
2. Belyy A. The Second Volume [Vtoroy tom]. *Sobranie sochineniy. Arabeski. Kniga statey. Lug zelenyy. Kniga statey*. Moscow, Respublika: Dmitriy Sechin Publ., 2012. P. 363–365.
3. Berdyayev N. *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Dialectics of Divine and Human]. Moscow, AST; Kharkov: Folio Publ., 2003. 680 p.
4. Voloshin M. "On the Artistic Value of Repin's Damaged Painting", delivered as a public lecture during a dispute in The Polytechnic Museum on 12 February, 1913 [Lektsiya "O khudozhestvennoy tsennosti posttradvshyey kartiny Repina", kotoraya byla pročitana kak publichnaya lektsiya na disпутe v Politekhicheskom muzee 12 fevralya 1913 goda]. *Voloshin M. O Repine*. Moscow, Ole-Lukoye Publ., 1913. P. 13–33.
5. Dubin B. *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classic Literature: After and Near: Sociological Sketches on Literature and Culture]. Moscow, NLO Publ., 2010. 345 p.
6. Ikityan L. N. *Khudozhestvennyy eksperiment kak tvorcheskaya strategiya v proze i dramaturgii Leonida Andreeva: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Artistic Experiment as Creative Strategy in Leonid Andreev's Prose and Drama]. Simferopol, 2011. 20 p.
7. Kantor V. Horror Instead of Tragedy in Franz Kafka's Work [Uzhas vmesto tragedii (tvorchestvo Frantsa Kafki)]. *Katarsis: metamorfozy tragicheskogo soznaniya* [Catharsis: Metamorphoses of Tragic Consciousness]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. P. 135–153.
8. K'еркегор S. Concept of Fear [Ponyatie strakha]. *Strakh i trepet*. Moscow, Respublika Publ., 1993. P. 113–248.
9. Petrushkova E. S. Motive of Horror in Leonid Andreev's Prose [Motiv uzhasa v proze Leonida Andreeva]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University of Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012. № 3 (19). P. 90–98.
10. Role S. Fear in Leonid Andreev's Oeuvre [Strakh v tvorchestve Leonida Andreeva]. *Semiotika strakha: Sb. Statey / Sost. Nora Buks i Fransis Kont*. Moscow, Russkiy institut: "Evropa" Publ., 2005. P. 168–171.
11. Steynberg M. Melancholy of Modern Times: Discourse on Social Emotions between Two Revolutions [Melankholiya novogo vremeni: diskurs o sotsial'nykh emotsiyakh mezhdru dvumya revolyutsiyami]. *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoy istorii emotsiy*. Moscow, NLO Publ., 2010. P. 202–226.
12. Khaydegger M. What is Metaphysics? [Chto takoe metafizika?]. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya*. Moscow, Respublika Publ., 1993. P. 16–41.
13. *Chastotnyy slovar' L. N. Andreeva* [A Frequency Dictionary of L. N. Andreev] / Avt.-sost. A. O. Grebennikov; Pod red. G. Ya. Martynenko. St. Petersburg, St. Petersburg. un-t Publ., 2003. 398 p.

Поступила в редакцию 10.11.2014

СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА ЗАХАРЧЕНКО

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры туризма, Петрозаводский государственный уни-
верситет (Петрозаводск, Российская Федерация)
zco59@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ОПТИНСКИХ МОНАХОВ*

На протяжении всего XIX века, который был отмечен духовным расколом между Востоком и Западом, оптинские старцы выступали просветителями православной веры, совестью русского народа. В данной статье рассматриваются литературные предпочтения оптинских монахов. Материалом исследования служит эпистолярное наследие старца Макария (Иванова), а именно рукописные источники XIX века, хранящиеся в Российской государственной библиотеке. Монахи Оптиной Пустыни активно участвовали в литературном процессе 40–60-х годов XIX века в России. Монашествующих интересовали взгляды как русских, так и зарубежных писателей, их отношение к вере. В процессе нашего исследования было установлено, что в центре внимания оптинцев находились девять литературно-художественных журналов, издававшихся в России в середине XIX века: «Маяк», «Москвитянин», «Иллюстрация», «Православный Собеседник», «Русская беседа», «Русский вестник», «Духовная беседа», «Народное чтение», «Странник». Выявлена ключевая роль русской литературы в распространении и укреплении православных взглядов.

Ключевые слова: духовная литература, публицистика, оптинские старцы, Макарий Оптинский, эпистолярное наследие, русские журналы XIX века

Изучение монастырской культуры востребовано в последнее время. Влияние духовенства, в частности черного, на историю и культуру России, на жизнь общества огромно. Это воздействие становится все более заметным и в наши дни.

Середина XIX века была отмечена «повреждением в вере»¹. Западная Церковь подменила внутренний авторитет истины внешним авторитетом иерархии, повлекшим неизбежно распад духовной цельности, как отмечает В. Зеньковский². Русские духовные пастыри Оптиной Пустыни, как никто иной, видели прямую связь между просвещением и верой, стояли за православное наполнение русской литературы и активно участвовали в литературном процессе. Одним из известных оптинцев, писавшим статьи в журналы и издавшим 6 книг собственного сочинения, был иеросхимонах Иоанн (Малиновский)³, что отмечает в своей монографии профессор В. В. Каширина [8]. Несмотря на отсутствие образования, Иоанн обладал даром убеждения, что помогало ему простым и прямым от сердца слогом влиять на умы раскольников. Это в том числе и о нем писал прп. Макарий Оптинский Антонию Бочкову⁴ 20 февраля 1859 г.: «...пастыри наши стараются защитить стадо от волков, сколько имеют возможность, и в духовных журналах помещают статьи против их козней»⁵.

Исторические труды еще одного известного оптинца Леонида (Кавелина)⁶, благодаря которым он приобрел известность в ученом мире, начинались с описания Козельской Введенской Оптиной Пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи [8].

Деятельность преподобного Макария (Иванова) особо отмечает Г. М. Запальский, который считает, что «именно благодаря этому старцу и другим образованным монахам при Оптиной пустыни с 1840-х гг. стала активно развиваться просветительская деятельность, осуществлялись перевод и издание трудов отцов Церкви, что было очень востребовано в обществе того времени» [7; 14]. По мнению И. М. Концевича, «под влиянием прп. Макария Оптинского русский философ И. В. Киреевский закладывает основание философии “цельности духа”, которая должна была лечь в основу русской самобытной культуры» [9; 94].

Монахи Оптиной Пустыни много читали, и не только церковную и духовную литературу, но и выписывали современные духовные и литературные журналы, а также журналы и книги на иностранных языках. Вот краткий перечень русских журналов из переписки старца Макария Оптинского:

- «Маяк» (СПб., ред. С. Бурачек, основан в 1840 г.),
- «Москвитянин» (М., ред. М. Погодин, основан в 1841 г.),
- «Иллюстрация» (СПб., ред. Н. Кукольник, далее А. Башуцкий, основан в 1845 г.),
- «Православный Собеседник» (Казанской Духовной Академии, ред. архим. Иоанн (Соколов), основан архиеп. Григорием (Постниковым) в 1855 г.),
- «Русская беседа» (М., ред. А. Кошелев, основан в 1856 г.),
- «Русский вестник» (М., с 1841–1844 гг.: ред. Н. Греч, Н. Полевой, с 1856 г.: М. Катков),

- «Духовная беседа» (СПб., Духовной Академии, ред. И. Яхонтов, основан в 1858 г.),
- «Народное чтение» (СПб., ред. А. Оболенский и Г. Щербачев, основан в 1859 г.),
- «Странник» (М., ред. В. Гречулевич, основан в 1860 г.).

Вот как характеризовал прп. Макарий некоторые из журналов в переписке с Константином Зедергольмом: «В журнале: *“Народное Чтение”* хотя и нет особенно назидательного, но, по крайней мере, нет пока и ничего противного»⁷. Или: «*Брату Максиму, кажется, не мешало бы послать “Духовную Беседу”, она разнообразнее других, а в “Христианском Чтении” идет сочинение Св. Златоустаго*»⁸. Примечательно, что Константин Зедергольм, а также его брат Максим перешли из католицизма в православие. Впоследствии Константин Зедергольм вступил в Оптину Пустынь и принял монашеский постриг; он известен как иеромонах Климент, принявший последнюю исповедь у графа А. П. Толстого, умершего в Женеве.

В литературных журналах велась духовная борьба за веру. Религиозные темы, поднимаемые в некоторых журнальных статьях, были актуальными в течение нескольких лет. См. письмо прп. Макария Антонию (Бочкову) от 3 мая 1855 года: «*Не знаю, читали ли Вы Маяк 1845 года, там есть сильные обличения западных заблуждений в статьях “Критический обзор книги царствования Людовика XIV” и “Очная ставка” против вольнодумства <...> Там есть много истины, обличающей и наших мудрецов писателей*»¹¹.

В этом же письме старец упоминает и о газетных публикациях более раннего времени, то есть о речи Маршанжи, которая была произнесена 29 августа 1822 года перед судом присяжных департамента Сена по делу о заговоре в Ла-Рошель: «*... читал я газеты 1822 года и как теперь помню в 10 номерах с 78 по 88 помещена речь парижского присяжного генерала Маршанжа*»¹². Творчество генерала Маршанжи¹³ было в поле внимания русских литераторов. К. Н. Батюшков заимствовал из Маршанжи «Песнь Гаральда Смелого», которая пользовалась большой известностью в России (ее переводили И. Ф. Богданович, Н. М. Карамзин и Н. А. Львов) [2; 370–372], [3; 140], [5].

Оптинцев интересовало влияние литературы на умы соотечественников. Не все русские журналы проповедовали православие, а православные журналы не всегда отстаивали православную веру. См. письмо прп. Макария Константину Зедергольму от 2 января 1859 года: «*Очень жаль, что латинские проповедники, как ты пишешь, проповедуют смело, и конечно одобряют свою веру. А наши русские слушают его. А в нашем Казанском декабрьском журнале (то есть, в “Православном Собеседнике”, журнале Казанской духовной академии) пишут на книгу Авдия Востокова¹⁴, что нам будто не нужно сего делать и дразнить их*»¹⁵. Действительно, в последнем

номере «Православного Собеседника» за 1858 год была опубликована статья «*Нечто о современном отношении Римской Церкви к Православной*»¹⁶, в которой автор, архимандрит Иоанн (Соколов), бывший в то время редактором «Православного Собеседника», высказал сомнения в целесообразности огульного обвинения католицизма, критически разбирая книгу Авдия Востокова «Об отношении Римской Церкви к другим христианским Церквям и ко всему человеческому роду» (Санкт-Петербург, 1857). К сожалению, как видим, и монашествующие не всегда были единомышленниками в вопросах веры.

В письме от 24 января 1859 года прп. Макарий продолжает беседовать с К. Зедергольмом об этой книге: «*Хорошо изъяснено в книге Востокова против того мнения, что будто бы по всей вселенной римская вера распространилась, и будто потому она истинная, как они распространяют о сем слух громкими возгласами журналистов*»¹⁷.

Старец обращал особое внимание на православную позицию российского дипломата Василия Сергеевича Неклюдова: «*Записка Г. Неклюдова основательно написана, весьма справедливо его мнение, чтобы не ослаблять греческого духовенства; а стараться оное по возможности освободить от тяжкого угнетения турков*»¹⁸. В середине XIX века России предстояло определить приоритеты и способы мирного проникновения на Восток. Один из вариантов обсуждавшейся новой концепции предложил В. С. Неклюдов, сотрудник российского посольства в Афинах. Главная мысль его аналитической записки 1858 года состояла в том, что настоящее призвание России, самим Промыслом ей предназначенное во всемирной политике, — это освобождение православных христиан Востока от турецкого ига. Красной нитью проходит через всю записку идея дружеских, братских отношений с греческим высшим духовенством. «*Не Русскою Церковью мы должны явиться на Востоке, но членами единой Восточной Православной Церкви. Мы владыки у себя, но на Востоке должны быть братьями тамошних владык, помогать им и возвышать их в своих собственных глазах, а особенно в глазах тамошних народонаселений, вселять в них полное к нам доверие*» [13; 103]. Вопреки мнению МИД, в записке Неклюдова впервые было напрямую сказано о неуместности русского епископата в Иерусалиме.

Также прп. Макарий положительно отмечает труды писателя А. Н. Муравьева, чьи сочинения стали первыми на русском языке книгами духовного содержания, получившими распространение в среде высшего общества. Речь идет о книгах «Правда вселенской Церкви о Римской и прочих патриарших кафедрах» (СПб., 1841 (то же: 1849)) и «Римские письма» (СПб.: 3 отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1846 (то же: 1847)).

Об увлечении русских журналистов католицизмом старец рассуждает в письме Антонию

Бочкову от 20 февраля 1859 года: «Если сравнить прошедшее с нынешним временем: не только Грецию, угнетенную игом мусульман, оболыщает католицизм, но и наша свободная Россия в некоторых своих членах увлекается туда; и католицизм пролезает тайно и явно к нам: просвещенные и напитанные западным духом люди, не токмо равнодушны к своей Матери православной Церкви, но некоторые даже и предпочитают папство»¹⁹. Также он сообщал Константину Зедергольму в письме от 29 ноября 1858 года: «...пишешь, что в Петербурге есть много благонамеренных людей, которые желали бы выказать противодействие настоящему журнальному кощунству, и спрашиваешь нашего мнения, как в таком случае лучше действовать, официально или литературно, в книжках или журналах, и чем преимущественно? Наше мнение, если будет возможно, то нужно действовать всеми сими способами <...> Прилично бы было, кажется, составить из сего 2-й отдел журнала: "Народное чтение", и писать слогом, сообразным с материею, а не мужицким; но тут с другой стороны опасность: как бы не повредить простой народ ядом неверия, выставляя на вид разные вольнодумства»²⁰; и к нему же, в письме от 24 января 1859 года: «Удивительно, как умные люди, как Г. Пут, бывши православным христианином, не знает правды своей Церкви?»²¹; «Как жаль, что наши русские увлекаются в чуждую веру; да еще восстают на свою Церковь: вот плоды иезуитского воспитания и проповеди папских агентов»²².

Прп. Макарий советовал К. Зедергольму: «Вам лучше участвовать в журнале "Русская беседа", потому что направление его должно быть православное, а "Русского вестника" иное»²³. В 1858 году в двух московских журналах, «Русском вестнике» (№ 4, 6, 9) и «Русской беседе» (кн. 2), появились статьи²⁴ с резкой критикой поведения греческого духовенства, игнорировавшего рост самосознания болгарского общества. Автором этих статей был болгарин Х. К. Даскалов²⁵. После объяснений с министром народного просвещения Е. П. Ковалевским обер-прокурор Синода А. П. Толстой считал необходимым обязать «Русский вестник» и «Московские ведомости», как газету с широким кругом подписчиков, напечатать ответ на публикации Даскалова, не сопровождая его никакими возражениями. Ознакомившись с присланной графом 18 июля анонимной²⁶ ответной статьей «Ответ "Русскому вестнику" по болгарским делам», редактор «Русского вестника» М. Н. Катков наотрез отказался помещать ее в своем журнале. В отзыве Московскому цензурному комитету от 31 июля 1858 года он дал подробный и весьма резкий разбор присланного сочинения. «Мы, не обинюясь, скажем, – писал Катков, – что доклад этот недобросовестен; этого мало: он представляет следы образа мыслей, осуждаемого Православною Церковью». 19 августа 1858 года обер-прокурор поручил

составить возражение на записку М. Н. Каткова не Т. И. Филиппову, находившемуся с середины июля с молодой женой в Ржеве, а К. К. Зедергольму [1; 18–20], и таким образом состоялся ответ «Русскому вестнику» по болгарским делам.

В Оптину Пустынь в поисках духовного пути и душевного равновесия приезжали русские литераторы, с которыми прп. Макарий общался, в том числе на предмет роли литературы в жизни общества. Из писем старца известно, что в Оптиной побывали следующие литераторы: Алексей Бочков, Александр Башуцкий, Николай Гоголь, Андрей Муравьев, Степан Шевырев: «...посетил нас почтеннейший Степан Дмитриевич Шевырев <...> мы говорим о литературе»²⁷. «А. Н. Муравьев <...> сделал нам предложение заняться описанием жизней современных российских подвижников, проходивших духовную жизнь в наших российских обителях»²⁸.

Менее известен Александр Павлович Башуцкий, адъютант графа Милорадовича, действительный статский советник, православный писатель и издатель. В историю литературы Башуцкий вошел как инициатор и составитель альманаха «Наши, списанные с натуры русскими»²⁹, среди авторов которого, помимо самого Башуцкого, были В. И. Даль, В. В. Львов, Г. Ф. Квитко-Основьяненко и др. Башуцкий замыслил альманах как издание, в котором «должны выразиться мы, с нашим общественным устройством, с нашим бытом, характером... с нашими качествами и недостатками». Это был первый опыт «натуральной школы» или, по выражению А. А. Григорьева, «сентиментального натурализма». В 30–40-е годы Башуцкий издает еще несколько журналов, еженедельник «Иллюстрация», но терпит финансовый крах. С 1850 года начинается новый этап в жизни блистательного гвардейского офицера, дослужившегося до генеральского чина действительного статского советника. Башуцкий уходит послушником в монастырь: пребывает в Сергиевском монастыре, Оптиной Пустыни, Киево-Печерской лавре и в других обителях, посвятив свою жизнь религиозным и церковным интересам [10; 383].

Еще один литератор, игумен Антоний (в миру Алексей Поликарпович Бочков; 1803–1872), знакомый с А. С. Пушкиным и Н. В. Гоголем, не оставивший писательского поприща и после монашеского пострига, был частым гостем Оптиной Пустыни, а в 1838 году – ее насельником [4; 208–210], [6; 237–269], [10; 70–71, 103, 648–652], [11; 29], [12; 322–323]. О нем прп. Макарий отмечал следующее: «Отец Антоний довольно сведущ о делах настоящего времени – занимается журналистикою»³⁰.

Антоний (Бочков) читал практически все русские журналы, а также выписывал много иностранных. Прочитанным он часто делился с прп. Макарием: «Уже теперь греческие французы владеют умами образованных греков; молдо-

во-валахские французы любезнее боярам, нежели мы, русские; и везде, с модами и университетами водружают знамя безверия. Вместе с безверием и мифологиею самых последних времен в противоположность идет католическое духовенство и завладевает средними слоями: во многих древле-православных местах уже место греко-католиков, армян-католиков, ливанских и арабских католических. Все это поддерживается иезуитами и их журналами, неумолимо печатающими свои мистические неправды; поддерживается и политикою»³¹.

Не все монахи были такими образованными, как Антоний (Бочков), а также «охота к чтению отеческих книг начала истребляться в монахах», отчего пропадало побуждение к деятельной иноческой жизни, а это влекло за собой и негативное отношение к монашеству, которое попадало и в журнальные статьи. См. письмо прп. Макария свт. Игнатия (Брянчанинову) от 5 июля 1860 года: «... в религиозных журналах нынешнего времени, проявляется что-то такое невыгодное о жизни монашества. А о других литературных изданиях нечего и говорить! И все это разливается по всему христианскому миру, который не смотрит на свои слабости, а зорко взирает на монашеские и малые недостатки»³².

Об ослаблении веры среди монашествующих старец писал московскому митрополиту Филарету 30 мая 1859 года: «Особо в настоящее бедственное наше время умножается или неверие или равнодушие к вере или уклонение в западную веру. Журналы и книжечки такого рода ненаказанно распространяются; воспитание детей в руках иностранцев и иноверцев, юные сердца наполняются чуждыми учениями и многие возрастают совсем не православными христианами. От этого страдает Церковь и Отечество, сколько ни стараются ревнители о благочестии противостоять и обличать восстающих на церковь, они стараются не только отвергать нас, но и опровергать своими критиками и ложными доводами»³³.

Также см. письмо прп. Макария Сергию (Ляпидевскому)³⁴ от 17 мая 1860 года: «Горестно слышать, что и во Святителище наук, где приготавливаются будущие наставники и пастыри Христова стада, проникает светская вольная литература заражающая сердца юных воспитанников, не ко благу, а к упадку нравственности <...> Надобно не допускать заражаться юным сердцам журнальною вольною литературою, внушать им вред оной, а пользу авторитета Св. Отцов, и на какой конец они приготавливаются, не взирая на клеветы ложные и пустые»³⁵. И его же письмо писателю, цензору Н. В. Елагину³⁶ от 17 мая 1860 года: «...нынче так много восстают, на мать нашу Церковь, чада, возрожденные Ею Св. крещением и воспитанные млеко православного учения; оставя оное и заразивши-

еся духом западного вольномыслия. Журнальная гласность с вольномыслием разливается как зараза в члены почти всех сословий; а особо юное поколение образованное, быстро стремится путем цивилизации и прогресса, и само не знает куда и к какой цели»³⁷.

В Оптиной Пустыни следили за новыми иностранными публикациями. Прп. Макарий в переписке с К. Зедеггольмом³⁸ упоминает об издании творений св. отцов церкви и церковных писателей в двух сериях, латинской и греческой («Patrologiae cursus completus». Series latina 1844–56), которое предпринял Минь³⁹. Упоминает он и о книге В. А. Левисона⁴⁰ «Иерусалимские Письма» (СПб., 1858). И еще об одной книге идет речь в письме от 10 ноября 1858 года⁴¹. Автобиографический роман Томаса де Квинси⁴² о склонности к опиуму и алкоголю «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» («Confessions of an English Opium-Eater») в России издавался в 1834 году (под именем Мэтьюрина). Книга была достаточно популярна в литературных кругах. Считается, что она повлияла на поэтику Гоголя и Достоевского. «Порок и нищета склонны, повинувшись природному стремлению, избегать взоров общества, они предпочитают замкнутость и одиночество», но уже в середине XIX века порок потерял стыдливость: рестораны, дома призрения, трактиры, опиумные лавки располагались в центре столичных городов России, и это не могло не тревожить русское монашество.

Монашествующих тревожило возросшее число атеистов. Антоний (Бочков) в одном из своих писем прп. Макарию от 6 апреля 1855 года писал: «Европа нашего времени, и ее общество <...> общество разделено на два главных разряда: верующих и мало-верующих. Во главе первых – монахи католические, многие из знатных особ во Франции, Англии, Италии и Германии, многие богачи и художники. Они называются нео-католиками или ново-католиками. <...> Мало-верующие (христиане по крещению и названию) также и во Франции и в Англии, наиболее в Германии, идут <...> к совершенному неверию, к религии своего ума и своего выбора и вкуса. А в общественной жизни хотят возглавить какое-то свободное общество; низвергнуть все нынешние власти и подпору их – религию <...> И теперь колеблется между этими крайностями образовавшийся мир. Колеблется между суеверием и безверием»⁴³.

Ослабление веры, падение нравов отражалось в литературных журналах и, в свою очередь, негативно влияло на подрастающие умы. Возможно, в силу этого отличительной чертой монастыря в данный период являлась тесная связь с окружающим миром, которая проявлялась в деятельности оптинских старцев, массовых паломничествах в Оптину, а также в ее контактах со многими крупными писателями, поэтами, философами.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-04-00132.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1861. С. 231–232.
- ² Зеньковский В., прот. История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 232.
- ³ Иоанн (Малиновский), иеросхимонах (1763–1849).
- ⁴ Антоний (Бочков), игумен (1803–1872), духовный писатель, игумен.
- ⁵ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 76. Ед. хр. 13. Л. 47.
- ⁶ Леонид (Кавелин), архимандрит (1822–1891).
- ⁷ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 105–108. Цитаты даются с указанием рукописных источников. Но следует отметить, что большинство писем вошло в наше двухтомное издание: Собрание писем преподобного Макария Оптинского к мирским особам: В 2 т. / Сост. С. О. Захарченко; Вступ. ст. и коммент. С. О. Захарченко. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010–2011. А также переписка Константина Зедергольма с Макарием Оптинским (1857–1859), издана Г. В. Бежанидзе отдельной книгой (М.: Изд-во ПСТГУ, 2013).
- ⁸ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 123.
- ⁹ Оскар Егер. Критический обзор книги царствования Людовика XIV // Маяк. 1845. Т. X. Кн. 21. Гл. 1.
- ¹⁰ Кульжинский И. Очная ставка русским обычаем, православным и заморским, старым и новым // Маяк. 1843. Т. XI.
- ¹¹ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 76. Ед. хр. 13. Л. 32.
- ¹² НИОР РГБ. Ф. 213. К. 76. Ед. хр. 13. Л. 32 об.
- ¹³ Маршанжи Луи-Антуан (1782–1826), французский судебный деятель и литератор.
- ¹⁴ Под псевдонимом Авдий Востоков писал известный духовный писатель, богослов и иконописец преосвященный Анатолий (Мартыновский), епископ Могилевский и Мстиславский (1793–1872).
- ¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 123.
- ¹⁶ Православный Собеседник. 1858. Ч. III. С. 413–439.
- ¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 127–128 об.
- ¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 89–89 об., 90, 91; Ф. 188. К. 11. Ед. хр. 5. Л. 98.
- ¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 76. Ед. хр. 13. Л. 47.
- ²⁰ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 117–120 об.
- ²¹ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 125–126 об.
- ²² НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 127–128 об.
- ²³ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 23–24 об.
- ²⁴ Даскалов Х. К. Возрождение болгар, или Реакция в Европейской Турции. Статья первая // Русская беседа. 1858. Кн. II. С. 1–64. Вторую статью Даскалов опубликовал под названием «Турецкие дела» в «Русском вестнике» (1858. Т. XIII. Февраль. Кн. 2. Отд. «Современная летопись». С. 245–265; Т. XIV. Март. Кн. 1. С. 35–53; Т. XV. Апрель. Кн. 1. С. 33–51; подпись: Д.).
- ²⁵ Даскалов Христо К. (ок. 1820 – после 1861), болгарский врач, публицист и переводчик.
- ²⁶ Автор Т. И. Филиппов был известен графу, но он намеренно не указал его.
- ²⁷ НИОР РГАЛИ. Ф. 236. К. 1. Ед. хр. 90. Л. 8–9.
- ²⁸ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 79. Ед. хр. 07. Л. 59–59 об.
- ²⁹ Вып. 1–14. СПб., 1841–1842.
- ³⁰ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 125–126 об.
- ³¹ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 80. Ед. хр. 06. Л. 84.
- ³² НИОР РГБ. Ф. 213. К. 38. Ед. хр. 09. Л. 8.
- ³³ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 38. Ед. хр. 09. Л. 8.
- ³⁴ Сергей (в миру Николай Яковлевич Ляпидевский, 1820–1898) – духовный писатель; сын протоиерея, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры священноархимандрит (с 1893 года).
- ³⁵ НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 388. Л. 44 об.–46.
- ³⁶ Николай Васильевич Елагин (1817–1891), писатель и цензор.
- ³⁷ НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 388. Л. 42 об.–43.
- ³⁸ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 93–93 об.
- ³⁹ Жак-Поль Минь (1800–1875), французский аббат, профессор в шагоденском (Chateaudun) коллегиуме, потом приходский священник орлеанской епархии.
- ⁴⁰ Левисон Василий Андреевич (1807–1869), православный гебраист, участник синодального перевода Библии.
- ⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 113–113 об.
- ⁴² Томас де Квинси (16.08.1785–08.12.1859), английский писатель, один из крупнейших поэтов конца XVIII – первой половины XIX века.
- ⁴³ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 80. Ед. хр. 06. Л. 101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева С. И. Материалы по истории русской православной церкви в архивном наследии Т. И. Филиппова // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 7–31.
2. Батюшков К. Н. Письмо Вяземскому П. А., [февраль 1816 г. Москва] // Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. Т. 3. СПб., 1886. С. 370–372.
3. Беранже П. -Ж. Песни. М.: Худ. лит., 1976. 543 с.
4. Воспоминания архимандрита Пимена. М., 1877. 426 с.
5. Готье Т. Путешествие в Россию. М.: Мысль, 1988. 398 с.
6. Исаков С. Г. Забытый литератор А. П. Бочков и его связи с Оптиной пустыней // Оптина пустынь. Монастырь и русская культура. М., 1993. С. 237–269.
7. Запальский Г. М. Оптина пустынь и ее воспитанники (1825–1917 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 416 с.
8. Каширина В. В. Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006. 512 с.

9. Концевич И. М. Оптина Пустынь и ее время / Перепечатка с изд. Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), 1970; Перераб. и доп. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2008. 688 с.
10. Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. Т. 1. М., 2008. 704 с.
11. Письма Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского, к Антонию Бочкову, игумену Черемнецкому. М.: Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1875. 30 с.
12. Рейтблат А. И. Бочков Алексей Поликарпович // Русские писатели: Биографический словарь. 1800–1917. Т. 1. М., 1989. С. 322–323.
13. Смирнова И. Ю. Церковно-дипломатические отношения России и Иерусалимского патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 101–108.

Zakharchenko S. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LITERARY PREFERENCES OF OPTINA MONKS

In the course of the XIXth century, which was marked by spiritual schism between the East and the West, all Optina elders acted as educators of the Orthodox faith, conscience of the Russian people. This article discusses literary preferences of Optina monks. The research is based on the epistolary heritage of the elder Macary (Ivanov), namely, the manuscript sources of the nineteenth century kept in the Russian State Library. The monks of Optina were actively involved in the literary process of 1840–1860s. The monks were interested in the views of the Russian and foreign writers, in their faith. During our research it was determined that the following nine literary magazines, published in Russia in the mid-nineteenth century, constituted the main interest of the Optina monks: “The Lighthouse”, “Moskvityanin”, “Illustration”, “The Orthodox Interlocutor”, “Russian Conversation”, “Russian Journal”, “Spiritual Conversation”, “Public Reading”, “The Wanderer”. The role of literature as a key in the dissemination and enhancement of Orthodox views is identified.

Key words: spiritual literature, social and political journalism, Optina elders, St Macary of Optina, epistolary heritage, Russian journals of the 19th century

REFERENCES

1. Alekseeva S. I. Materials on Russian Orthodox Church stories in T. I. Filippov’s archival heritage [Materialy po istorii russkoy pravoslavnoy tserkvi v arkhivnom nasledii T. I. Filippova]. *Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [The PSTGU Bulletin II: History. Russian Orthodox Church history]. 2007. Issue 2 (23). P. 7–31.
2. Batyushkov K. N. Letter to the Vjazemsky P. A., (February, 1816 Moscow) [Pis'mo Vyazemskomu P. A., [fevral' 1816 g. Moskva]]. *Batyushkov K. Sochineniya* [Collected works]. In 3 vol. Vol. 3. St. Petersburg, 1886. P. 370–372.
3. Beranzhe P.-Zh. *Pesni* [Songs]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 543 p.
4. *Vospominaniya arhimandrita Pimena* [Memoirs of archimandrite Pimen]. Moscow, 1877. 426 p.
5. Got'e T. *Puteshestvie v Rossiyu* [A trip to Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 398 p.
6. Isakov S. G. Forgotten writer A. P. Bochkov and his relationship with the Optina Hermitage [Zabytyy literator A. P. Bochkov i ego svyazi s Optinoy pustyn'yu]. *Optina pustyn'. Monastyr' i russkaya kul'tura* [Optina. The monastery and the Russian culture]. Moscow, 1993. P. 237–269.
7. Zapal'skiy G. M. *Optina pustyn' i ee vospitanniki (1825–1917 gg.)* [Optina Hermitage and its students (1825–1917): Phd. hist. sci. diss.]. Moscow, 2007. 416 p.
8. Kashirina V. V. *Literaturnoe nasledie Optinoy Pustyni* [Literary heritage of Optina Hermitage]. Moscow, 2006. 512 p.
9. Kontsevich I. M. *Optina Pustyn' i ee vremya* [Optina Hermitage and its time]. Reprinting with ed. Holy Trinity monastery in Jordanville, NY (USA), 1970, revised and enlarged additional Vvedensky Stavropegial monastery of Optina Pustyn, 2008. 688 p.
10. *Letopis' skita vo imya svyatogo Ioanna Predtechi i Krestitelya Gospodnya, nakhodyashchegosya pri Kozel'skoy Vvedenskoj Optinoy pustyni* [The monastery chronicles the of John the Baptist monastery at Optina Pustyn in Kozelsk]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, 2008. 704 p.
11. *Pis'ma Ignatiya Bryanchaninova, episkopa Kavkazskogo i Chernomorskogo, k Antoniyu Bochkovu, igumenu Cheremenetskomu* [Letters of Ignatij Bryanchaninov, the bishop Caucasian and Chernomorsk to Anthony Bochkov, the abbot Cheremenetsky]. Moscow, Society of history and antiquities. M., University Publ., 1875. 30 p.
12. *Reytblat A. I. Bochkov Alexey Polikarpovich* [Bochkov Aleksey Polikarpovich]. *Russkie pisateli: Biograficheskiy slovar'. 1800–1917* [Russian writers: Biographic dictionary. 1800–1917]. Vol. 1. Moscow, 1989. P. 322–323.
13. *Smirnova I. Yu. Church diplomatic relations of Russia and the Jerusalem patriarchy in the first decade after the Crimean war* [Tserkovno-diplomaticheskie otnosheniya Rossii i Ierusalimskogo patriarkhata v pervoe desyatiletie posle Krymskoj vojny]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Messenger of Chelyabinsk State University]. 2009. № 4 (142). History. Issue 29. P. 101–108.

Поступила в редакцию 11.02.2015

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tvp-1979@mail.ru

ЦЕЛИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ДЕРЕВЬЕВ В ЛЕЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ КАРЕЛ (ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ МАТЕРИАЛА)*

Среди традиционных способов карельской народной медицины фитотерапия занимала ведущее место. Карелы, как и другие прибалтийско-финские народы, обладали накопленным и проверенным веками опытом по сбору, заготовке и употреблению лечебных трав. Набор лекарственных трав был связан, в первую очередь, с местной флорой, условиями жизни населения и видами болезней. Познание целебных свойств растений давало людям возможность применять их в качестве лекарств при самых различных заболеваниях. В статье впервые рассматривается вопрос об использовании различных частей деревьев (кора, листья, ветки, цветки, почки, ягоды, сережки), а также смолы, мезги, живицы и сока в лечебной практике карел.

Ключевые слова: карельская традиционная культура, траволечение, магический ритуал, лечебные обряды, верования карел

В данном исследовании мы обратимся к одному из самых древних способов народной медицины – фитотерапии. Флоролечение у карел еще не являлось объектом специального исследования, существуют лишь отдельные сведения по данной проблематике (см., например, [1], [3], [9]). Между тем данная тема представляет собой значительный интерес и важность не только с точки зрения народных медицинских знаний, которые всегда применялись в практике современного лечения. Она актуальна и потому, что ассортимент растительных средств может отражать этническое своеобразие народа, единство культуры и ее локальное своеобразие. Актуальными являются также проблемы адаптации этноса к окружающей природной среде, соотношение мифологического и рационального. Настоящая статья представляет собой лишь первую попытку приблизиться к данным проблемам. Предметом нашего исследования будут деревья.

При написании статьи мы использовали, в первую очередь, полевые материалы автора, собранные в Пряжинском районе проживания карел в 2004–2014 годах, образцы карельской речи и словари карельского языка. Исходя из собранного материала, можно констатировать, что карелы используют около 70 видов лекарственных растений. Рассмотрим теперь, какое место среди них занимают деревья. Для этого весь собранный материал по деревьям для наглядности мы объединили в таблице.

Береза. Приоритет в народной медицине всех групп карел безусловно принадлежал березе. Настойку из почек березы ливвиковские (Ведлозеро, Метчелица) (ПМА) и тверские (Васильевское) карелы применяли при зубной боли, порезах, ожо-

гах и ранах [6; 147]. Держанские карелы (Семновское, Новое) втирали настойку в болезненные участки тела при ревматизме. Лекарство заготавливали еще весной: собирали липкие и ароматные почки березы, до того как они распустились, и настаивали на вине в течение одного или двух месяцев [9; 226]. Для лечения нарывов в такую настойку добавляли деревянное масло (низший сорт оливкового масла, которое использовалось ранее в церковных светильниках). Этот способ лечения считался эффективным у всех групп карел.

Имеющий целебные свойства свежий сок березы карелы Пряжинского района (Метчелица, Корбинаволок, Лахта) употребляли внутрь от кашля и чихотки. Собирали его ранней весной из надломленных, надрезанных живых сучьев или стволов берез (ПМА).

В д. Войница от образовавшихся наростов / шишек (симптом рахита) на ножках ребенка избавлялись с помощью отвара из березовых листьев. Ребенка обдавали этим отваром или натирали больные места, затем к суставам прикладывали выпаренные березовые листья¹.

Березовый веник обладал целительной силой. Например, в период сенокоса чаще всего парились березовым веником, который оказывал на кожу, зудящую от комариных укусов, целебное и успокаивающее воздействие [2; 72]. Березовые веники заготавливали в июне после Троицы, когда листья еще не начинают опадать. Для этого выбирали небольшую березу и языком проверяли ее листья: если лист был темный и гладкий, то ветки этого дерева подходили для веника; если же лист – жесткий и шершавый, то не подходили [12; 78].

Дерево	Используемые части	Способ изготовления лекарства	Заболевания	Способ применения	В каких локальных группах применяли
Береза	ветки (ведьмина метла – сильно густые пучки ветвей дерева)	–	хворь от ветра (при симптоме – прыщи) сглаз (у мальчика)	обливание водой обливание водой	Твер. Ливв.
		вымачивание, выпаривание	головная боль простудного характера	мытьё головы	Сев., Ливв.
	кора	высушенная	лишай	обворачивание	Ливв.
		высушенная темно-красная кора, измельченная	обморожение	посыпание	Сев.
		измельченная	кровотечение	посыпание	Ливв.
	листья	отвар	рахит (симптом – шишки на ногах)	обливание, натирание	Сев.
		выпаривание	рахит (симптом – шишки на ногах)	компрессы на суставы	Сев.
	почки	настойка	зубная боль	закапывание в больной зуб	Ливв.
			ревматизм	смазывание	Держ.
	порез, рана, ожог		смазывание	Ливв.	
	настойка с добавлением деревянного масла	нарыв	смазывание	Ливв., Сев., Твер., Тихв., Держ.	
сок	свежий	кашель, чахотка	употребление внутрь	Ливв.	
деготь	–	вши	мытьё головы	Ливв.	
		чесотка	смазывание	Сев., Твер.	
		обноготница (нагноение около ногтя)	смазывание	Тихв.	
		гнойная рана, нагноение	смазывание	Ливв.	
Дуб	кора	отвар	молочница во рту у ребенка	смазывание полости рта	Ливв., Сев.
		свежая	зобная опухоль	компресс	Ливв.
Ель	ветки (ведьмина метла – сильно густые пучки ветвей дерева)	–	ветрянка (у мальчика)	обливание водой	Твер.
	живица / смола	–	нарыв	смазывание	Ливв., Сев., Твер., Тихв., Держ.
			чесотка	смазывание	Сев., Твер.
	труха из-под коры	–	опрелость	посыпание	Сев.
мезга	свежая	потертость, натертость, ссадина	смазывание	Тихв.	
Ива	кора	отвар	желтуха	обмывание	Ливв.
		высушенная	нарыв	покалывание нарыва с произнесением заговора	Сев.
		свежая	порез	компресс	Твер.

Окончание таблицы

Ольха	ветки (ведьмина мет-ла – сильно густые пучки ветвей дерева)	свежие	хворь от ветра (при симптоме – прыщи), ветрянка (у девочки)	обливание водой	Твер.
	сережки	отвар, настойка	расстройство желудка	употребление внутрь	Ливв., Сев., Люд., Твер., Тихв., Держ.
Рябина	ягоды	настойка	головная боль простудного характера простуда	употребление внутрь	Сев., Ливв. Ливв., Сев., Твер., Тихв., Держ., Люд.
				употребление внутрь	
Сирень	цветки	отвар	прыщи	обмывание	Ливв.
		кашица	прыщи	смазывание	Ливв.
Сосна	ветки (ведьмина мет-ла – сильно густые пучки ветвей дерева)	выпаривание в печи	насланная погодой или ветром болезнь	мытьё отваром	Ливв.
			сглаз (у девочки)	обливание водой	Ливв.
	хвоя	настойка	боль в животе головная боль	употребление внутрь	Ливв. Сев.
				компресс на голову	
				отвар	цинга
смола	свежая	чесотка заноза, порез	компресс	Ливв., Тихв. Сев.	
			смазывание смазывание		
Чермуха	ягоды	высушенные	боль в животе	употребление внутрь	Ливв.
	цветки	отвар	конъюнктивит	примочки	Ливв.
	кора	отвар, настойка	расстройство желудка	употребление внутрь	Ливв., Сев., Люд., Твер., Тихв., Держ.
				употребление внутрь	

Кора березы, так же как и листья, в основном использовалась при наружном лечении. При лишае сямозерские карелы обворачивали больное место березовой корой на несколько дней, после чего кору выкидывали на сарай или в дырочку в хлев [10; 273]. Компрессы из дубовой коры были эффективны при лечении зобной опухоли у карел-ливвиков (Корбинаволоок, Лахта) (ПМА), а тверские карелы прикладывали свежую кору к порезам [6; 150]. Измельченная береста (у паданских карел применялась только темно-красная кора) использовалась северными и ливвиковскими карелами в качестве порошка для лечения обморожений и остановки кровотечения².

Ель. Не только еловая кора, но и труха изпод нее, а также мягкий внутренний слой (мезга) обладали целебной силой. Северные карелы (Толлорека) посыпали трухой опрелости [13; 148], а тихвинские (Коргорка) смазывали мезгой наростости и ссадины [5; 317].

Сосна. Из сосновой хвои карелы делали настойки и отвары, а также использовали ее в свежем виде. Ливвиковские карелы пили настойку от боли в животе [7; VI, 529], а карелы Сеgezского района (Кучозеро) заливали мелко накрошенную хвою вином, затем заворачивали ее в тряпку и привязывали к больному месту на голове³. Сямозерские карелы во время чесотки прикладывали свежую хвою к зудящим местам [7; V, 613]. Применение богатого витамином С хвойного отвара отмечается у северных, ливвиковских и людикских карел при лечении цинги⁴.

Сосновая смола, березовый деготь и еловая живица, обладающие хорошим заживляющим действием, использовались в качестве мази для обработки гнойных ран, обноготницы, нарывов и чесотки у северных, тверских, тихвинских, держанских и ливвиковских карел (ПМА) [6; 151], [5; 320], [9; 226], [13; 118]. По сведениям информантов, проживающих в д. Корбинаволоок (Пряжинский район), деготь считался хорошим сред-

ством для выведения вшей. Его втирали в голову или разбавляли в воде и обдавали голову (ПМА). Тихвинские карелы (Коргорка) смазывали смолой застрявшую под кожей занозу, так как сосновая смола обладает хорошим вытягивающим свойством [5; 320].

Ива. Как показывают собранные материалы, кора ивы применялась не только в свежем виде: смазывая полость рта ребенка отваром из дубовой коры, как ливвиковские (Корбинаволоок, Лахта), так и северные (Оуланка) карелы лечили детский стоматит (ПМА), [11; 248]. Пряжинские карелы (Эссойла) отваром из ивовой коры обмывали тело при желтушном окрашивании (ПМА). У некоторых групп отмечалось применение высушенной ивовой коры в лечебных ритуалах с произнесением заговора. Жители д. Оуланка отрывали сухую кору ивы козьей (раkitы) с северной половины дерева, кололи ею фурункулы и при этом говорили:

Kuin tämä on raita kuiva,
niin työkin kuivasitta miun,
ettei yhtään olis.

Как эта раkита сухая,
так и вы высохните,
чтобы ни одного не
было.

[11; 245].

Ольха. Повсеместно у карел при расстройствах желудка употребляли отвары и настойки из ольховых сережек⁵ или коры черемухи⁶ [4; 151], [5; 311].

Черемуха. В народной медицине пряжинских карел прослеживается использование отваров и кашицы из цветков цветущей черемухи. Смоченные в отваре из цветков черемухи марлю, бинт или кусочек мягкой ткани жители деревень Корбинаволоок и Лахта прикладывали к воспаленным глазам (ПМА). Сушеные ягоды черемухи употребляли от боли в животе [8].

Сирень. Отваром из цветков сирени умывали лицо при появлении прыщей. Прыщи выводили также с помощью маски: изготавливали кашицу из цветков сирени и наносили на проблемные участки кожи [8].

Рябина. Плоды рябины широко использовались карелами. Настойка из ягод рябины применялась исключительно при лечении простудных заболеваний [1; 145], [3; 106], [8].

Tuulen kobru. Обратимся теперь к использованию ненормально выгнутых веток некоторых деревьев в магических ритуалах. Согласно верованиям карел, особым целебным средством была наделена *tuulen kobru* (букв. 'горсть ветра'), которая росла на березе, ели и ольхе. Она представляла собой густой веник, состоящий из весьма укороченных, тесно сидящих веточек⁷. В русском языке эквивалентом карельского наименования является 'ведьино помело'. В словаре В. Даля дается следующая трактовка лексеме ведьино помело – болезненный выгон веток

кучкой на дереве или вихревое гнездо. Иная ведьино метла может содержать несколько соцветий крупных и мелких веток. Простые люди, не умея объяснять причину образования странного клубка, придавали ведьино метле магическое значение. У народов Сибири найти такой клубок считалось большой удачей. Его приносили домой и подвешивали как оберег. Карельское наименование *tuulen kobru* указывает на то, что карелы образование таких горстей веток приписывали ветру, который персонифицировался. *Tuulen kobru* использовалось для лечения именно тех болезней, которые были «насланы по ветру» или «приставали от ветра». Тверские карелы красные прыщи на теле (обветривание), которые считались одним из основных симптомов болезни *tuulennenä* (ск., ливв.) 'хворь от ветра', лечили с применением *tuulen kobru*: сквозь ольховое или березовое ведьино помело поливали на больные места [12; 208].

При избавлении от болезни *ilmannenä / seännenä* (букв.: зло погоды), то есть 'насланная погодой или ветром болезнь', важным симптомом которой была головная боль, сямозерские карелы обливались отваром от выпаренного в печи соснового ведьиного помела [7; V, 353]. Как северные, так и южные карелы мыли голову отваром из березового *tuulen kobru* при головных болях простудного характера [3; 106].

Важное значение при лечении некоторых заболеваний у детей придавалось породе дерева, с которого срубали *tuulen kobru*. Для успеха лечения порода дерева должна была соответствовать полу ребенка. Например, ливвиковские карелы для избавления ребенка от сглаза (сглаз могли наслать злые люди по ветру) для мальчиков использовали ведьино помело с березы, а для девочек – с сосны. Для ритуала достаточно было одного пучка ветвей, а вершинок – по крайней мере, девять или трижды по девять. Срывать вершинки надо было с молодых деревьев и так, чтобы дерево от дерева находилось на значительном расстоянии (стоя около одного, чтобы не было видно другого). В бане пучки ветвей и вершинки клали в решето, затем открывали трубу или отверстие, сделанное посередине потолка для выпуска дима (если не было трубы). Ребенка поднимали к этому отверстию и через решето поливали водой с заговорами⁸. Тверские карелы (Воздвиженка) учитывали половые признаки детей при выборе ведьиного помела для лечения ветрянки. Заболевшего ребенка окатывали водой через борону, лопату и ольховое гнездо (девочек) / еловое гнездо (мальчиков), сопровождая эти действия словами заговора: *Aštovalla aštoičen, labijella roičen, leppazella tulen pežolla kylvetän oigien hengen ristikanžan* (Бороною бороною, ло-

патою рою, ольховым ветряным гнездом парю правую душу крещеную)⁹.

Проведенное исследование показало, что деревья имеют достаточно широкий спектр применения в медицинской практике всех групп карел. В лечебных целях применялись такие породы деревьев, как береза, ель, сосна, ива, ольха, рябина, черемуха, сирень. Однако диапазон их использования различался. Самый большой диапазон был у березы. В лечебных целях карелы использовали кору, почки, листья и ветки бере-

зы. Незначительный охват наблюдается у ольхи. Широкое употребление имела кора деревьев, которая использовалась в основном для лечения наружных болезней. Следует заметить также, что применение различных частей деревьев для лечебных целей происходило без совершения ритуала. Исключение составляли ива и *tuulen kobru*. Использование *tuulen kobru* оказалось тесно связанным с мифологическими представлениями карел, причем едиными как для карел Карелии, так и проживающими за ее пределами.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

держ. – держанские карелы
ливв. – ливвиковское наречие карельского языка, ливвиковские карелы
люд. – людиловские карелы
ПМА – полевой материал автора
сев. – северные карелы
ск. – собственно-карельское наречие карельского языка
твер. – тверские карелы
тихв. – тихвинские карелы

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. S. 52.
- ² Повенецкие карелы. Их домашний быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 15. С. 54.
- ³ Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 10–11–12. С. 222.
- ⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 24
- ⁵ Постников В. Знахарство, виды его и борьба с ним в Архангельской губернии // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 5. С. 27.
- ⁶ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 187.
- ⁷ Лесков Н. Viändöydä // Живая старина. 1894. № 3–4. С. 515.
- ⁸ Из быта и верований карел Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 75. С. 788.
- ⁹ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. V. Вып. 2. Л., 1925. С. 611–630.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карелы Карельской АССР / Ин-т яз., лит. и истории Карел. филиала АН СССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.
2. Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Бани в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. С. 68–86.
3. Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и “иррациональное” в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 103–121.
4. Новак И. П. Полевые аудиозаписи А. В. Пунжиной как источник информации о повседневной жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в. // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы / Сост. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 69–89.
5. Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. 382 с.
6. Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.
7. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. SUS. V, VI. 1997, 2005. 634 s., 782 s.
8. Mihailova M. Luondon avuttajat // Oma mua. 1996. № 23(285). S. 4.
9. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa / Toim. Laaksonen P., Piela U. Helsinki: SKS, 1983. S. 225–230.
10. Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. 457 s.
11. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SUS, 1971. 388 s.
12. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: WSO, 1961. 271 s.
13. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSO, 1958. 804 s.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TREES' CURATIVE PROPERTIES USED BY KARELIAN POPULATION IN LOCAL MEDICAL PRACTICE (MATERIALS' REVIEW)

Herbal medicine was one of the leading medical practices employed by the local Karelian population for medicinal treatment. Karels, as other Baltic-Finnish peoples, had accumulated a vast experience, proven by centuries, in collection, preparation and use of me-

dicinal herbs. A set of herbs employed for medical treatment was associated primarily with the local flora, the living conditions of the population, and the types of the diseases. The knowledge of the plants' healing properties provided the people with an opportunity to use them in treatment of various diseases. The article is concerned with the use of various parts of the tree (bark, leaves, twigs, flowers, buds, berries, and earrings), resin, pulp, and tree juice by Karelian population for medicinal purposes.

Key words: Karelian traditional culture, herbalism, magic ritual, healing rituals, beliefs Karelian

REFERENCES

1. *Karely Karel'skoy ASSR* [Karels of Karelian ASSR]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1983. 288 p.
2. Nikol'skaya R. F., Surkhasko Yu. Yu. *Banya v semeynom bytu karel* [Sauna in the family life of Karelian population]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii*. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. P. 68–86.
3. Nikol'skaya R. F., Surkhasko Yu. Yu. About Karelian folk medicine: rational and “irrational” in traditional doctoring [O karel'skoy narodnoy meditsine: ratsional'noe i "irratsional'noe" v traditsionnom vrachevanii]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii*. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994. P. 103–121.
4. Novak I. P. Field record A. V. Punzhina as a source of information about the daily life of Tver Karelian family of the late XIX – early XX century [Polevye audiozapisi A. V. Punzhinoy kak istochnik informatsii o povsednevnoy zhizni tverskoy karel'skoy sem'i kontsa XIX – nachala XX v.]. *Kul'tura povsednevnoy karel'skoy sem'i (konets XIX – pervaya tret' XX v.). Issledovaniya. Materialy. Dokumenty* / Comp. O. P. Ilyuha. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. P. 69–89.
5. *Obraztsy karel'skoy rechi* [Samples of Karelian speech] / Comp. V. D. Ryagoev. Leningrad, Publishing House of Science, 1980. 382 p.
6. *Slushayu karel'skiy govor* [Listen of Karelian speech] / Comp. A. V. Punzhina. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 208 p.
7. *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. SUS. V, VI. 1997, 2005. 634 s., 782 s.
8. Mihailova M. Luondon avuttajat // *Oma mua*. 1996. № 23(285). S. 4.
9. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // *Kansa parantaa / Toim.* Laaksonen P., Piela U. Helsinki: SKS, 1983. S. 225–230.
10. Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. 457 s.
11. Pentikäinen J. *Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus)*. Helsinki: SUS, 1971. 388 s.
12. Virtaranta P. *Tverin karjalaisten entistä elämää*. Porvoo; Helsinki: WSO, 1961. 271 s.
13. Virtaranta P. *Vienan kansa muistelee*. Porvoo; Helsinki: WSO, 1958. 804 s.

Поступила в редакцию 10.06.2015

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

ОСТРОВ-МУЗЕЙ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСТРОВА КИЖИ*

Статья посвящена музейным мотивам, составляющим характерную особенность кижских сюжетов русской литературы. Музейный статус острова выделяет Кижь в ряду других островных топосов – как вымышленных (Утопия, остров Буян, острова блаженных), так и реально существующих. В художественные тексты об острове проникают музейные реалии (пространство музея, экскурсия, образы хранителей и посетителей). Рассматривается их семантика и роль в сюжетах художественных текстов, а также особенности их репрезентации. Исследование базируется на материале русской прозы о Кижях периода 1930–2000-х годов.

Ключевые слова: мотив, поэтика, реалии, островной текст

Среди исследований, дающих представление о том, как отражены в художественных текстах самые разные явления человеческого и природного мира, трудно найти специальные работы, которые освещали бы особенности поэтической (в широком смысле) репрезентации музея как культурного феномена и как места. Может возникнуть впечатление, что словесность обходит стороной музеи и их жизнь. Но это не так. Образ музея регулярно встречается в русской литературе, начиная как минимум с «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. В романе И. С. Тургенева «Накануне» Елена с Инсаровым смотрят картины в венецианской галерее искусств; в очерке Г. Успенского «Выпрямила» герой оказывается в парижском Лувре; в детском стихотворении С. Михалкова сестра ведет мальчика в Исторический музей; в музее-усадебке разворачивается действие рассказа М. Булгакова «Ханский огонь»; в этом же ряду «Заповедник» С. Довлатова и т. д. Интерес к многогранным отношениям литературы и музея оживился, кажется, только в самые последние годы и сразу приобрел междисциплинарный характер. В отдельных случаях к осмыслению привлекается и материал художественной литературы. Например, в научном сборнике «Музей и личность», вышедшем в 2007 году под редакцией А. Лебедева, заключительный раздел отдан художественным текстам, в которых возникает образ и тема музея (Гете, Цветаева, Набоков, Пелевин) [9; 138–168]. Выборка авторов и произведений в нем может быть подвержена критике, явно не претендует на исчерпывающий характер и может быть в дальнейшем значительно дополнена.

Один из интересных примеров проникновения в художественную литературу музейных мотивов дает остров Кижь, а точнее его литературная репрезентация, в которой большую роль

играет тема исторической и культурной памяти. Эта тема, как и вся современная история острова, тесно связана с историей кижского музея-заповедника деревянного зодчества. До начала XX столетия Кижь был малоизвестным островком, затерянным «далеко на Севере»¹. Затем совершилось его открытие художниками, приезжавшими писать с природы уникальный Кижский погост. В 1920–30-е годы образ острова Кижь появляется в русской литературе в поэмах Н. Клюева и в прозе К. Паустовского. Однако до конца 1950-х годов эти обращения в словесных текстах носили дискретный, точечный, необязательный характер. Например, в травелогах начала XX века упоминание о Кижях гораздо менее обязательно, нежели посещение воспетого Державиным водопада Кивач. Этапной в формировании кижского текста стала организация в 1950-е годы государственного музея-заповедника деревянного зодчества. В этот период на острове начинается реставрация Преображенской церкви. С середины 1950-х годов сюда приезжают первые туристы: «В 1955 Кижский архитектурный заповедник официально принял первых посетителей. В штате появилась должность экскурсовода, а для обеспечения порядка были выделены два дежурных милиционера. Экскурсанты прибывали на остров на пароходе, швартовавшемся к причалу прямо напротив архитектурного ансамбля. Кижский погост стал экскурсионно-туристическим центром, представляющим культурно-просветительский и научный интерес» [8; 17]. Параллельно с этим в печати 1960–70-х годов появляются десятки стихотворений, рассказов и повестей, связанных с Кижями. Этот период – время активного формирования мифа об острове как о некоем идиллическом пространстве, куда литературные герои отправляются за гармонией, которой часто не могут найти в современности [14; 78–79].

Хотя основы мифа о Кижях закладываются гораздо раньше, еще в фольклорных источниках, в частности в заонежских исторических преданиях об острове, «Плаче о старосте», записанном Е. Барсовым от Ирины Федосовой [1, 231–236], [6; 45–46, 179].

Начиная с 1960-х годов в текстах, вдохновленных островом Кижь, появляются музейные мотивы, отражающие особенности места, его реалии и колорит. Вот, например, описание кижского ландшафта в рассказе советской писательницы И. Стрелковой «Лешка и хиппи»: «В болотистой низинке, где для экскурсантов перекинули дощатые мостки, выкашивала свой участок бабушкина подружка баба Маня. Все копны сена, красиво разбросанные по острову, были не музейные, не для исторической картины, а простое сено личного скота работников заповедника» [13; 32]. То и дело в рассказе попадаются детали, относящиеся к жизни музея-заповедника под открытым небом, центр которого – Кижский Погост с его храмами: «И в это самое время из собора вышли туристы, заиграли на солнце стекла очков, окуляры биноклей, кинокамер, фотоаппаратов. За туристами – вот удача! – показался Толя-экскурсовод» [13; 33]. Жизнь музея, его территория не выделены автором в отдельную тему. В рассказе И. Стрелковой, как и в большинстве произведений об острове, музейные мотивы лишь часть общей пространственной картины. Особенно заметны они в прозе, где пространство и время представлены развернуто, а повествование не сковано лирическим стремлением к концентрации на «миге» (по Т. Сильман). В лирических текстах о Кижях музейных мотивов гораздо меньше. Тема исторической памяти звучит в них, пожалуй, с той же интенсивностью, однако получает иные способы реализации. Это различие в структуре прозаических и поэтических сюжетов о Кижях заслуживает отдельного рассмотрения. В настоящей статье мы остановимся только на эксплицитных музейных мотивах кижской прозы.

Интенсивнее и разнообразнее всего музейные реалии представлены в произведениях тех авторов, чья деятельность была непосредственно связана с музеем Кижь (В. Пулькин, Б. Гущин). В 1973 году в Москве вышел сборник В. Пулькина «Кижские рассказы». Литературно обработанные кижские предания и легенды (по авторскому определению – сказы) перемежаются в нем с рассказами и очерками, в которых разносторонне представлена жизнь острова. В систему персонажей книги наряду с мифологическими и легендарными Нестором, Петром I и аборигенами острова, заонежскими крестьянами и сказителями входят современники автора – экскурсоводы, хранители, реставраторы и музейщики. В авторских отступлениях схвачена островная музейная жизнь. Например, быт музейщика: «Над столом

прикреплен строгий директорский наказ и руководство к действию – “Обязанность ответственного дежурного на острове-музее² «Кижь»”. На столе – свеча и рукописи этих рассказов, книги по истории, географии, фольклористике, этнографии. Сойдя с лыж или поставив лошадь в стойло, я прихожу, топлю печь и, придвинув поближе свечу, читаю свои последние записи, – и статьи о Заонежье, о Кижях давних исследователей» [12; 49]. Такого рода внутренних музейных деталей в кижских текстах немного. Гораздо чаще появляется взгляд на музейный остров извне, и здесь на первый план выходит опыт посетителя музея, впервые шагнувшего на кижскую землю: «...публика нетерпеливо выплескивается на дебаркадер. Сбегают по сходням полосатые пижамы, пестрые куртки с капюшонами и без капюшонов, шумные шуршащие болоньи, молодеватые округлоплечие свитеры... По длинным лавам, высланным на сваях от пристани к берегу, над зеленой стоялой водой, над окосами сходят на островную твердь и с выражением чинного умиления принимаются озирается вокруг.

Рейсовый массовик-затейник велит всем ожидать тут, на берегу, сам же озабоченно и всезнающе бежит в гору в музейную конторку – договариваться насчет экскурсии. От нечего делать публика разбредается по берегу, читает всякие надписи и указатели, разглядывает причаленные туземные лодки или просто смотрит, как плещется усталая озерная волна на дробном береговом камешнике» [11; 238].

Особенности места, в том случае если действие разворачивается не в воображаемом пространстве, а «списано с действительности», как мы видим, получают закономерное отражение в литературно-художественных текстах. Общий миметический принцип подкрепляется в данном случае реалистической направленностью рассматриваемых произведений, социально-психологическим звучанием прозы, в рамках которой возникли и закрепились кижские сюжеты (элементы фольклорной фантастики в некоторых произведениях не отменяют, а лишь дополняют это утверждение).

Музейные образы и мотивы входят в кижские сюжеты, отсылая к обстоятельствам места и времени, обозначая связь между локусом и образом, между местом и символом места. Иногда эта связь позволяет локус в тексте опознать, если он не назван. Так, характерные реалии служат примером топографической конкретики в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева» (1962), навеянном поездкой автора в Карелию и на остров Кижь в 1959 году. Казаков в рассказе прямо нигде не назвал остров. Более того, в соответствии с замыслом широкого символического обобщения он изменил всю топонимику. Но сохранил при этом узнаваемые черты местности – карельские реалии, остров на озере, знаменитую своей ар-

хитектурой церковь, которую едет писать герой рассказа, художник Агеев. В рассказе Казаков дважды называет остров и его строения «музейными». Причем оба раза определение появляется в значимых, «сильных» местах описания. Первое – в эпизоде прибытия героев на остров: «Когда совсем подошли к острову, стала видна ветряная мельница, прекрасная старинная изба, амбарные постройки – все пустое, неподвижное, музейное» [4; 265]. Второе – в момент отъезда возлюбленной героя в финале рассказа: «Агеев повернулся к свету спиной и увидел, как луч прожектора дымно дрожит на прекрасной старой музейной избе» [4; 279].

«Музейный» характер острова при этом получает разную интерпретацию у разных авторов. Неоднозначны коннотации эпитета «музейный» в рассказе Ю. Казакова. Показанный глазами героя-художника, остров по первому впечатлению кажется неприветливым, почти неживым. Определение «музейный» стоит в одном ряду с эпитетами «пустой», «неподвижный». Первый взгляд на остров вызывает в герое «веселую злость» и сарказм, с которым он комментирует свою высадку: «Как раз для меня <...> Как раз, так сказать, на передний край семилетки, а?» [4; 265]. «Веселая злость» – сложное переживание, в котором сочетаются и позитивная, и негативная эмоции. Негативная оценка «музейного» как искусственного, нарочитого, неживого обнаруживается и в отзыве о Кижках Юрия Нагибина в его дневнике 1980 года, где он описывает свое путешествие по маршруту Ленинград – Шлиссельбург – Валаам – Петрозаводск – Киж – Кондопога – Марциальные воды – Архангельск – Новые Карелы – Соловки: «Красивый город Петрозаводск, а Киж разочаровали, уж слишком выставочный у них вид. Врать не стану: впечатление нулевое, хотя главная церковь очень хороша. Но там музей деревянной скульптуры, а рядом рыбный ресторан, пристань, полно туристов, и поэзия убита наповал» [10; 385–386]. Чем убита поэзия? О какой поэзии идет речь? «Ресторан, пристань, туристы» заставляют думать, что речь идет о романтическом дискурсе, где единый семантический ряд связывает поэзию-истину-храм как проявления духовной жизни в противопоставлении «прозе»-фальши-торжищу как атрибутам духовной смерти. Образ музея, как мы видим, может быть окружен отрицательными коннотациями (у Нагибина) или иметь выраженный амбивалентный характер (у Казакова). Амбивалентность «музейного» у Казакова органично вписана в амбивалентную поэтику рассказа вообще. Точно так же противоречив в этом рассказе и главный герой, и все, на что мы смотрим его глазами, и шире – противоречиями живет, может быть, вся, и, совершенно определенно, ранняя проза писателя (см., например, рассказы «Странник», «Нестор и Кир» и т. п.). Неслучай-

но в одном месте рассказа Казакова «музейное» поставлено в один ряд с «неживым», а в другом случае – с «прекрасным»: «...луч прожектора дымно дрожит на прекрасной старой музейной избе». Металитературное, дневниковое высказывание Нагибина более однозначно, оценка здесь выражена более прямолинейно. И возникает она неслучайно. За ней – особая традиция в восприятии музейного пространства.

Неоднозначность, поливалентность образа музея, вариативность его коннотаций, как кажется, заложены в неоднородности исторически сложившихся музейных концепций. Например, «романтической», в рамках которой музей – это универсальное средство обретения «культурного одиночества», отшельничества, «своеобразная культурная Фиваида, где совершается сознательный выбор в пользу одиночества, возникает одиночество намеренное и особым образом организованное» [9; 6]. Или «просветительской» концепции «внесения в массы образования через музей», в рамках которой музейное пространство непреложно связано с массовостью [9; 6]. Контекстная семантика эпитета «музейный» в литературном произведении формируется в столкновении или диалоге авторского сознания с той или иной концепцией музея. Для Казакова и Нагибина приемлемой формой соприкосновения со стариной оказывается первая, романтическая, модель, и все, что от нее отклоняется в сторону публичного, искусственно организованного пространства, все «туристическое» вызывает отторжение. Вполне характерно, что «главная» Преображенская церковь оценена Нагибиным как подлинная, и она «очень хороша», а все организованное туристическое пространство отвергнуто – «впечатление нулевое». Следы антиномии «музейное» vs «живое» обнаруживаются во многих кижских сюжетах, иногда в имплицитном виде, как, например, в цитированном выше описании кижского ландшафта у И. Стрелковой, где неслучайно подчеркнута, что «копны сена, красиво разбросанные по острову, были не музейные, не для исторической картины». Киж здесь – живое пространство, где рядом с погостом и музейными избами стоят деревни, ведут свое хозяйство местные жители, идет своим чередом заонежская жизнь.

«Остров-музей» может восприниматься, таким образом, как пространство живое или мертвое, подлинное или имитированное. Влияют на это, вероятно, многие причины. К сожалению, далеко не всегда нам известны обстоятельства знакомства того или иного автора с островом, его реальное впечатление от места. Но в тех случаях, когда эти обстоятельства нам известны, можно, как кажется, говорить об определенной закономерности, связанной не в последнюю очередь с тем, насколько глубоко удалось автору соприкоснуться с островной жизнью. В этом смысле зако-

номерной выглядит критическая оценка Нагибина, попавшего на остров в ходе ознакомительной поездки в самый пик туристического сезона (вся одиннадцатидневная поездка пришлась на конец июня – начало июля), мимоходом. Гораздо сложнее и богаче были впечатления Казакова, попавшего, как мы знаем из его писем В. Конецкому, на остров совсем при других обстоятельствах, в сентябре, когда постепенно иссякает поток туристов, и имевшего возможность соприкоснуться на десять дней с подлинной островной жизнью, питаясь «рыбой, молоком и картошкой» и, конечно, живыми северными впечатлениями, которых Казаков в этой поездке искал [7; 352]. И в «Адаме и Еве» это обстоятельство аутентичного, «нетуристического» знакомства с островом акцентировано автором: «Никто не сошел на этом островке, кроме них двоих. И никого не было на деревянной открытой пристани, одна сторожиха с зажженным фонарем, хоть было еще светло <...> На берегу показала женщина в ватнике и сапогах, она еще издала заулыбалась. – Только двое? – весело крикнула она и заспешила навстречу, переводя взгляд с Агеева на Вику. А когда подошла, взяла чемодан у Вики и заговорила – показалось, что она давно ждала их. – Вот и славу богу, – быстро и ласково говорила она, поднимаясь вверх по берегу. – А я уж думала, никого в этом году не будет, все кончилось. Зимовать собралась...» [4; 265].

Видимо, неслучайно как наиболее живое и подлинное пространство заповедного острова показано в «Кижских рассказах» В. Пулькина, уроженца Заонежья, работавшего в музее, жившего на острове многие месяцы и зимой, и летом, знавшего Кижь с самых разных сторон, собиравшего легенды, предания и сюжеты, связанные с этим местом, и стремившегося познакомить своего читателя с этой внутренней жизнью острова, не всегда доступной музейному посетителю. Прикоснуться к скрытой от большого мира жизни можно через длительное пребывание на острове, родственное скорее отшельничеству, нежели туристической прогулке. Чаще всего оно осеннее или зимнее – поздней осенью, уже по окончании туристического сезона прибывает на остров герой рассказа «Адам и Ева»; «зимовщик-пустынником» называет себя музейщик в сказе «Мастер Нестер» [12; 73]. Впрочем, такое пребывание может быть и летнее: «Ведь это страсть, сколько народищцу к нам в Кижь наезжает! <...> Которы на барже-дебаркадере устроятся – так обрадеют, что уж до победного конца живут – весь свой отпуск препровождают в Кижях!» [12; 18].

Укажем на другой аспект функционирования музейных мотивов – их место в структуре сюжета. Наряду с пространственными деталями (реалии и быт острова-заповедника), персонажами (туристы, экскурсоводы) в ткань кижской

прозы проникают тематически связанные мотивы. Самый яркий пример – мотив экскурсии, который с обращающей на себя внимание частотностью обнаруживается в прозаических художественных и очерковых текстах о Кижях. В эксплицитной форме такие эпизоды неоднократно встречаются в «Кижских рассказах» В. Пулькина. Например, в «Венчальном камне» рассказ ведет старая заонежанка, которая добирается до места с туристической кометой и попутно слушает радиоэкскурсию для туристов: «Тут маленький коробок висит. Заскворчало что-то в нем да ее (молодой спутницы. – Н. Ш.) голосом и заговорило. Все как есть про ближние острова Ивановские, да про Онего-озеро, про Кижь. У меня чай стынет, я сижу, слушаю» [12; 20]. Музейный статус острова сообщает мотиву экскурсии настолько важное структурное значение, что трудно найти прозаический текст, где бы этот мотив в той или иной мере не проявился. Это может быть «внешнее» изображение экскурсовода с экскурсантами. Но для кижских сюжетов еще более специфичны включения в текст своего рода исторических справок, родственных текстам экскурсий и путеводителей. Характерный пример того, как реалии острова проникают в художественный текст через мотив экскурсии, мы видим в рассказе А. Житинского «Путевка в Кижь». По сюжету молодая пара сбегает из дому, обманывает домашних, чтобы скрыть свое настоящее местонахождение в городе. Родным сообщают, что герои едут на остров Кижь. Вернувшись в финале домой, главный герой рассказывает об острове, воспроизводя текст «нарядно изданного путеводителя», приобретенного «специально для того, чтобы не дать маху в последующих разговорах с родственниками» [3; 329]. Вооружившись этим путеводителем, никогда не бывав на острове, Валентин красочно рассказывает «о куполах Преображенской церкви, увенчанных деревянными крестами и словно избегающих вверх к луковке главного купола; о чудесной резьбе, покрывающей наличники; о мельнице, стоящей неподалеку от храма и напоминающей огромный вентилятор; о Покровской церкви и колокольне рядом с нею; о легендарном строителе Несторе, бросившем по преданию свой топор в синие волны Онеги после окончания постройки со словами, что не было, нет и не будет такой церкви; о самих синих волнах Онеги, заключающих островок в спокойную оправу и отражающих высокое тихое небо...» [3; 329]. В рассказе героя фактически смоделирована экскурсия, которой в действительности не было, но которая выступает здесь в качестве неотъемлемого атрибута посещения острова по туристической путевке.

В новелле писательницы и правозащитницы И. Бурковой «В Кижь» героиня по дороге на остров начинает рассказывать своему спутнику об острове и Кижском погосте, и ее монологи

структурно приближены к тексту путеводителей. Еще до посещения острова он оказывается ей знаком по книжным источникам: «Начиталась когда-то о них (Кижках. – *Н. Ш.*), любясь фотографиями в альбоме» [2; 80]. Разворачивающийся в одном из эпизодов новеллы диалог – условный, состоящий из разбитого вопросами собеседника монолога-экскурсии об истории места, особенностях архитектуры Кижского погоста, технологиях древнего деревянного зодчества. Такой «экскурсионный» текст в неофициальной обстановке романтического приключения приходится дополнительно мотивировать: «... заговорила невольно тоном гида и тут же оправдалась перед собой: искусство не позволяет осквернять себя опрошенной, разговорной речью с мусорными словечками» [2; 80].

Вообще, без исторической справки или экскурсии развернутые прозаические тексты о Кижках обходятся редко. И формируется эта закономерность весьма рано. Так, в определенном смысле родственны и содержательно, и функционально этим константным историческим экскурсам кижских сюжетов две главы о кижском восстании в повести К. Паустовского о Петрозаводске «Судьба Шарля Лонсевилля» (1935), написанной в те годы, когда о музейных мотивах, как и о музее, еще речи не шло. Под функциональным значением мы имеем в виду просветительскую окраску этих текстовых элементов. За счет регулярно встречающихся исторических пояснений, комментариев, будто переключивающихся в художественную прозу из путеводителей и исторических документов, эта функция вообще весьма заметна в кижских сюжетах. С точки зрения содержания обращают на себя внимание константные элементы этих исторических отступлений или экскурсий, восходящие к основным «легендам местности». Чаще всего это легенды о постройке Преображенской церкви, о мастере Несторе и историческое предание о Кижском восстании.

Имплицитно противопоставление музейного и живого, официального и неофициального, о котором говорилось в начале статьи, проявляется и в экскурсионных эпизодах кижских сюжетов. Рядом с экскурсиями официальными в «Кижских рассказах» изображены экскурсии неофициальные, спонтанные, живое общение туристов со старожилами острова. Речь такого старожила передана в сказе В. Пулькина «Плотницкая слава»: «Ты на старика не сержай... А только я экс-

курсантам иначе обо всем рассказываю. Соберу их, когда вы, экскурсоводы, от них отступитесь, и сам веду! Им все интересно – и то, как, к примеру, водяную мельницу мы из березовой Сельги перевозили, в снег глубокий, по сугробам, ломали дорогу к ней полтора десятка лошадей, да вокруг люди откапывали день целый» и т. д. [12; 249]. Этот мотив «неофициальной экскурсии» кажется очень органичным для «Кижских рассказов», где автор вообще стремится зафиксировать внутреннюю живую жизнь острова, ту самую, которая часто недоступна для туристов.

Музейные реалии, таким образом, входят в кижские сюжеты, в первую очередь, как атрибут места, становясь одним из константных пространственных мотивов, подчеркивающих уникальность заповедного острова. Особую роль здесь играют, по всей вероятности, и особенно сти поэтики путевого очерка и туристического путеводителя, границы влияния которых в кижской прозе еще предстоит уяснить. Но уже сейчас можно констатировать, что в художественных текстах, в отличие от чисто очерковых, музейные мотивы появляются не в качестве механического отражения пространственных реалий, но принимают на себя дополнительные ценностные значения (искусственное/подлинное, живое/мертвое). Эти значения разнятся у разных авторов и в то же время в совокупности составляют единое поле экзистенциальной по своему характеру проблематики, на которую отзывается в той или иной степени каждый из кижских сюжетов русской литературы.

В целом, музейные мотивы занимают важное место в литературной репрезентации острова Киж, являясь одним из наиболее стабильных и структурно связанных элементов кижских сюжетов. Интересно было бы сравнить частотность музейных мотивов в кижской прозе с аналогичными в литературной репрезентации других северных островов, особенно с соловецким текстом. Но думается, результат такого сопоставления можно предположить заранее. И в соловецком тексте, гораздо более обширном в хронологическом и тематическом плане, музейные реалии не будут иметь определяющего значения, уступив его образам и мотивам, связанным с монастырем. В этом отношении кижские сюжеты, сформировавшиеся в прозе XX века, обладают, как мы видим, спецификой, выделяющей их среди других островных текстов.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так называлось одно из первых живописных полотен, изображавших Кижский погост в начале XX века (художник – И. Шлуглейт).

² Вынесенная нами в заглавие формулировка «остров-музей» заимствована из цитируемой книги В. Пулькина и является авторским неологизмом. В действительности она не употребляется в музейной документации. Но замечательно характеризует как авторское восприятие места (в том числе в соположении с вполне употребимыми терминами «музей-запо-

ведник» или «дом-музей»), так и сложную природу кижских образов в литературе, где реалии тесно соседствуют с мифологемами и по законам художественного текста чаще всего принимают на себя дополнительные символические значения. В рамках использованной в данном случае писателем формулы, например, остров и музей отождествляются, сливаясь в единое и при этом уникальное целое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов Е. В. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 509 с.
2. Буркова И. Е. В Кизи // Буркова И. Е. Везучая. Рязань: Узорочье, 2000. С. 72–85.
3. Житинский А. Н. Путевка в Кизи // Житинский А. Н. Седьмое измерение. СПб.: Амфора, 2001. С. 309–330.
4. Казаков Ю. П. Адам и Ева // Казаков Ю. П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Странник. М.: Русский мир, 2008. С. 255–281.
5. Кизи: Указатель литературы. Петрозаводск: РИО Комиздат РК, 1995. 88 с.
6. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 325 с.
7. Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова. Документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: ООО «Журнал “Звезда”», 2012. 536 с.
8. Музей-заповедник «Кизи». 40 лет. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 208 с.
9. Музей и личность / Отв. ред. А. В. Лебедев; Сост. М. Ю. Юхневич. М., 2007. 168 с.
10. Нагибин Ю. Дневник. М.: Книжный сад, 1996. 704 с.
11. Носов Е. И. И уплывают пароходы, и остаются берега // Носов Е. И. Усыятские шлемоносцы. Л.: Лениздат, 1982. С. 237–291.
12. Пулькин В. Кижские рассказы. М.: Сов. писатель, 1973. 264 с.
13. Стрелкова И. Лешка и хиппи // Советская женщина. 1973. № 1. С. 32–33.
14. Шилова Н. Л. Кизи как идиллический локус в русской прозе 1970-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 7 (136). Т. 2. С. 78–81.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ISLAND-MUSEUM: ON SPECIFICS OF LITERARY REPRESENTATION OF KIZHI ISLAND

Museum motifs as characteristic features of the Kizhi topic in Russian literature are considered in the article. The status of the museum located on the Kizhi Island distinguishes the island from other islands both as a fictional (Utopia, the island of Buyan, the islands of the blessed) and real. Realities of the museum (the size of the museum, tour presentations, images of curators, and visitors etc.) have saturated multiple literary texts. The article describes the texts' semantics and the role that museum realities play in the storyline development. A research has also revealed particular qualities of their literary representation. The research is based on the materials of Russian literature on Kizhi Island written in 1930–2000s.

Key words: motif, poetics, realities, island text

REFERENCES

1. Barsov E. V. *Prichitan'ya Severnogo kraja, sobrannye E. V. Barsobym* [Lamentations of the Northern Region, collected by E. V. Barsov]. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 509 p.
2. Burkova I. E. To Kizhi [V Kizhi]. *Burkova I. E. Vezuchaya*. Rjazan, Uzoroch'e Publ., 2000. P. 72–85.
3. Zhitinskiy A. N. A trip to Kizhi [Putevka v Kizhi]. *Zhitinskiy A. N. Sed'moe izmerenie*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2001. P. 309–330.
4. Kazakov Yu. P. Adam and Eve [Adam i Eva]. *Kazakov Yu. P. Sobranie sochineniy: V 3 t. T. 1. Strannik* [Selected works. Vol. 1. Stranger]. Moscow, Russkiy mir Publ., 2008. P. 255–280.
5. *Kizhi: Ukazatel' literatury* [Kizhi: literature index]. Petrozavodsk, RIO Komizdat RK Publ., 1995. 88 p.
6. Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [Stories of the Russian North]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 325 p.
7. Kuz'michev I. S. *Zhizn' Yuriya Kazakova. Dokumental'noe povestvovanie* [The Life of Yury Kazakov. Documentary narration]. St. Petersburg, Soyuz pisateley Sankt-Peterburga: ООО “Zhurnal “Zvezda” Publ., 2012. 536 p.
8. *Muzej-zapovednik “Kizhi”. 40 let* [Kizhi – an Open Museum. 40 years] Petrozavodsk: Scandnaviya Publ., 2006. 208 p.
9. *Muzej i lichnost'* [Museum and a person] / Отв. ред. А. В. Лебедев; Сост. М. Ю. Юхневич. Moscow, 2007. 168 p.
10. Nagibin Yu. *Dnevnik* [Diary]. Moscow, Knizhnyy sad Publ., 1996. 704 p.
11. Nosov E. And swim off ships, and shores remain [I uplyvayut parokhody, i ostayutsya berega]. *Nosov E. I. Usvyatskie shlemonostsy*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1982. P. 237–291.
12. Pul'kin V. *Kizhskie rassказы* [Kizhi stories]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1973. 264 p.
13. Strelkova I. Leshka and hippy [Leshka i khippi]. *Sovetskaya zhenshchina*. 1973. № 1. P. 32–33.
14. Shilova N. L. Kizhi as an Idyllic locus in Russian prose of 1970th [Kizhi kak idillicheskiy lokus v russkoy proze 1970-kh godov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. “Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2013. № 7 (136). Vol. 2. P. 78–81.

Поступила в редакцию 18.12.2014

ГАЛИНА БОРИСОВНА КОЗЫРЕВА

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела институционального развития регионов, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
kozyrevakrc@gmail.com

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА МОРОЗОВА

доктор экономических наук, заведующий отделом институционального развития регионов, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
morozova.ras@gmail.com

УСТОЙЧИВЫЙ ТУРИЗМ И РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Рассматриваются институциональные проблемы и перспективы устойчивого туризма на муниципальном уровне на примере Муезерского района Республики Карелия. Принимается, что модель устойчивого туризма комплементарна концепции развития туристских дестинаций и теории культурных районов. Рассматриваются результаты проекта TaciS, основанного на данных экономико-социологического обследования домохозяйств и предприятий Муезерского района. Результаты исследований показали, что в Муезерском районе, несмотря на экономические ограничения, существует достаточно активная социокультурная среда, способная стать стимулом для запуска процесса формирования и развития экологического туризма на территории. Вместе с тем в результате отсутствия благоприятных институциональных условий через 10 лет данная инициатива так и не оформилась в устойчивый процесс. Анализируются причины данных проблем. Возвращение к результатам Муезерского проекта в настоящее время и взгляд на них через идеологию устойчивого туризма позволили не только дополнить теоретическую исследовательскую модель, но и сделать некоторые новые практические выводы. Анализ научной дискуссии участников круглого стола по вопросам туристских дестинаций, которая проходила в рамках международной научно-практической конференции «Роль туризма в модернизации экономики российских регионов», показал, что у туризма в настоящее время есть высокие шансы стать ресурсом развития муниципальных образований. Предпосылками для такого сценария являются наблюдаемые сегодня позитивные тенденции в институционализации некоторых местных инициатив.

Ключевые слова: устойчивый туризм, туристская дестинация, местные сообщества, муниципальное развитие, социокультурная среда, бизнес, институциональные условия, ресурсы для развития

В настоящее время, когда в России совершенствуются форматы государственного устройства и федеральная власть озвучила свою готовность отдать часть своих полномочий на низовой уровень, актуализируются местные инициативы, связанные с продвижением проектов развития территорий. Муниципальные власти получают новые стимулы для расширения поля взаимодействия с бизнесом и местным населением. В свою очередь у бизнеса появляются новые возможности и институциональные ресурсы для развития. В данном контексте одним из перспективных инструментов развития локальных территорий становится устойчивый туризм.

В основе его развития лежат принципы Всемирного экологического фонда, решения Рио-де-Жанейро, Кодекс этики туризма и др. Устойчивый туризм является одним из прикладных направлений реализации концепции устойчивого развития, которая постулирует баланс экономического, социального и экологического, а также обосновывает эффективные для общества и чело-

века пользования имеющимися ресурсами в настоящее время и на длительную перспективу.

Чтобы туризм мог стать механизмом устойчивого развития и оказывать реальное положительное влияние на хозяйство и социальную сферу муниципальных образований, а также быть приоритетным направлением экономики, он должен отвечать следующим критериям:

1. Туристы являются потребителями местных ресурсов.

2. Сохраняется естественная природная среда.

3. Поддерживается традиционный уклад жизни населения.

Таким образом, «устойчивый туризм в проекции на современное и будущие поколения, адаптируясь к конкретным этническим и культурным особенностям, отвечает требованиям социальной справедливости, экологически совместим, а также целесообразен и выгоден в экономическом плане» [9]. Устойчивый туризм – это не синоним экологического туризма, это общая концепция,

направление, по которому должны развиваться все виды туризма [8].

Модель устойчивого туризма комплементарна концепции развития туристских дестинаций. Дестинация – это географическая территория, имеющая определенные границы, которая может привлекать и удовлетворять потребности достаточно широкой группы туристов [1]. Предназначение дестинации – удовлетворение потребностей не только туристов, но и местных жителей, развитие туризма не должно ущемлять их интересы. Фактически туристские дестинации должны обеспечивать условия для устойчивого туризма.

Чтобы реализовать проект устойчивого туризма на территории, а туристская дестинация как его неотъемлемый элемент состоялась и стала источником повышения социально-экономического благополучия муниципального образования, необходимы не только соответствующие институциональные условия, но и сочетание множества экономических, социальных, психологических и культурологических факторов. При этом экономические эффекты могут проявиться только в долгосрочной перспективе.

Сначала должно появиться принципиально новое качество социокультурной среды, а это не быстрый процесс. Жизнь туристской дестинации как локальной туристской культуры начинается со сравнительно небольших финансовых затрат, туристских потоков и привлеченных людей. И не всегда зарождающийся процесс выливается в устойчивое эволюционное развитие.

Таким образом, формирование на локальных территориях успешных моделей развития, основанных на принципах устойчивого туризма, возможно, во-первых, при наличии благоприятных институциональных условий и, во-вторых, при появлении долгосрочных стратегий, совместно построенных местными сообществами и местным бизнесом. Смогут ли эти стратегии дать синергетический эффект, зависит от долгосрочных консолидированных усилий всех стейк-холдеров.

Вопросы, связанные с потенциальными возможностями развития туризма в приграничных муниципальных районах Республики Карелия, исследовались на протяжении десяти последних лет в Институте экономики КарНЦ РАН. Информационная база исследования включает:

- данные муниципальной и региональной статистики;
- данные социологического обследования, реализованного в Муезерском районе в рамках проекта Tacis «Экологический туризм на службе Муезерского района» (2004 год);
- данные республиканских сайтов;
- материалы международной научно-практической конференции «Роль туризма в модернизации экономики российских регионов», проходившей в Кондопоге в 2010 году.

Анализ статистических и социологических данных показал, что социально-экономическая ситуация Муезерского района как 10 лет назад, так и в настоящее время была и остается сложной и район нуждается в поиске новых экономических стратегий. Одной из таких стратегий может стать туризм. Но реализация такой перспективы возможна при условии формирования и развития институциональной, экономической и социокультурной среды, куда бы туризм мог органично встроиться. То есть для того, чтобы туристский бизнес успешно развивался, необходимо, во-первых, наличие основных компонентов туристского ресурса и инфраструктуры и, во-вторых, экономический интерес, инициатива и возможности местного сообщества использовать эти ресурсы [5]. Сейчас можно говорить только о наличии предпосылок для развития туризма в Муезерском районе, из которых при благоприятных условиях могут сформироваться его полноценные составляющие.

В настоящее время туризм в экономике Муезерского района не играет ключевой роли, что обусловлено слабым развитием его основных составляющих. Несмотря на наличие уникальных природных зон (объектов показа), которые могут иметь своего потенциального потребителя, слабо присутствует туристская инфраструктура и субъекты туристской деятельности. Туристские объекты могут быть интересны в контексте развития природного, спортивного и культурного туризма. Данные направления тесно взаимосвязаны [2]. Высокую ценность и привлекательность представляет собой экологическая чистота местности. На территории есть все, что требуется для развития экологического туризма, весьма популярного в странах Западной Европы: отсутствие крупных промышленных предприятий, низкая плотность населения, огромные запасы рыбы и дикоросов, чистая вода рек и озер.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в общей структуре туристских ресурсов Муезерского района самым слабым звеном является инфраструктура туризма. Есть несколько турцентров современного уровня, но они не в состоянии обеспечить потенциальный спрос на отдых со стороны российских и зарубежных туристов. Специфика района состоит в том, что гостиничный, транспортный сервис и общественное питание существуют не в рамках инфраструктуры туризма, а выполняют для территории самостоятельные давно сложившиеся функции. В большей степени они ориентированы на обслуживание лесного сектора, который долгое время являлся профилирующим и почти единственным в районе сектором экономики. Незрелость инфраструктуры туризма объясняется приграничным положением территории, закрытой для посещения туристов до 1991 года. Изменившаяся внешнеэкономическая политика

России, которая привела к ликвидации режима пограничной зоны, существенным образом не повлияла на развитие туристской инфраструктуры района.

Вместе с тем на фоне экономических проблем в рамках исследования удалось выявить активную социокультурную среду, которая является центром социальных инициатив, способным при благоприятных условиях стать важным звеном в институционализации туризма района. Носителем этой среды является творческая интеллигенция, деятельность которой направлена не только на сохранение и развитие культурно-исторического наследия и природы района, но и на встраивание этих компонент в социально-экономический контекст. Но, к сожалению, ни под одну из бизнес-идей руководства Лендерской комплексной школы по созданию «Центра отдыха» в 2004 году не удалось привлечь инвестиций.

Проектная идея туристского центра с активным участием местного сообщества продолжает жить и воплощаться пока через такие направления, как школьный Поисковый клуб – филиал Республиканского центра туризма. В рамках этого клуба налажены контакты с московской «Ассоциацией поисковых объединений», «Российским центром дополнительного образования». Школьные программы включают изучение истории и природы края посредством спортивно-познавательного туризма (пешего, водного, лыжного). В районе была осуществлена попытка создать филиал училища для подготовки специалистов по туризму. К сожалению, инициаторы идеи не смогли выйти на серьезные инвестиционные проекты, но мотивация реализовать план создания Центра туризма в п. Лендеры не исчезла.

К культурным инициативам можно отнести деятельность краеведческого музея Ребольской школы. Музей может рассматриваться не только как объект показа для потенциальных туристов, но и как просветительский центр экологической культуры для местного населения, в первую очередь для молодежи. Муниципальное учреждение «Народный дом» является в настоящее время центром культуры п. Лендеры, возрождая и развивая фольклор и народное творчество через работу хорового, танцевального коллективов и других кружков. Являясь инициатором и организатором многочисленных культурных мероприятий и праздников, этот центр может стать ядром культурного туризма. Помимо этого, деятельность Общества дружбы, основанного на побратимской связи Реболы – Лиекса, ориентирована на формирование инфраструктуры туризма: существует инициатива на базе неработающей больницы создать гостиницу для приема гостей из Финляндии [7].

В районе широко распространен семейный туризм, который получил толчок для развития с началом либерализации российского общества

в 90-х годах прошлого столетия. Сегодня это направление подпитывается, во-первых, интересом с финской стороны, обусловленным поиском «родовых корней», восстановлением семейных связей; во-вторых – развитием побратимских связей; в-третьих, распространением активных форм отдыха среди россиян. Для местных жителей – это источник пополнения семейного бюджета, порой единственный. Это направление практически не институционализировано, но выполняет важную социальную функцию. Отмечается высокая активность местного населения, которое включено в сферу предоставления услуг для приезжающих туристов (жилье, питание, баня).

Оценка социального климата в районе через социологический опрос, проведенный в 2004 году, дала возможность выявить тенденции и настроения, отражающие позицию местного сообщества по отношению к вопросу будущего развития территории¹. В местном сообществе сформировалось устойчивое общественное мнение о необходимости изменения сложившегося уклада жизни. Территория нуждается в новом импульсе развития. Общий негативный социальный фон связан с недовольством местного населения социальной политикой предприятий. И это в первую очередь обусловлено их экономической слабостью и, как следствие, неспособностью реализовывать какие-либо социальные инициативы. Низкий уровень жизни, ограниченные возможности реализовать потенциал, отсутствие благоустройства, плохое жилье, отсутствие всякой перспективы для молодежи и подростков, отсутствие досуга – это не полный перечень проблем, которые не решаются на территории [3], [6].

Результаты исследований свидетельствуют о достаточно благоприятном отношении местного населения к перспективам развития туризма в районе, в частности к приезду иностранных туристов. Многие жители видят в этом надежду на улучшение условий жизни: «...проведут ЛЭП, отремонтируют дороги, появятся новые предприятия, новые рабочие места, территория получит дополнительные доходы, поднимется социальная сфера». Перспективность туризма для развития района рассматривается практически половиной респондентов (рис. 1).

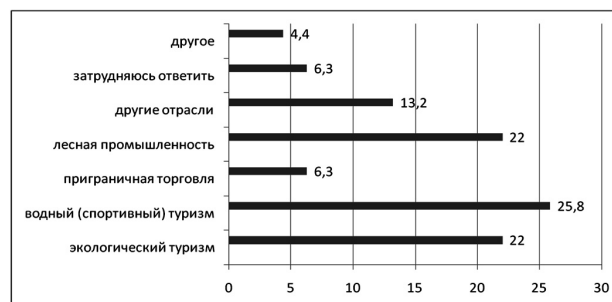

Рис. 1. Какие сферы экономики перспективны для развития района?

По результатам анкетирования, среди имеющих желание работать в сфере туризма около 5 % хотели бы создать свой турбизнес (рис. 2), то есть организовать полный цикл предоставления услуг – от разработки маршрута до размещения и питания. В эту категорию, как правило, входят представители предпринимательской среды района. Чуть больше 15 % респондентов готовы быть участниками только определенного звена бизнеса – принимать туристов на своей площади или оказывать транспортные услуги.

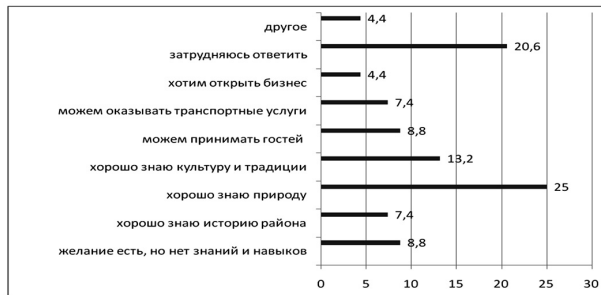

Рис. 2. Какую помощь в развитии туризма Вы смогли бы оказать?

Большая часть населения (почти половина опрошенных) хотели бы участвовать в бизнесе в качестве наемного работника – они готовы работать гидами, так как хорошо знают природу, историю и традиции своего края (см. рис. 2).

Активность населения проявляется и в желании 1/3 опрошенных жителей получить профессиональные знания в области туризма, а около 10 % высказали сожаление, что не имеют соответствующих навыков и знаний, чтобы работать в этой сфере (рис. 3).

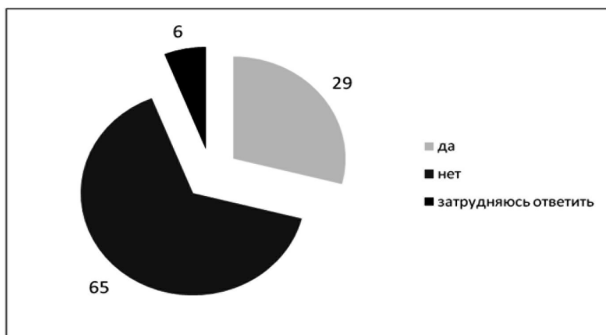

Рис. 3. Хотели бы Вы получить профессиональные знания по развитию туризма?

На вопрос, не нанесет ли туризм вреда природе, более 40 % жителей ответили отрицательно. Причем 15 % вообще считают, что развитие туризма будет способствовать бережному отношению к природе: «Такой уникальной природой люди должны любоваться и наслаждаться, а разумный контроль позволит ее сохранить» (рис. 4).

Таким образом, можно говорить о наличии вполне сформированной установки местного населения Муезерского района на позитивное от-

ношение к возможному развороту в стратегии развития территории, связанному с развитием туризма. Важно то, что люди проецируют активную позицию и находят себя в новой стратегии. Вместе с тем нельзя не учитывать того положения, в котором вынужденно находилось местное население долгие годы и которое можно расценивать как социальную эксклюзию. Данное обстоятельство придает ожиданиям социума некоторую гипертрофированность. Поэтому идея развития туризма так поддерживается и воспринимается как перспектива выхода из этого состояния.

Рис. 4. Считаете ли Вы, что туризм может нанести вред природе?

Местная власть связывает с туризмом надежды на оживление экономики и улучшение социальной ситуации в районе, но это, скорее, декларативные пожелания, чем реальные планы. Результаты исследования свидетельствуют о том, что со стороны местной власти существует локальный интерес в международной проектной деятельности, но нет реальных стратегий развивать туризм в интересах местного сообщества. Оппортунизм и пассивность муниципальной власти являются факторами, препятствующими появлению эффективных туристских проектов на территории района. Нередко местная власть, участвуя в проектной деятельности, особенно в международной, использует административный ресурс в своих интересах [5].

Результаты исследований показали, что в Муезерском районе, несмотря на институциональные и экономические ограничения, существует достаточно активная социокультурная среда, способная стать стимулом для запуска процесса формирования и развития экологического туризма на территории. Учитывая не только активы, но и проблемы территории, был разработан «План развития экологического туризма в Муезерском районе» [7], который представляет собой совокупность проектов, различающихся по функциональному содержанию: институционального, просветительского, рекламного и инвестиционного характера. План включает следующие направления развития экологического туризма:

– Формирование институциональной среды через консенсус интересов и институциона-

- лизацию инициатив местного сообщества на районном уровне и внешнем пространстве (республиканском, российском, международном);
- Социокультурное развитие локального сообщества через образовательно-просветительскую деятельность;
  - Формирование и развитие туристского имиджа района через позиционирование турпродукта;
  - Инвестиционно-проектная деятельность.

Запуск «Плана развития туризма» – одна из сложнейших управленческих задач. В проекте был разработан перечень мероприятий для того, чтобы этот запуск состоялся. Нужно сказать, что международная проектная деятельность, реализуемая в рамках Tacis, нацелена на придание импульса местным сообществам в решении актуальных социально-экономических проблем. Основная миссия по решению этих проблем ложится на само сообщество. Поэтому об эффективности проектной деятельности можно говорить лишь по реальным результатам – если проект выливается в долговременный устойчивый процесс, связанный с повышением не только экономической активности местного населения, но и его благосостояния. Для этого инициативу по реализации проектных идей в местном сообществе должны взять на себя стэйк-холдеры – заинтересованные стороны [6].

На начальном этапе важна поддержка и организующее воздействие местной администрации, региональных организаций, научного сообщества, международных организаций, содействующих развитию туризма и малого бизнеса. Стартовые условия для начала развития локальной туристской культуры необходимо заложить за счет обучения активных жителей района по основным направлениям туристской деятельности. Сначала туристические потоки могут быть небольшими, что не требует большого количества обслуживающего персонала и материальных затрат. Увеличение объемов туристской деятельности и освоение прилегающих областей деятельности может происходить постепенно, по мере обучения местных предпринимателей и работников, развития инфраструктуры, распространения информации и укрепления репутации района как туристической зоны.

При этом развитие социокультурной среды должно способствовать расширению сфер, вовлеченных в туристский и примыкающий к нему бизнес. Экологический туризм может сработать на мультипликативный эффект: начнут развиваться и другие, связанные с ним перспективные виды туризма (природный, этнографический, сельский, познавательный, приключенческий, спортивный, водный, деловой), а также сопутствующие сферы бизнеса (транспорт, коммуникации, сервис и т. д.). Такой подход позволяет до появления крупных инвестиций начать деятельность по развитию туризма, оптимальным обра-

зом соединяя имеющийся природный и социальный потенциал местного сообщества, создавая синергетический эффект.

Исходя из концепции устойчивого развития, концепции «культурных районов» и идеологии туристских дестинаций [3], развитие экологического туризма в Муезерском районе возможно на основе культурно-исторических предпосылок, способных при благоприятных условиях сформироваться в цельный культурный комплекс, базирующийся на следующих компонентах:

- Знание местной природы, ее особенностей (лес, горы, возвышенности, озера, реки, животный и растительный мир). Именно эти знания позволяют представить природу района для туристов во всем ее многообразии.
- Знание истории района, включая походы шведов и ответные походы новгородцев и карел, древней истории племен, построивших сейды и дольмены, новой и новейшей истории края.
- Культура представления района, его рекламы, создание образа района в мировой информационной среде.
- Культура туристического обслуживания, питания, общения с представителями других регионов и стран.
- Культура размещения туристов для временного проживания, которая, помимо обеспечения бытовых удобств, должна иметь местную специфику, которая запомнится.

Из пяти составляющих культурного комплекса в настоящее время проблемной зоной остаются самые важные, связанные с качеством культуры туристической деятельности. Такая культура не появляется без соответствующего опыта и инвестиций. Но «запуск» системы может произойти в рамках минимаксной задачи. Главное – обеспечить стабильность развития, накопление локальной культуры туристической деятельности, создание синергетического эффекта взаимного усиления деятельности отдельных предпринимателей и специалистов, когда один дополняет другого (знаток местной природы – предприниматель, организующий туры – специалист по рекламе – предприниматель, организующий питание, и так далее). Вместе они создают локальную культуру туристического бизнеса, которая является достоянием местного сообщества. Устойчивость достигается способностью культуры туристической деятельности воспроизводить себя в следующих поколениях.

Возвращение к результатам Муезерского проекта в настоящее время и взгляд на них через идеологию устойчивого туризма позволили не только дополнить теоретическую исследовательскую модель, но и сделать некоторые новые практические выводы. Исходя из того, что в Муезерском районе за этот период туризм не стал стратегическим направлением развития, можно говорить о том, что на активной социокультур-

ной среде не «проросли всходы» экономической активности, чему, на наш взгляд, есть ряд объяснений [2].

Во-первых, несмотря на формально существующий еврорегион «Карелия», вопрос смягчения барьерной функции границы между Россией и Финляндией не решается, что препятствует формированию благоприятного институционального климата для развития международного туризма и негативно сказывается на таких монопромышленных приграничных территориях, как Муезерский район. Во-вторых, в местном сообществе не сформировались необходимые коммуникативные механизмы: не произошло институционализации системы устойчивых связей с ассоциированными структурами республиканского, российского и международного уровней в области природопользования и туризма. В-третьих, активная социальная среда района не смогла стать консолидирующим звеном среди стэйк-холдеров территории. В-четвертых, реализации «Плана развития экологического туризма в Муезерском районе» препятствовало как российское, так и региональное законодательство.

Сегодня важно исследовать причины развития данного сценария. Такая возможность появилась в рамках международной научно-практической конференции «Роль туризма в модернизации экономики российских регионов», в частности в процессе научной дискуссии на круглом столе «Особенности управления развитием туристских дестинаций на уровне местного самоуправления»². Основной вопрос круглого стола звучал следующим образом: *может ли туризм в сложившихся экономических и институциональных условиях стать ресурсом для развития муниципалитетов?*

Результаты дискуссии показали, что у туризма в настоящее время есть высокие шансы стать ресурсом развития муниципальных территорий. Предпосылками для такого сценария являются наблюдаемые сегодня позитивные тенденции в институционализации некоторых местных инициатив. Так, 25 декабря 2008 года в Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации» были внесены, как считают эксперты, инновационные изменения в ст. 14.1, 15.1, 16.1, которые связаны с наделением органов местного самоуправления дополнительными полномочиями: у них появилась возможность помимо решения вопросов местного значения создавать условия для развития туризма. Данная инновация была закреплена в последующих редакциях закона³, но, к сожалению, пока не стала реальным инструментом для развития туризма.

Немаловажное значение имеет возможность непосредственной организации туристской деятельности на муниципальном уровне путем создания при местных органах власти субъектов

своих туристских предприятий, занимающихся формированием, продвижением и реализацией туристской продукции, то есть туроператоров. Они отныне имеют определенные преференции, так как, согласно ст. 4.1 ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ»⁴, финансовое обеспечение не требуется для государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также для муниципальных учреждений, осуществляющих деятельность по организации путешествий в пределах территории РФ по установленным государственным ценам в целях соблюдения социальных задач.

Вместе с тем институциональных инноваций сегодня недостаточно, чтобы полноценно решать вопросы развития туризма на местном уровне. Главное препятствие состоит в законодательных пробелах: есть изменения в № 131-ФЗ, но нет регионального закона, позволяющего муниципалитетам свободно реализовывать свои полномочия в организации и управлении туризмом. Закон о местном самоуправлении определяет полномочия в решении местных вопросов по туризму как деятельности несколько факультативно, а факультативные полномочия реализуются только в том случае, если объем трансфертов не более 70 % в бюджете данного муниципального образования. Поэтому на сегодняшний день не представляется возможным обременить многие муниципальные образования, которые являются фактически несамодостаточными, такими полномочиями. Существует активная низовая инициатива, но она не заполняет существующие недостатки, не решает эффективно проблему организации и управления туризмом на местном уровне.

Важная проблема – это территориальное планирование, она связана с затянувшейся муниципальной реформой, сегодня перенесены многие сроки по градостроительной документации, многие заказы отодвинуты, есть много неясностей. В Карелии существуют проблемы, связанные с границами муниципальных образований, хотя в других регионах (например, в Вологодской области) уже проведены некоторые практические шаги по их укрупнению. В настоящее время муниципалитеты находятся в процессе подготовки документации по оформлению муниципальной собственности, чтобы в будущем использовать возможность сдачи ее в аренду с учетом развития туристских дестинаций и местных интересов, но процесс имеет затяжной характер.

Существует проблема сельских лесов. Земли, на которых находятся сельские леса, активно переводятся из категории лесопокрытой площади в земли сельхозназначения, что позволяет включать их в свободный оборот. В связи со спорностью идентификации под видом сельских лесов порой проходят обычные лесные насаждения, что позволяет местным чиновникам распоряжаться ими по своему усмотрению. Отсюда произрас-

тают практики огораживания. На территориях появляются частные усадьбы с лесными дачами, как правило, расположенные в живописных акваториях водоемов, что влечет за собой конфликт не только с местным населением, но и нарушение водного законодательства. Данные проблемы создают препятствия для реализации проектов развития туризма на территориях [4].

Муниципальная реформа создала еще одну сложную проблему в отношениях между районом и поселением. Произошло разделение полномочий на «ваше» и «наше», которое, к сожалению, остается пока достаточно размытым. В Карелии отсутствует закон, но есть соглашение по вертикальному взаимодействию, подписанное в 2007 году между ассоциацией «Совет муниципальных образований РК» и региональным правительством, в которое заложены партнерские отношения. Соглашение, тем не менее, носит больше декларативный, нежели конструктивный характер. Но с учетом современных тенденций, связанных с активизацией как низовых (местных), так и федеральных инициатив по внедрению институциональных инноваций в муниципальное строительство, можно ожидать, что распределение полномочий между региональными, муниципальными и поселенческими уровнями приобретет более ясные очертания.

Таким образом, сегодня можно говорить о создании в России некоторых институциональных предпосылок для развития туризма на местном уровне. Говорить же об устойчивом туризме можно только в долгосрочной перспективе. Следующие шаги по созданию благоприятных институциональных условий связаны с принятием целого ряда стратегических документов, в частности региональных законов о туризме. Необходима разработка и принятие региональных концепций развития туризма. Положения концепции должны стать основой для государственного понимания места и роли сферы туризма в экономике региона и для определения направления и уровня государственной поддержки туристской индустрии. Важнейшим инструментом могут стать федеральные целевые программы по развитию агропромышленного комплекса, в частности по сельскому туризму (среди направлений развития несельскохозяйственных видов деятельности). Но для этого необходимо внести коррективы в закон о статистической информации РФ. Отрасль туризма не выделена в отдельный код статистической классификации по виду экономической деятельности, что препятствует ее поддержке в рамках Федеральных целевых программ (например, ФЦП по развитию АПК). На муниципальном

уровне требуется разработка программ развития внутреннего туризма, в том числе социального и самодельного на территории поселения, а также – что крайне важно – выделение денежных средств на развитие туризма отдельной строкой в бюджетах муниципальных образований.

Адекватная нормативно-правовая база для развития туризма должна создать благоприятные условия для формирования и развития гражданских инициатив. Межмуниципальное сотрудничество – это новый инструмент, представленный новым законом. Он еще пока слабо используется, но, по крайней мере, сегодня можно создавать совместные товарищества, совместные хозяйственные общества в сфере туризма.

Опыт Карелии, Архангельской и Волгоградской областей показывает, что территориальное местное самоуправление готово поддерживать развитие туризма с незначительной помощью извне. Активное включение в международные программы, в рамках которых уже сегодня проводится обучение, работают инициативные люди, туристические фирмы, создано много кооперативов, организаций туризма. В этот ряд можно поставить создание консорциумов, объединяющих гражданские, научные и бизнес-инициативы по поддержке и развитию туризма. Наблюдающаяся консолидация общественных усилий в совокупности с нарабатанным, проявившим свою эффективность арсеналом формальных инструментов развития туризма актуализирует предоставление этому направлению преференций со стороны государства.

В заключение, возвращаясь к результатам Муезерского проекта, следует еще раз акцентировать внимание на его ключевой проблеме, связанной с институциональной недостаточностью условий для реализации имеющейся низовой инициативы местного сообщества в сфере развития туризма. Сегодня муниципалитеты, получая новые полномочия без финансового обеспечения, не имеют достаточных позитивных ожиданий для их успешной реализации. Вместе с тем в риторике региональных и федеральных властей все сильнее звучит тема гражданских институтов и их роли в местном развитии. Образовавшийся пробел пока не заполнен конкретными институтами и инструментами, хотя определенные положительные тенденции наметились. Ряды стэйк-холдеров недостаточно консолидированы. Социальная инициатива без государственной поддержки и заинтересованности бизнеса одна не решит проблем. Поэтому сегодня вопрос о развитии устойчивого туризма для муниципальных образований остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Опрос домохозяйств (N = 300) проводился на территориях п. Муезерский, п. Лендеры, п. Реболы Республики Карелия.
- ² Конференция проходила 7–10 июня 2010 года в г. Кондопога и Петрозаводск.
- ³ Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» № 132-ФЗ (в редакции Федеральных законов от 10.01.2003 № 15-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 05.02.2007 № 12-ФЗ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбов В. С. Экономика туризма. М.: Академия, 2005. 311 с.
2. Козырева Г. Б., Морозова Т. В. Проблемы развития туристских дестинаций на муниципальном уровне // Роль туризма в модернизации экономики российских регионов: Материалы междунар. научно-практ. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 170–174.
3. Козырева Г. Б., Морозова Т. В., Кулакова Л. М. Сельский туризм как альтернативное направление развития предпринимательства // Северные туристские дестинации как доминанта развития туризма северо-западного региона. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 65–72.
4. Козырева Г. Б. Проблемы собственности на лесные ресурсы России // Общество и экономика. 2006. № 2. С. 167–189.
5. Морозова Т. В., Козырева Г. Б., Сухарев М. В. Регион как социально-экономическая система. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 308 с.
6. Морозова Т. В., Гурова С. А., Козырева Г. Б. Сельские сообщества Карелии: традиции, современность, перспективы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. 252 с.
7. План развития природного туризма на территории Муезерского района. Результаты проекта TACIS CBC Small Project Facility «Экологический туризм на службе развития Муезерского района и усиления охраны природы» (TSPF/0302/0062) / Т. В. Морозова, Г. Б. Козырева, М. В. Сухарев, С. А. Гурова. Петрозаводск: Из-во КарНЦ РАН, 2004. 36 с.
8. Пономарева И. Ю., Малафий А. С. Устойчивое развитие туризма и его влияние на социальные процессы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 209–215.
9. Таксанов А. Природный туризм и местное сообщество: общие задачи в сохранении биоразнообразия и привлечении посетителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: /http://tourlib.net/statti tourism/taksanov.htm

Kozyreva G. B., Institute of Economics, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)
Morozova T. V., Institute of Economics, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

SUSTAINABLE TOURISM AND MUNICIPALITIES' DEVELOPMENT IN BORDER REGIONS

The article is concerned with some institutional problems of sustainable tourism development in municipalities on the example of Muezerskiy region of Karelia. It is assumed that a model of sustainable tourism development is complementary to the concept of tourist destinations' evolvement and the theory of cultural districts. Research results of the Tacis project, based on the data obtained from economic and sociological surveys carried out in local households and business areas of Muezerskiy region are considered. Results of the 2004 survey showed that Muezerskiy region, despite existing economic difficulties, has a fairly active socio-cultural environment that can act as stimuli for the eco-tourism promotion. However, due to the lack of enabling institutional environment, this initiative has not progressed into a stable process in the course of 10 years. The causes of these problems are revealed and analyzed. A return to the idea of Muezerskiy project and a new approach to the issue, based on the ideology of sustainable tourism, has not only complemented to the theoretical research model but also assisted in drawing of some new practical conclusions. Analysis of the scientific discussion of the round table on tourism destinations, which took place at the international scientific-practical conference "The Role of Tourism in Modernization of the Economy of Russian Regions", showed that tourism currently has a high chance of becoming a substantial resource of municipalities' development. Positive trends in the institutionalization of some local initiatives can be viewed as necessary prerequisites for such scenario development.

Key words: sustainable tourism, tourist destination, local communities, municipal development, socio-cultural environment, business, institutional environment, resources for development

REFERENCES

1. Bogolyubov V. S. *Ekonomika turizma* [Economy of tourism]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 311 p.
2. Kozyreva G. B., Morozova T. V. Problems of tourist destinations development at the municipal level [Problemy razvitiya turistskikh destinatsiy na munitsipal'nom urovne]. *Rol' turizma v modernizatsii ekonomiki rossiyskikh regionov*. Petrozavodsk, 2010. P. 170–174.
3. Kozyreva G. B., Morozova T. V., Kulakova L. M. Rural tourism as an alternative direction of development of business [Sel'skiy turizm kak al'ternativnoe napravlenie razvitiya predprinimatel'stva]. *Severnye turistskie destinatsii kak dominanta razvitiya turizma severo-zapadnogo regiona*. Petrozavodsk, 2008. P. 65–72.
4. Kozyreva G. B. Problems of ownership of Russian forest resources [Problemy sobstvennosti na lesnye resursy Rossii]. *Obshchestvo i ekonomika*. 2006. № 2. P. 167–189.
5. Morozova T. V., Kozyreva G. B., Sukharev M. V. *Region kak sotsial'no-ekonomicheskaya sistema* [A region as a socio-economic system]. Petrozavodsk, 2010. 308 p.
6. Morozova T. V., Gurova S. A., Kozyreva G. B. *Sel'skie soobshchestva Karelii: traditsii, sovremennost', perspektivy* [Rural communities of Karelia: tradition, modernity and perspectives]. Petrozavodsk, 2004. 252 p.
7. *Plan razvitiya prirodnogo turizma na territorii Muezerskogo rayona. Rezul'taty proekta TACIS CBC Small Project Facility "Ekologicheskyy turizm na sluzhbe razvitiya Muezerskogo rayona i usileniya okhrany prirody"* (TSPF/0302/0062) [Development plan of nature tourism on the territory Muezerskiy District] / T. V. Morozova, G. B. Kozyreva, M. V. Sukharev, S. A. Gurova. Petrozavodsk, 2004. 36 p.
8. Ponomareva I. Yu., Malafiy A. S. Sustainable development of tourism and its impact on social processes [Ustoychivoe razvitie turizma i ego vliyaniye na sotsial'nye protsessy]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2010. № 1. P. 209–215.
9. Taksanov A. *Prirodnyy turizm i mestnoe soobshchestvo: obshchie zadachi v sokhraneni bioraznoobraziya i privlechenii posetiteley* [Nature tourism and the local community: the objectives of biodiversity conservation and attracting visitors]. Available at: <http://tourlib.net/statti tourism/taksanov.htm>

Поступила в редакцию 16.04.2015

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ВОРОНЦОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
levoron@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА*

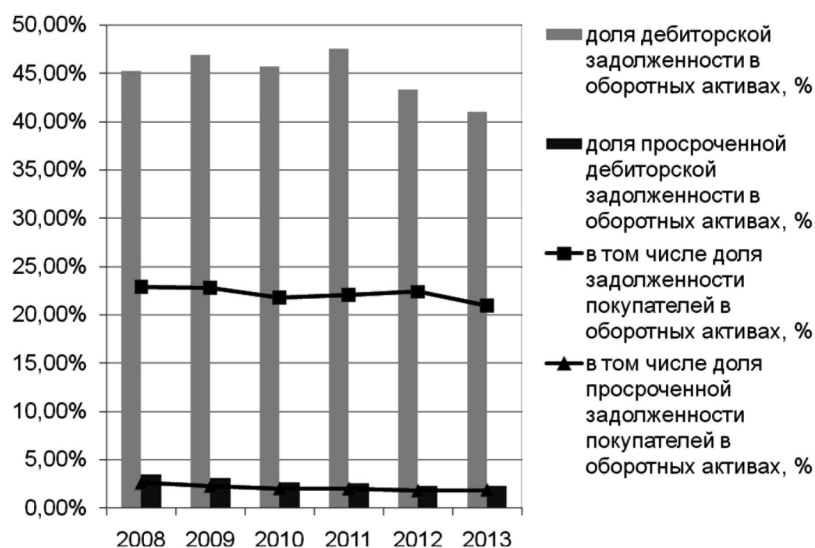
Дебиторская задолженность является важнейшим видом оборотных активов предприятия. Ее основная составляющая – задолженность покупателей и заказчиков – формируется вследствие предоставления последним коммерческого кредита, что, с одной стороны, увеличивает продажи, а с другой – приводит к отвлечению средств из оборота, их обесценению в результате инфляции, риску неоплаты задолженности. В условиях экономического кризиса такие негативные последствия особенно ощутимы, что делает формирование эффективной системы управления дебиторской задолженностью крайне актуальной задачей. Рассматривается кредитная политика как основа системы управления дебиторской задолженностью, указывается на необходимость корректировки ее основных параметров в условиях экономического кризиса, отмечается особая значимость процедур инкассации. Упоминается факторинг как альтернативный вариант организации управления задолженностью покупателей и заказчиков. Указывается необходимость управления другими видами дебиторской задолженности.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, экономический кризис, кредитная политика

Сегодня сложно найти предприятие, не имеющее в составе активов дебиторской задолженности. Возникновение такой задолженности обычно связывают с предоставлением покупателям отсрочек платежа с целью увеличения объема продаж. По статистике [6], доля дебиторской задолженности в оборотных активах российских организаций в последние годы составляет в среднем 41–47 % (рисунок), а в активах в целом чуть меньше 20 %. При этом половина всей дебиторской задолженности – это задолженность покупателей и заказчиков.

На предприятиях, занимающихся некоторыми видами деятельности, например производством пищевых продуктов, управлением эксплуатацией жилого фонда, дебиторская задолженность является наиболее значимым видом активов. В указанных видах деятельности, по данным статистики за 2013 год, она составляет 30,89 % и 35,69 % от всех активов соответственно.

В рыночных условиях дебиторская задолженность – это в первую очередь результат конкурентной борьбы, которая вынуждает производителей идти на различные уступки покупателям,

Доля дебиторской задолженности и ее видов в оборотных активах

в частности предоставлять отсрочку платежа (коммерческий кредит). Негативными последствиями таких действий для продавца являются:

- отвлечение средств из оборота и, как следствие, необходимость искать дополнительные источники финансирования;

- обесценение средств, осевших в дебиторской задолженности, в результате инфляции;

- риск непогашения дебиторской задолженности в установленные сроки, возникновения кассовых разрывов и утраты платежеспособности.

Особенно ощутимыми данные последствия кредитования покупателей становятся в условиях экономического кризиса, когда стоимость привлечения заемных средств возрастает, а платежеспособность контрагентов падает. Учитывая современные экономические реалии (высокий уровень инфляции, колебания валютных курсов, высокую ключевую процентную ставку), можно предположить, что в 2015 году нас ожидает общее снижение платежеспособности хозяйствующих субъектов. Следствием этого, вероятно, будет рост дебиторской и кредиторской задолженностей, в частности за счет просроченных обязательств [4].

В таких условиях формирование эффективной системы управления дебиторской задолженностью является одной из наиболее актуальных задач финансового менеджмента предприятий.

Цель управления – оптимизация дебиторской задолженности. При этом каждое предприятие самостоятельно определяет оптимальные параметры дебиторской задолженности (размер, период оборота, структуру и т. д.) исходя из своих стратегических и тактических целей. Например, у предприятия, нацеленного на расширение бизнеса, объем задолженности будет заведомо выше, чем у его конкурента, желающего сохранить позиции на рынке. Однако любое предприятие стремится минимизировать риск невозврата или несвоевременного возврата задолженности, так как если наличие дебиторской задолженности само по себе не является отрицательной характеристикой, то появление просроченной задолженности однозначно рассматривается как негативный факт.

С точки зрения управления дебиторская задолженность – это особый актив, размер и динамика которого во многом зависят от решений финансового менеджера. При этом не стоит забывать о значимости отдела продаж, заключающего сделки, и отдела финансового контроля, отвечающего за взыскание задолженности. Следовательно, в сложных экономических условиях управленческие решения должны быть тщательно продуманы, а действия различных служб, связанных с дебиторской задолженностью, согласованы.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать вопросы управления дебиторской задолженностью с учетом стадии ее жизненного цикла:

1. Образование (предоставление кредита);

2. Мониторинг (срок кредита не истек);

3. Работа с проблемными кредитами (просроченной задолженностью) [1].

Основные возможности по минимизации кредитного риска связаны с моментом предоставления кредита покупателям. Кому можно предоставлять отсрочку платежа, в каком размере, на какой срок – все это должно быть продумано, экономически обосновано и зафиксировано в виде кредитной политики.

Кредитная политика – это основа системы управления дебиторской задолженностью, представляет собой свод правил в области предоставления коммерческого кредита и включает в себя следующие параметры:

- срок предоставления кредита покупателям;
- кредитный лимит;
- скидки за раннюю (досрочную) оплату;
- система оценки кредитоспособности покупателей и дифференциация кредитных условий;
- меры по возврату задолженности.

Ухудшение экономических условий требует от предприятий пересмотра отдельных параметров кредитной политики. Так, высокий уровень инфляции (в феврале 2015 года индекс потребительских цен с начала года составил 106,2 %, а по отношению к февралю 2014 года – 116,7 % [3]) делает целесообразным сокращение сроков предоставления кредита и увеличение скидок за досрочную оплату в связи со снижением покупательной способности денег.

Например: организация продала продукцию 1 февраля на сумму 100 000 руб. на условиях отсрочки платежа. Срок платежа по договору – 1 марта. Индекс цен (Ip) в феврале составил 102,2 %. С учетом покупательной способности денег реальная сумма, которая будет получена 1 марта, составит: $100\,000 / 1,022 = 97\,847$ руб., следовательно, потеря выручки из-за инфляции равна 2153 руб. ($100\,000 - 97\,847$). Таким образом, предоставление скидки за досрочную оплату в пределах роста цен снижает потери организации.

Однако отметим, что на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация: темп инфляции превышает процентные ставки по банковским кредитам (по краткосрочным кредитам ставки варьируются в пределах 17–22 %). Если абстрагироваться от технической стороны получения кредита, то предприятию выгоднее взять кредит и профинансировать за счет него дебиторскую задолженность, чем предоставить скидку за досрочную оплату покупателю в пределах роста цен, так как расходы в этом случае будут ниже: $100\,000 * 22\% / 12 = 1833$ руб. вместо 2153 руб. Но, предпринимая подобные действия, очень важно осуществлять постоянный мониторинг цен и кредитных ставок. Если отсрочка платежа покупателю предоставляется на несколько месяцев, то данные действия сопряжены с высоким

риском неполучения ожидаемой экономической выгоды в связи с возможным изменением ставок по банковским кредитам и индекса цен. Кроме того, платежеспособность покупателя в течение периода отсрочки платежа может измениться, что в условиях кризиса вполне вероятно, и тогда возникает угроза нарушения сроков оплаты задолженности, а следовательно, непогашения банковского кредита предприятием-продавцом. Учитывая вышесказанное, досрочная оплата задолженности покупателями – это оптимальный способ защиты от неплатежей и связанных с ними негативных последствий для продавца.

Со своей стороны покупатель, если у него есть свободные денежные средства, вряд ли откажется от предложения получить скидку за раннюю оплату в размере инфляции: ставки по краткосрочным депозитам в настоящее время составляют 10–14 %, значит, вложив 100 000 руб. на 1 месяц при ставке 14 %, организация получит доход 1167 руб., а при использовании скидки временный доход составит 2153 руб. Таким образом, любая скидка за досрочную оплату, превышающая ставки по краткосрочным депозитам, выгодна для покупателя.

В условиях экономического кризиса требуют внимания и другие элементы кредитной политики. В частности, необходимо контролировать обоснованность кредитных лимитов и их соответствие текущему финансовому состоянию предприятия-продавца.

Также очень важно наличие объективной и актуальной системы оценки кредитоспособности покупателей, чтобы решать, кому и на какой срок можно давать кредит, с кем расчет должен быть по факту отгрузки продукции (оказания услуг) или по предоплате, а с кем лучше вообще не сотрудничать. Здесь в особенно тяжелом положении находятся предприятия, которые в силу специфики деятельности не имеют возможности дифференцировать клиентов и отказывать в предоставлении услуг, это в первую очередь предприятия, занимающиеся производством и распределением электроэнергии, газа и воды, а также управлением эксплуатацией жилого фонда. Так, по данным статистики, доля просроченной дебиторской задолженности в оборотных активах в среднем в последние годы остается на уровне 2–3 % (см. рисунок), тогда как у предприятий указанных видов деятельности – 12,94 и 6,86 % соответственно (по данным за 2013 год).

В условиях экономического кризиса особого внимания заслуживает такой параметр кредитной политики, как меры по возврату задолженности (процедуры инкассации), в том числе:

- система штрафов за нарушение сроков платежа;
- напоминание покупателю о дате платежа;
- уведомление о нарушении срока оплаты;
- прекращение отгрузок данному покупателю;
- обращение в суд.

Проработанность процедуры инкассации и тщательное ее соблюдение на практике являются залогом эффективного управления дебиторской задолженностью, так как от этого во многом зависит платежная дисциплина покупателей, а следовательно, объем и качество дебиторской задолженности.

Одна из главных целей финансового менеджмента предприятия – предотвращение образования просроченной дебиторской задолженности – решается путем контроля над дебиторской задолженностью, анализа ее структуры и динамики и своевременного применения соответствующих инкассационных процедур. Переоценить значимость данных действий в условиях экономического кризиса практически невозможно. Кроме того, снизить риски, связанные с дебиторской задолженностью, можно, используя:

- залог;
- банковскую гарантию;
- поручительство других организаций;
- факторинг;
- страхование дебиторской задолженности.

Особого внимания заслуживает такой финансовый инструмент, как факторинг. Факторинг – финансирование под уступку денежного требования, предоставляемое финансовым агентом (банком или специализированной компанией), которое, как правило, сопровождается комплексом дополнительных услуг, включая оценку кредитоспособности покупателей и контроль над дебиторской задолженностью. Таким образом, управление задолженностью покупателей фактически передается финансовому агенту, что решает многие проблемы организации (финансирование оборотных средств, снижение кредитных рисков, исключение кассовых разрывов и т. д.). Рынок факторинга в России в последние годы развивался очень активно, но в условиях повышения ключевой ставки в декабре 2014 года ставки по факторингу выросли до 30 % [7], и данная услуга стала недоступной для многих предприятий. Следовательно, в условиях экономического кризиса большинству предприятий придется справляться с управлением дебиторской задолженностью собственными силами.

В заключение необходимо отметить, что основное внимание в статье было уделено проблемам управления задолженностью покупателей и заказчиков. Однако в состав дебиторской задолженности также входят:

- расчеты с поставщиками и подрядчиками (по выданным авансам);
- расчеты по налогам и сборам;
- расчеты по социальному страхованию и обеспечению;
- расчеты с подотчетными лицами;
- расчеты с персоналом по прочим операциям (например, задолженность материально ответственных лиц в случае выявления недостач);

- расчеты по вкладам в уставный капитал;
- расчеты с прочими дебиторами.

В совокупности долги таких дебиторов, по данным статистики, составляют около половины всей дебиторской задолженности организаций. Следовательно, эффективное управление соответствующими расчетами оказывает существенное влияние на финансовые показатели работы предприятия. Особо отметим, что указанные виды дебиторской задолженности, в отличие от задолженности покупателей и заказчиков, не связаны с каким-либо положительным влиянием на работу предприятия, поэтому по возможности их следует минимизировать вплоть до полного исключения. В первую очередь это зависит от эффективности работы отдела снабжения (переход от авансовых расчетов с поставщиками к оплате по факту или с отсрочкой платежа), трудовой

дисциплины на предприятии, грамотно организованного внутреннего контроля за сохранностью имущества. Если такая задолженность все же возникла, то дальнейшие действия аналогичны работе с задолженностью покупателей и заказчиков: необходим контроль за соблюдением сроков погашения, анализ динамики, структуры, оборачиваемости задолженности, современное применение инкассационных мер.

Таким образом, в условиях экономического кризиса управление дебиторской задолженностью является одним из ключевых факторов успешной деятельности предприятия и включает в себя разработку и реализацию кредитной политики в отношении покупателей и заказчиков, систематический контроль и анализ дебиторской задолженности, а также последовательное применение инкассационных процедур.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волнин В. А. Кредитная политика предприятия: переход к системному управлению // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2010. № 5. С. 9–23.
2. Ефимова О. В. Финансовый анализ: современный инструментарий для принятия экономических решений. М.: Омега-Л, 2010. 351 с.
3. Об индексе потребительских цен в феврале 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/42.htm
4. Плеханова В., Николаев И. Кризис – 2008 в проекции на нынешнюю ситуацию: опыт практиков // Финансовый директор. 2015. № 1. С. 50–57.
5. Станкевич В. Как застраховать дебиторскую задолженность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fd.ru/articles/14899-kak-zastrahovat-debitorskuyu-zadolzhennost>
6. Финансы России – 2014 г.: Стат. сб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_51/Main.htm
7. Штанов В. Автозаводы пересматривают условия факторинга из-за его удорожания // Ведомости. 02.02.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/auto/articles/2015/02/02/dilerov-otklyuchayut-ot-faktoringa>

Vorontsova E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MANAGEMENT OF ACCOUNTS RECEIVABLE IN CONDITIONS OF ECONOMIC CRISIS

The accounts receivable is the most important type of current assets of any enterprise. Its main component – receivables of buyers and customers – is formed through provision of commercial loans to customers, which, on the one hand, increases the sales and, on the other hand, diverts funds from the market, leads to a loss of value due to the inflation and a risk of non-payment. During any economic crisis such negative effects are especially noticeable, making the formation of receivables' management system a crucial objective. The study considers the credit policy to be the basis for receivables' management system and indicates the necessity of adjustment of its basic parameters in the context of economic crisis. The research speaks of the importance of debt collection procedures. The study also mentions factoring as an alternative method instrumental in organization of customers' debt management. The need to manage other types of receivables is indicated as well.

Key words: accounts receivable, economic crisis, credit policy

REFERENCES

1. Volnin V. A. Credit policy of the company: go to the system management [Kreditnaya politika predpriyatiya: perekhod k sistemnomu upravleniyu]. *Finansovyy vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskiy uchët*. 2010. № 5. P. 9–23.
2. Efimova O. V. *Finansovyy analiz: sovremennyy instrumentariy dlya prinyatiya ekonomicheskikh resheniy* [Financial analysis: a modern tool for economic decision-making]. Moscow, Omega-L Publ., 2010. 351 p.
3. *Ob indekse potrebitel'skikh tsen v fevrale 2015 g.* [About the consumer price index in February 2015]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/42.htm
4. Plekhanova V., Nikolaev I. The crisis – 2008 in the projection on the current situation: the experience of practitioners [Krizis – 2008 v proektsii na nyneshnyuyu situatsiyu: opyt praktikov]. *Finansovyy direktor*. 2015. № 1. P. 50–57.
5. Stankevich V. *Kak zastrahovat' debitorskuyu zadolzhennost'* [How to insure receivables]. Available at: <http://fd.ru/articles/14899-kak-zastrahovat-debitorskuyu-zadolzhennost>
6. *Finansy Rossii – 2014 g.: Stat. sb.* [The Finance of Russia – 2014: Yearbook]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_51/Main.htm
7. Shtanov V. Car manufacturers are reviewing the conditions of factoring due to its appreciation [Avtozavody peresmatrivayut usloviya faktoringa iz-za ego udorozhaniya]. *Vedomosti*. 02.02.2015. Available at: <http://www.vedomosti.ru/auto/articles/2015/02/02/dilerov-otklyuchayut-ot-faktoringa>

Поступила в редакцию 23.03.2015

РУСЛАН ЕВГЕНЬЕВИЧ МАНСУРОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и экономики, директор Зеленодольского филиала, Институт экономики, управления и права (г. Казань) (Зеленодольск, Российская Федерация)
Russell_1@mail.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЗЕРНОПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ НЕОБХОДИМОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена анализу современного состояния зернопродуктового подкомплекса Вологодской области, а также оценке перспектив его развития с учетом необходимости обеспечения продовольственной безопасности. Проанализированы состояние и разработка прогноза развития зернопродуктового подкомплекса с расчетом ключевых показателей. Используются методы математического и сопоставительного анализа. В результате исследования было выявлено, что в настоящее время площадь посевов зерна пшеницы, ржи, овса, ячменя и тритикале в Вологодской области достаточная для обеспечения нормативного уровня потребления муки. При этом существует нехватка мукомольных мощностей. Совокупные мукомольные мощности в области составляют всего 5,2 тонны в сутки при требуемых 23,2 тонны в сутки. В перспективе до 2030 года для обеспечения потребности Вологодской области мукой потребуется увеличить мощности по переработке зерна в муку до 24,6 тонны в сутки и увеличить годовую выработку до 133 тыс. тонн. К сожалению, данные показатели не находят отражения в утвержденной Государственной программе развития агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы и это может представлять угрозу продовольственной безопасности региона.

Ключевые слова: сельское хозяйство, зернопродуктовый подкомплекс, продовольственная безопасность, производители зерна, переработчики зерна, мукомольные заводы, зонирование посевов зерна, прогноз состояния агропромышленного комплекса

В современных условиях, когда важным является достижение и обеспечение продовольственной безопасности, особую актуальность представляет развитие зернопродуктового подкомплекса как поставщика жизненно важных продуктов питания: хлебобулочных и макаронных изделий. Актуальность этого обусловлена негативными внешнеполитическими причинами, связанными с введением в отношении России рядом стран финансовых и экономических санкций. Кроме того, сейчас большинство отечественных сельскохозяйственных производителей, а также переработчиков сталкиваются с рядом системных и частных проблем, которые мешают нормальному динамичному развитию. К числу этих проблем можно отнести нехватку качественного семенного материала, низкую урожайность культур в сравнении с западными аналогами, нехватку сельхозтехники, удобрений, высокие риски ведения деятельности, высокий износ основных фондов, нехватка квалифицированного персонала, неэффективные и недостаточные механизмы государственного регулирования и поддержки и другие проблемы [2]. В то же время Россия обладает громадным почвенно-климатическим потенциалом для возделывания качественного зерна и большим потенциалом для его переработки. В таких условиях необходимым является разработка и реализация комплексной программы развития зернопродуктового подкомплекса страны

и каждого региона [3], [4]. Данные программы должны содержать конкретные показатели, рассчитанные с учетом необходимости достижения комплексного развития как производителей зерна, так и его переработчиков. Решению данной задачи и посвящена настоящая работа. Исследование проводилось в рамках зернопродуктового подкомплекса Вологодской области.

В настоящее время в районах Вологодской области площадь посевов, урожайность и сбор в амбарном весе пшеницы, ржи, овса, ячменя и тритикале как основных источников сырья для производства муки следующие (табл. 1)¹.

В 2014 году в весе после доработки получено 230,6 тыс. тонн зерна пшеницы, ржи, овса, ячменя и тритикале. Если рассмотреть идеальный случай и принять, что весь этот объем зерна по качественным показателям пригоден для производства муки и будет направлен на переработку на мукомольное производство, то при «выходе муки» на уровне 75 % [1] может быть произведено до 173 тыс. тонн муки, пригодной для изготовления хлебопекарных и макаронных изделий. Оценим потребность Вологодской области в данных продуктах. Согласно Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 года № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания»²,

Таблица 1

Площадь посевов, урожайность и валовой сбор пшеницы, ржи, овса, ячменя и тритикале в районах Вологодской области в 2014 году

Районы	Площадь посевов, га	Урожайность, ц/га	Намолочено в амбарном весе, т
Бабаевский	3004	6,9	2069
Бабушкинский	446	8,7	386
Белозерский	850	6,6	565
Вашкинский	1186	5,9	699
Великоустюгский	5740	19,1	10943
Верховажский	4433	10,3	4576
Вожегодский	1355	6,2	834
Вологодский	32324	24,6	79565
Вытегорский	0	0	0
Грязовецкий	12476	26,9	33597
Кадуйский	1355	10,7	1456
Кирилловский	3505	26,5	9303
Кичменгско-Городецкий	5319	10,6	5634
Междуреченский	2150	21,0	4516
Никольский	2736	10,8	2951
Нюксенский	826	3,6	298
Сокольский	6525	20,7	13488
Сямженский	336	6,5	217
Тарногский	5077	12,3	6234
Тотемский	4925	13,9	6835
Усть-Кубинский	3908	14,0	5469
Устюженский	4434	19,1	8473
Харовский	1650	9,7	1596
Чагодощенский	2336	3,2	744
Череповецкий	5843	12,6	7373
Шекснинский	12021	18,9	22745
Всего по Вологодской области	124760	18,5	230566

годовой норматив потребления хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку составляет 105 кг на человека. Численность населения Вологодской области³ составляет 1 193 371 чел. Соответственно норматив потребления будет составлять 125,3 тыс. тонн муки в год.

Из полученных результатов можно сделать вывод о том, что площадь посевов зерна пшеницы, ржи, овса, ячменя и тритикале в Вологодской области достаточная для обеспечения нормативного уровня потребления в муке.

Далее оценим возможности действующих мукомольных мощностей. В целом из крупных предприятий, занимающихся переработкой зерна в муку, можно выделить ООО «Вологодская мукомольная компания», ЗАО «Вологдазернопродукт» и ОАО «Вологодский комбинат хлебопродуктов»⁴. Совокупные мукомольные мощности в области составляют всего 5,2 тонны в сутки, что обеспечивает объем производства на уровне 28 тыс. тонн муки в год⁵. Более того, в перспективе до 2020 года, как указано в Государственной программе развития агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской

области, планируется увеличение производства муки всего до 45 тыс. тонн в год. При этом, как было рассчитано выше, годовой нормативный уровень составляет 125,3 тыс. тонн. Эта ситуация может представлять угрозу для обеспечения продовольственной безопасности Вологодской области по такой важной категории, как мука.

Очевидно, что актуальным является развитие в области мукомольных мощностей за счет строительства новых и реконструкции действующих предприятий. Однако их географическое размещение требует отдельного рассмотрения. Это обусловлено тем, что в настоящее время в структуре себестоимости сельскохозяйственной продукции существенную долю занимают транспортные затраты и разумным с точки зрения повышения экономической эффективности всего зернопродуктового подкомплекса является их оптимизация. Данному вопросу, а именно вопросу рационального размещения необходимых мукомольных мощностей, и посвящено дальнейшее рассмотрение.

Так, для решения поставленной задачи было проведено зонирование районов Вологодской об-

ласти, основным критерием которого выступала оптимизация удельных затрат на перевозку зерна к месту его переработки.

Анализ расстояний между населенными пунктами и выбор наименьших из них, осуществленный на основе данных автомобильного портала грузоперевозок «Автодиспетчер»⁶, позволили выделить пять сырьевых зон: Чагодощенская (Чг), Череповецкая (Чр), Вологодская (В), Тотемская (Т), Кичменгско-Городецкая (КГ) (рисунок).

Определенным допущением, которое в целом не снижает достоверности полученных результатов, является то, что в анализе принималось расстояние между населенными пунктами, а не конкретными полями. Это обусловлено тем, что такой подход позволяет существенно снизить трудоемкость расчетов и соответственно повысить оперативность при принятии управленческих решений.

Результаты проведенного анализа средних расстояний между центрами районов возделывания зерна и потенциальными местами переработки представлены в табл. 2.

Таким образом, целесообразнее с точки зрения оптимизации транспортных затрат осуществлять размещение мукомольных предприятий в выделенных зонах. С учетом того, что, как правило, в районных центрах лучше развита инфраструктура, а именно дороги и газо-, электро-снабжение, они являются наилучшим местом размещения мукомольных мощностей.

Рассчитаем необходимые мощности по переработке зерна в муку в разрезе выделенных зон в настоящее время и в перспективе до 2030 года, достижение которых важно с позиции необходимости обеспечения продовольственной безопасности (табл. 3).

Прогноз до 2030 года рассчитывался на основе прогноза роста численности населения России Федеральной службы государственной статисти-

стики, согласно которому к 2030 году ожидается увеличение численности населения в среднем по России на 6,14 %⁷.

Из полученных в табл. 3 расчетных результатов видно, что в настоящее время для обеспечения Вологодской области мукой на нормативном уровне необходимо, чтобы совокупные мукомольные мощности составляли 23,2 тонны в год, а объем производства муки был на уровне 125,3 тыс. тонн в год. В настоящее время объем совокупных мощностей составляет всего 5,2 тонны в сутки, а годовой объем производства – 28 тыс. тонн муки в год.

В перспективе до 2030 года необходимо будет обеспечить увеличение мукомольных мощностей до 24,6 тонны в сутки, а объем производства – до 133 тыс. тонн.

В заключение, подводя итог проведенному исследованию, отметим, что в настоящее время площадь посевов зерновых культур в Вологодской области достаточная с точки зрения производства необходимого количества сырья для обеспечения нормативного уровня потребления муки. В то же время существует острая нехватка мукомольных мощностей. Так, имеющиеся совокупные мукомольные мощности в области составляют всего 5,2 тонны в сутки. Для обеспечения населения на нормативном уровне требуется 23,2 тонны в сутки. Прогнозирование ситуации в перспективе до 2030 года показало, что потребуется увеличение мощностей по переработке зерна в муку до 24,6 тонны в сутки, что соответственно обеспечит увеличение годовой выработки до 133 тыс. тонн. Включение данных прогнозных показателей в Государственную программу развития агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы могло бы усилить продовольственную безопасность региона.

Зонирование районов Вологодской области

Таблица 2

Результаты зонирования районов Вологодской области

Районный центр / населенные пункты (районы)	Расстояние до центров зоны, км
Чагодощенская сырьевая зона (центр в пгт Чагода)	
Бабаевский (г. Бабаево)	73
Устюженский (г. Устюжна)	108
<i>Среднее расстояние доставки</i>	<i>91</i>
Череповецкая сырьевая зона (центр в г. Череповец)	
Шекнинский (пгт Шексна)	54
Кирилловский (г. Кириллов)	100
Вашкинский (с. Липин Бор)	158
Белозерский (г. Белозерск)	116
Кадуйский (пгт Кадуй)	58
<i>Среднее расстояние</i>	<i>97</i>
Вологодская сырьевая зона (центр в г. Вологда)	
Грязовецкий (г. Грязовец)	49
Междуреченский (с. Шуйское)	98
Сокольский (г. Сокол)	39
Усть-Кубинский (с. Устье-Кубенское)	72
Харовский (г. Харовск)	110
Сямженский (с. Сямжа)	118
Вожегодский (пгт Вожега)	177
<i>Среднее расстояние доставки</i>	<i>95</i>
Тотемская сырьевая зона (центр в с. Тотьма)	
Нюксенский (с. Нюксеница)	105
Тарногский (с. Тарногский Городок)	125
Бабушкинский (с. имени Бабушкина)	36
Верховажский (с. Верховажье)	143
<i>Среднее расстояние доставки</i>	<i>102</i>
Кичменгско-Городецкая сырьевая зона (центр в с. Кичменгский Городок)	
Никольский (г. Никольск)	63
Великоустюгский (г. Великий Устюг)	102
<i>Среднее расстояние доставки</i>	<i>84</i>
<i>Общее среднее расстояние доставки</i>	<i>94</i>

Таблица 3

Расчет рекомендуемых мукомольных мощностей в разрезе выделенных сырьевых зон в Вологодской области

Выделенные зоны	2014 год			2030 год		
	Численность, чел.	Требуемое количество муки, тонн	Требуемые мукомольные мощности, тонн в час	Численность, чел.	Требуемое количество муки, тонн	Требуемые мукомольные мощности, тонн в час
Чагодощенская	51806	5440	1,0	54987	5774	1,1
Череповецкая	471957	49555	9,2	500935	52598	9,7
Вологодская	497310	52218	9,7	527845	55424	10,3
Тотемская	70062	7357	1,4	74364	7808	1,4
Кичменгско-Городецкая	102236	10735	2,0	108513	11394	2,1
Итого по Вологодской области	1193371	125304	23,2	1266644	132998	24,6

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Оперативные данные по уборке зерновых Вологодской области / Департамент сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/>
- ² Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» // Сайт информационно-правового портала Гарант.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12179471>
- ³ Численность постоянного населения Вологодской области по состоянию на 01.01.2014 года / Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/osstat_ts_vologdastat.ru/statistics/population/
- ⁴ Каталог компаний. Крупяные, мукомольные заводы Вологодской области // Сайт Grainboard.ru. Портал о зерновом рынке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://grainboard.ru/litecat/zernovye_kompanii_muka_v_Vologodskoy_oblasti
- ⁵ Государственная программа развития агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 г. / Департамент сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/programms/1435---q-----2013-2020-q>
- ⁶ Расстояние между городами // Сайт «Автомобильного портала грузоперевозок «Автодиспетчер» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.avtodispatcher.ru>
- ⁷ Демографический прогноз до 2030 года / Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat.ru/statistics/population/demography/#

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дойловский Э. А. Мукомольное и крупяное производство. М.: АСТ, 2005. 192 с.
2. Зимняков В. Н. Модернизация агропромышленного производства // Нива Поволжья. 2012. № 4(25). С. 12–16.
3. Мельников А. Б. Продовольственная безопасность России в современных условиях // АПК: экономика, управление. 2012. № 10. С. 23–36.
4. Сидоренко В. В. Продовольственная безопасность в современном мире // Международный сельскохозяйственный журнал. 2012. № 2. С. 40–45.

Mansurov R. E., Institute of Economics, Management and Law (Kazan, Russian Federation)

DYNAMICS OF GRAIN SUBCOMPLEX DEVELOPMENT IN VOLOGDA REGION IN CONTEXT OF FOOD SECURITY PROVISION

The current state of the grain subcomplexes located in Vologda region is analyzed. The authors also assessed the prospects of subcomplexes' development taking into account the need to ensure the region's food security. The purpose of the paper is to analyze the status and development progress of the grain subcomplexes and calculate their key performance indicators. To carry out our research we employed mathematical methods and a comparative analysis. The study revealed that the volumes of crops, namely wheat, rye, oats, barley and triticale in Vologda region are sufficient to ensure the standard level of flour consumption. At the same time a lack of the flour-milling capacity was registered in the region. The aggregate milling capacity of the region amounts only to 5,2 tons of grain per day with the required 23,2 tons of grain per day. To provide the needs of the region with flour products it is necessary to increase its milling capacity up to 24,6 tons per day and enlarge annual milling capacity up to 133 000 tons. Such numbers should be achieved by 2030. Unfortunately, these numbers were not reflected in the already approved State program of the Agricultural Complex Development and Consumer Market Promotion for Vologda region for the period of 2013–2020. This may pose a serious threat to the fulfillment of the program aimed at food security provision in the region.

Key words: agriculture, grain products sub, food security, grain producers, processors of grain, flour mills, zoning grain crops, forecast for the agricultural sector

REFERENCES

1. Doylovskiy E. A. *Mukomol'noe i krupyanoe proizvodstvo* [Flour and cereal production]. Moscow, AST Publ., 2005. 192 p.
2. Zimnyakov V. N. Modernization of agricultural production [Modernizatsiya agropromyshlennogo proizvodstva]. *Niva Povolzh'ya*. 2012. № 4(25). P. 12–16.
3. Mel'nikov A. B. Food safety of Russia in modern conditions [Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v sovremennykh usloviyakh]. *APK: ekonomiki, upravlenie*. 2012. № 10. P. 23–36.
4. Sidorenko V. V. Food security in the modern world [Prodovol'stvennaya bezopasnost' v sovremennom mire]. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal*. 2012. № 2. P. 40–45.

Поступила в редакцию 01.12.2014

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
schernov@karelia.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАКРОРЕГИОНА АРКТИКА*

Рассматривается широкий круг проблем, связанных с определением роли и места Арктической зоны России в обеспечении стратегических национальных интересов страны. Российская часть Арктики – достаточно абстрактное понятие, на сегодняшний день юридически закрепленной южной границы нет. Арктический макрорегион имеет важнейшее значение для устойчивого развития России, обеспечения ее национальных интересов, экономики, обороноспособности, экологической безопасности. Однако сегодня отсутствует базовый закон «Об Арктической зоне Российской Федерации», продолжается его разработка и доработка. Обосновывается необходимость законодательного выдвижения Арктической зоны в самостоятельный объект государственной региональной политики.

Ключевые слова: стратегические национальные интересы, природные ресурсы, охрана окружающей среды, транспортная система, управление социально-экономическим развитием, административно-территориальные образования, приарктический регион, федеративные отношения, федерализм

Арктическая зона России определена решением Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 года. По площади этот регион занимает около 3,1 млн кв. км (или 18 % территории России). Площадь континентального шельфа в Арктической зоне России составляет более 4,0 млн кв. км (около 70 % всего континентального шельфа РФ). Арктике присущи экстремальные природно-климатические условия, серьезно отрицательно влияющие на здоровье проживающих в этом регионе людей [1].

14 апреля 2015 года прошло первое заседание государственной комиссии по вопросам развития Арктики под руководством вице-премьера Дмитрия Рогозина, на котором был утвержден план работы комиссии на 2015 год. Первоочередной задачей госкомиссии должна стать выработка предложений по выстраиванию единой системы нормативно-правовых актов Арктического макрорегиона. Д. Рогозин предложил создать единый закон об Арктике. Минэкономики и Минюсту до 1 сентября предложено провести «анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей правоотношения на территории Арктической зоны РФ» [8].

Существует много нерешенных проблем по всему спектру правового регулирования: от конкретных вопросов предоставления льгот населению арктических районов до установления правового режима Северного морского пути и определения границ суверенных прав России в Арктике. Таким образом, требуется увеличение массива специальных нормативных правовых актов, нацеленных на решение комплексных проблем. К примеру, существует порядка 500 актов нормативного характера, регулирующих отноше-

ния в Арктическом регионе, но только 6 законов, посвященных специальным вопросам развития полярных территорий (в основном правам коренных малочисленных народов) [5].

Статья 42 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии – так называемое экологическое право. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» определяет благоприятную окружающую среду как окружающую среду, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Закон также развивает положение Конституции, закрепляя право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение вреда окружающей среде.

Природа Арктики требует к себе особого бережного отношения и пристального внимания, постоянного мониторинга и контроля. Любое загрязнение и утечка в арктических условиях приводят к необратимым последствиям, так как в холодном климате разложения вредных веществ не происходит [11]. Сегодня отсутствуют консолидированные федеральные средства для ликвидации накопленного экологического ущерба в Арктической зоне России, не планируется утверждение федеральной целевой программы «О ликвидации накопленного экологического ущерба», не предусмотрено средств на ликвидацию экологического ущерба в Арктике в дей-

ствующих государственных программах. При этом отсутствуют правовые основания для работы с накопленным экологическим ущербом [12].

Статья 9 Конституции РФ определяет статус земли и других природных ресурсов. Она закрепляет отношение к природным ресурсам как к основе жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В данном положении об использовании земли и других природных ресурсов предусмотрена и их охрана. Использование природных ресурсов допускается только с соблюдением экологического законодательства, устанавливающего норму охраны окружающей среды.

Важнейшая и актуальнейшая проблема Арктики и приарктического региона, в который мы включаем и Карелию как ближайший тыл Арктики, в недостатках и неопределенности до конца межбюджетных отношений, от которых зависит разрешение всех перечисленных ранее проблем. В соответствии с Конституцией РФ, которая определяет основу формирования системы бюджетного федерализма в России, бюджеты всех уровней (федеральный, субъектов Федерации и местные) провозглашаются как самостоятельные финансовые институты, действие которых базируется на разграничении налогов и бюджетных расходов по уровням бюджетной системы. Конституция Российской Федерации также выделяет совместные бюджетные и налоговые полномочия Федерации и ее субъектов, устанавливает их взаимосвязь и взаимозависимость [2].

Если проанализировать многие современные нормативные акты, программные документы, принятые государством, особенно программы развития в различных сферах, например до 2020 года, то можно сделать вывод о том, что такие понятия, как «федеративные отношения», «федерализм», там почти не упоминаются. Упор в современных нормативных актах, программах развития делается на регионы. Активно используется термин «макрорегион» (например, макрорегион Арктика).

Бюджетный федерализм представляет собой систему налогово-бюджетных взаимоотношений органов власти и управления различных уровней на всех стадиях бюджетного процесса. Основным принципом указанных отношений – сочетание общегосударственных и региональных интересов, включая интересы местных бюджетов. К сожалению, в российских законодательных актах определение бюджетного федерализма отсутствует.

В системе межбюджетных отношений в России сохраняется крайне высокая централизация налогово-бюджетных полномочий на уровне федеральной власти. Региональные местные бюджеты имеют избыточные финансовые обязательства, возложенные на них федеральным законодательством, но не обеспеченные источниками финансирования.

Особенностью российского бюджетного федерализма является наличие значительного разрыва в уровне бюджетной обеспеченности субъектов Федерации. Центральные органы, осуществляя функции макроэкономического регулирования и перераспределения ВВП, сосредотачивают у себя наиболее важные налоговые доходы, ослабляя доходную базу территориальных бюджетов.

В Республике Карелия в 2013 году многие макроэкономические показатели ухудшились, что привело к снижению позиций в рейтинге регионов. В 2013 году индекс промышленного производства в республике составил 93,3 % по отношению к предыдущему году. Из-за неблагоприятной гидрологической ситуации произошло снижение производства на местных ГЭС. Негативная динамика производства сохраняется в деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Сократились инвестиции в основной капитал по сравнению с предыдущим годом на 17,8 %. Это не могло не сказаться на сокращении доходов консолидированного бюджета и росте его дефицита. Правда, в 2014 году индекс промышленного производства составил 100,3 % к прошлому году, однако на уровень 2012 года так и не поднялся [9].

Россия сегодня переходит к «федерализации» стратегического управления, что связано с решением задач современной стадии социально-экономического развития страны. Предполагается баланс интересов и взаимодействие всех уровней публичного управления – федерального, регионального и муниципального.

В Российской Федерации возрастает актуальность стратегического управления регионами и установления различных форм интеграционного взаимодействия региональных систем в социально-экономическом пространстве страны.

Примеры подобной федерализации стратегического управления уже имеются, например макрорегион Арктика. Это национальные проекты, которые активно иницируются и финансируются федеральным центром (хотя примерно на 2/3 охватывают полномочия субфедеральных органов управления) при финансовой и организационной поддержке со стороны самих регионов.

Почему это происходит? Ученые видят проблему в том, что потеря управляемости и проявления дезинтеграции между регионами России несут угрозу дальнейшему существованию и развитию экономики страны, снижают эффективность государственной региональной политики. Это связано еще и с тем, что необходимо реализовать совместные инфраструктурные проекты, провести кооперацию ресурсных потенциалов социально-экономического развития географически близких регионов для укрепления их конкурентных позиций в глобальном экономическом пространстве [10].

В то же время существует неопределенность места макрорегиона в сложившейся системе

управления регионами, отсутствие концепции, эффективных форм и методов взаимодействия различных территориальных систем.

На совещании, посвященном проблемам создания в стране научно-образовательных центров, в июле 2008 года в то время президент РФ Д. А. Медведев высказался против использования термина «макрорегион», поскольку он не отражает административно-территориального деления современной России [3].

До сих пор не определен статус макрорегиона. Это можно наблюдать на примере макрорегиона Арктика. Второй Международный арктический правовой форум «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты» проходил 13–14 ноября 2014 года в Санкт-Петербурге, обсуждение вопросов повестки дня дало много пищи для размышлений.

На форуме специалисты и эксперты в сфере освоения Арктики обсудили формы регулирования хозяйственной деятельности в Арктической зоне, правовые нормы природопользования, перераспределение полномочий и развитие Северного морского пути.

Однако статус Арктической зоны как объекта правового регулирования до сих пор не определен. Необходимо разработать и принять закон «Об Арктической зоне». Принятие такого закона повлечет за собой изменения и в уже существующих нормативных актах как на федеральном, так и региональных уровнях.

Существует несколько проектов соответствующего закона. В резюме законопроекта «Об Арктической зоне РФ», разработанного Tenzor Consulting Group [6], есть ряд спорных пунктов, которые, на наш взгляд, противоречат принципам федерализма.

Говоря о достоинствах своего законопроекта, разработчики указывают на то, что в нем определен статус Арктической зоны как особого объекта государственного управления и регулирования; определены цели и особенности государственного управления и регулирования развития Арктической зоны; определены особенности бюджетной политики в Арктической зоне; сформирована система субъектов государственной политики Российской Федерации в Арктике; определены меры координации и согласования интересов субъектов государственной политики Российской Федерации в Арктике.

В законопроекте предлагается закрепить за Арктической зоной особый статус *макроэкономической зоны* (ст. 8), что позволит выделить Арктическую зону в самостоятельный субъект государственного управления и позволит повысить эффективность этого управления, не изменяя при этом административно-территориального деления, существующего на сегодняшний день в РФ.

Реформаторы убеждены, что социально-экономическое развитие России требует модерниза-

ции региональной политики, в частности, через организацию системы стратегического управления на межрегиональном и макрорегиональном уровне. А почему этот процесс должен идти через ломку федеративных отношений, федеративных экономических связей?

Реформаторы утверждают, что новая региональная политика «предполагает эффективную трансформацию региональных систем управления с приоритетом сбалансированного пространственного развития российского общества и организации межрегионального сотрудничества. Этот процесс должен сопровождаться совершенствованием регионального стратегического планирования и повышением роли институтов стратегического партнерства государства, регионов, общественных объединений, бизнеса и экспортного сообщества» [9].

Появление макрорегиона в административно-территориальном делении России будет способствовать дублированию многих государственных функций на региональном уровне, многократно увеличивает штат работников властных структур и управления на местах.

Вместе с тем практика регионального планирования на длительный период имеет ряд недостатков и базируется на устаревшей методологии стратегического управления. При формировании долгосрочных планов до 2020 или 2030 годов часто не анализируются и не принимаются во внимание специализированные ресурсы и активы региональных систем как объектов долгосрочного планирования. Основным недостатком разработанных в федеральных округах и регионах стратегий являются их формализм и имитационный характер [2].

Стоит важная задача по установлению особых режимов природопользования и охраны окружающей среды в Российской Арктике. Решение данной задачи, очевидно, требует законодательных мер на федеральном уровне. Вместе с тем и субъекты Российской Федерации должны внести свой вклад как в развитие, так и в сохранение Арктики. Важно осуществить правовое обеспечение создания точек развития и роста в Арктике при сохранении и рациональном использовании ее ресурсного потенциала. На повестке дня проблемы малочисленных народов Севера, экологии, особенностей местного самоуправления. Необходимо тщательная подготовка изменений федерального и регионального законодательства [7]. Однако с этими проблемами могут справиться федеральный центр и власть субъекта Федерации, подключение к этому процессу третьей стороны (создание макрорегиона) приведет, как уже отмечалось, к дублированию функций, увеличению чиновников. Не зря на Арктическом форуме неоднократно звучали предложения учредить Министерство Арктики. Правда, на следующий

день Правительство РФ категорично отказало в создании новой структуры.

О важности Арктики говорит то, что продолжается разработка закона «Об Арктической зоне РФ», принята Стратегия развития Арктики до 2020 года.

На сегодняшний день базовым нормативным актом, определяющим государственную политику в Арктике, являются «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», утвержденные президентом РФ 18 сентября 2008 года. В нем был введен новый термин – Арктическая зона РФ, как отдельная территория в политическом, экономическом и правовом плане.

В соответствии с законодательством РФ, под Арктической зоной РФ понимается часть Арктики, в которую входят полностью или частично территории Республики Саха (Якутия), Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов. Поэтому актуальной является определение «частично» для ряда субъектов, например Якутии и Красноярского края. Не совпадает предполагаемый макрорегион с административными границами субъектов Федерации.

Отношение к Арктике как к единому макрорегиону заявлено в «Докладе о развитии человека в Арктике» (2004) [4], где Север (и Арктика как его часть) впервые рассматривается в качестве самостоятельного региона со своей особой арктической идентичностью.

Самое интересное, что в материалах понимание региона связано с административным смыслом и географической привязкой. Однако региональная политика России в Арктике не имеет законодательных основ ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Арктическая зона РФ не является единой региональной единицей страны, центром или сосредоточием слаженного, взаимовыгодного процесса регионального развития [2].

Границы региона Арктика формируют не только части субъектов, имеющих выход к Северному Ледовитому океану, но и целые административно-территориальные единицы субъектов Российской Федерации.

Несмотря на целый ряд разработанных концепций и предложенных законопроектов, в том числе и по макрорегионам, региональный срез

остаётся одним из наименее развитых элементов государственной экономической политики, он имеет большие перспективы, его можно разрабатывать дальше, не усложняя надуманными положениями.

Есть много неясного в теории и методологии вопроса, не ясны критерии географических, природно-климатических и иных различий между регионами России и даже их частями. Какое место приполярных территорий в Арктической зоне? Если резко отделять Арктику от приполярных территорий, например Мурманскую область от Карелии, не получим ли мы пустые северные районы Карелии, не включенные в программу освоения Арктики? В результате сохраняется сильное социальное неравенство в социально-экономическом развитии территорий, отсутствует единая федеральная политика регионального развития. Это может привести к нарушению теоретических принципов федерализма и экономического федерализма.

Федерализация должна иметь единую федеральную политику регионального развития. Это должен быть механизм формирования в субъектах Федерации условий и стимулов устойчивого экономического развития на основе собственных ресурсов. Только тогда, когда этих ресурсов будет не хватать, можно привлекать инвестиционные и иных финансовые ресурсы федерального центра. Необходимо законодательное закрепление за субъектами РФ безусловного права на бюджетную самостоятельность. Для России отказ от принципов федерализма, для того чтобы извлечь казалось бы явную выгоду, приведет к тяжелым стратегическим, экономическим и политическим потерям. Надо развивать экономико-правовые основы федерализма, учитывая государственные и общественные потребности, поддерживать равновесие между укреплением властной вертикали и сохранением полномочий и ответственности в субъектах и муниципалитетах. Попыткой создать новый элемент в системе экономико-правовых основ было образование федеральных округов, однако их роль в сфере экономического управления оказалась достаточно ограниченной. В настоящее время с аналогичной целью предлагается формирование так называемых макрорегионов, полезность которых надо еще доказать.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арктика, Проблемы устойчивого развития арктической зоны России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=9698>
2. Бухвалд Е. М. Российский федерализм на критическом рубеже развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://institutiones.com/general/962-rosijskij-federalizm.html>
3. Газета.Ru. 2008. 24 июля.
4. Доклад о развитии человека в Арктике (2004) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.svs.is/images/pdf_files/ahdr/Russian_version/00_Predislovie.pdf

5. Институт представил концепцию развития Арктического права на Гайдаровском форуме 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izak.ru/news.html?id=760>
6. Об Арктической зоне РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://b2blogger.com/pressroom/154702.html>
7. Образы Российской Арктики в официальном дискурсе: поиск основания для макрорегиональной идентичности // Арктика и Север. 2013. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arctal.ru/ru/blog/67.html>
8. Первое заседание государственной комиссии по вопросам развития Арктики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arctica-ac.ru/newstext/29/>
9. Рейтинг социально-экономического положения регионов – итоги 2013 года: Автореф. дисс. ... д-ра экон. наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://riarating.ru/regions_rankings/20140522/610617283.html
10. Решиев С. С. Теоретико-методологические подходы к совершенствованию региональной политики и стратегическому управлению социально-экономическим развитием макрорегиона: Автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. Грозный, 2012.
11. РИА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/arctic_news/20150407/1057051879.html#ixzz3X2IIzgas
12. Темами заседания Арктической комиссии могут стать проблемы экологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/arctic_news/20150407/1057051879.html

---

Chernov S. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF ARTIC MACROREGION

The article deals with the wide range of problems associated with the definition of the role of the Arctic zone of the Russian Federation in the sphere of strategic national interests. The Russian part of the Arctic is an abstract term. At present, there is no legal regulation defining the Russian borders of the southern part of the Arctic. The Arctic macroregion plays an important role in sustainable development of the country ensuring Russian national interests, its economic development, defensive capacity, and environmental security. However, the federal law on the Arctic zone of the Russian Federation has not been adopted yet. It is still in the process of legal drafting. The need to establish the Arctic zone as an independent subject of the state regional politics is supported.

Key words: strategic national interests, natural resources, environmental protection, transport infrastructure, management of socio-economic development, administrative-territorial units, subarctic region, federal relations, federalism

REFERENCES

1. *Arktika, Problemy ustoychivogo razvitiya arkticheskoy zony Rossii* [The Arctic, problems of the sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation]. Available at: <http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=9698>
2. Bukhval'd E. M. *Rossiyskiy federalizm na kriticheskom rubezhe razvitiya* [Russian federalism at the critical point of its development]. Available at: <http://instituciones.com/general/962-rosijskij-federalizm.html>
3. *Gazeta.Ru*. 2008. July, 24.
4. *Doklad o razvitiy cheloveka v Arktike (2004)* [Report on human development in the Arctic]. Available at: http://www.svs.is/images/pdf_files/ahdr/Russian_version/00_Predislovie.pdf
5. *Institut predstavil kontseptsiyu razvitiya Arkticheskogo prava na Gaydarovskom forume 2015* [The Institute presented the concept of development of the Arctic right at the Gaidar forum 2015]. Available at: <http://www.izak.ru/news.html?id=760>
6. *Ob Arkticheskoy zone RF* [On the Arctic zone of the Russian Federation]. Available at: <http://b2blogger.com/pressroom/154702.html>
7. Images of the Russian Arctic in the official discourse: the search for basis for macroregional identity [Образы Россиyskoy Arktiki v ofitsial'nom diskurse: poisk osnovaniya dlya makroregional'noy identichnosti]. *Arktika i Sever*. 2013. № 11. Available at: <http://arctal.ru/ru/blog/67.html>
8. *Pervoe zasiedanie gosudarstvennoy komissii po voprosam razvitiya Arktiki* [The first session of the state commission on the issues of development in the Arctic]. Available at: <http://arctica-ac.ru/newstext/29/>
9. *Reyting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov – itogi 2013 goda: Avtoref. diss. ... d-ra ekon. nauk* [Rating of socio-economic positions of the regions: results of 2013: abstract of a doctoral thesis]. Available at: http://riarating.ru/regions_rankings/20140522/610617283.html
10. Reshiev S. S. *Teoretiko-metodologicheskie podkhody k sovershenstvovaniyu regional'noy politiki i strategicheskomu upravleniyu sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem makroregiona: Avtoref. diss. ... d-ra ekon. nauk* [Theoretico-methodological approach to the improvement of regional politics and strategic management of socio-economic development of the macroregion: abstract of a doctoral thesis]. Groznyy, 2012.
11. *RIA Novosti*. Available at: http://ria.ru/arctic_news/20150407/1057051879.html#ixzz3X2IIzgas
12. *Temami zasiedaniya Arkticheskoy komissii mogut stat' problemy ekologii* [Topics of the meetings of the Arctic Commission can become environmental problems]. Available at: http://ria.ru/arctic_news/20150407/1057051879.html

Поступила в редакцию 18.05.2015

ИРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЕРМОЛАЕВА

соискатель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

irina.ermolaeva@yahoo.com

ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ДАННЫМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ*

Целью работы является изучение содержания административных правонарушений в области экологии. Впервые проведенное исследование статистики экологических правонарушений на примере Республики Карелия позволило определить основные характеристики этого вида правонарушений. За последние пять лет наблюдается рост количества регистрируемых экологических административных нарушений. Они являются массовыми, их в 35 раз больше, чем экологических преступлений, а по объемам наносимого вреда окружающей среде они сопоставимы с ущербом от экологических преступлений. Основными нарушителями норм экологического законодательства являются физические лица (70 % всех нарушителей), значительно меньше – юридические (25 %) и должностные лица (5 %). Противоправное поведение физических лиц выражается чаще всего в форме браконьерства – до 60 % всех нарушений; наибольшее количество экологических административных нарушений приходится на районы Республики Карелия с более высоким уровнем безработицы населения (Муезерский, Беломорский, Суоярвский и Пудожский), а наименьшее – районы с доминированием городского населения и более высоким уровнем занятости (Петрозаводск, Кондопога, Костомукша, Кемь и Сегежа).

Ключевые слова: количественные и качественные показатели административных экологических правонарушений, государственная политика судопроизводства в области экологии

Основной целью государственной политики РФ в области экологии являются повышение уровня экологической безопасности и сохранение природных систем. В Государственной программе Российской Федерации «Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы» отмечается, что окружающая среда испытывает высокий уровень антропогенной нагрузки, снижение уровня биологического разнообразия и др. Президент РФ в послании Федеральному Собранию РФ на 2015 год отметил, что необходимо уделить особое внимание экологическим вопросам, здоровью нации, семьи.

В «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» выделены главные проблемы экологической безопасности и сохранения природных систем, связанные с глобальными изменениями климата, нарастанием экологического ущерба, агрессивной экономической деятельностью различных отраслей народного хозяйства и т. д. Для решения этих проблем предлагается совершенствование нормативно-правовой базы в сфере охраны окружающей среды, рационального природопользования и экологической безопасности населения, а также усиление любого вида ответственности (в том числе и административной) за нарушение норм экологического законодательства.

Вопросам анализа правовых норм экологического законодательства уделяется большое

внимание. Тем не менее до настоящего времени административно-правовая ответственность за нарушение норм в этой области комплексно не исследовалась [2; 6], [3; 7] и др. В РФ отсутствуют официальные статистические данные по количеству экологических административных правонарушений. Статистическая отчетность представлена только на уровне экологических преступлений по данным МВД РФ (Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики – <http://www.gks.ru>). Статистика по экологическим административным правонарушениям представлена на уровне субъектов РФ (в государственных докладах Министерств по природопользованию и экологии о состоянии окружающей среды) не в полном объеме и не по всем направлениям. В связи с этим мы считаем целесообразным рассмотреть вопрос сравнения статистических данных по экологическим преступлениям и экологическим правонарушениям.

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, количество зарегистрированных экологических преступлений в РФ с 2000 по 2010 год возросло почти в три раза с 14818 до 46607. Эта тенденция в рассматриваемый период отмечена и по субъектам РФ. Например, в Республике Карелия (РК) число данных преступлений выросло почти в 3 раза (со 123, или 0,26 % всех экологических преступлений, до 349, или 0,75 %). Основная масса преступных деяний в России с 2000 по 2014 год приходилась

на незаконную рубку лесных насаждений (более 50 % от всего количества) и незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов (около 40 %). В РК наблюдалась тождественная картина. Доля экологических преступлений в РФ за рассматриваемый период в общем количестве всех зарегистрированных преступлений составляла 0,9–1,5 %, а в РК от 0,36 до 1,86 % от всех экологических преступлений в РФ. С 2011 по 2014 год наблюдается тенденция снижения количества экологических преступлений в РФ (с 5 до 25 % в год). В настоящее время количество экологических преступлений от общего количества преступлений, по экспертным оценкам, может составлять в РФ не менее 3–5 % [1; 390].

Экологические административные правонарушения имеют массовый характер. Их количество значительно превышает количество экологических преступлений [2; 3]. Проведенные нами с 2010 по 2014 год исследования в РК по данным судебной практики касались актуальных вопросов определения характерных особенностей административных правонарушений в сфере экологии (состояние, динамика, удельный вес, структура экологических нарушений и т. д.). Анализ официальных данных сайтов судебных участков мировых судей РК (Официальный сайт мировой юстиции Республики Карелия – <http://www.mirsud.karelia.ru>), районных (городских) судов РК, Верховного суда Республики Карелия (Официальный сайт Верховного Суда Республики Карелия – <http://www.vs.kar.sudrf.ru>) показал, что ежегодно судами общей юрисдикции рассматривалось более 200 экологических административных нарушений, или около 1,5 % всех административных правонарушений. Нормы экологического законодательства нарушают в основном физические (68 %) и юридические лица (25,3 %). Должностные лица представлены незначительно (6,7 %).

В РК нарушения норм экологического законодательства (почти 90 %) распределены в основном среди следующих трех статей Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 года № 195-ФЗ (далее КоАП РФ):

– ст. 8.37 КоАП РФ (Нарушение правил охоты, иных правил пользования объектами животного мира и правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного рыболовства, прибрежного рыболовства и других видов рыболовства) – 57,1 % (данный вид нарушения выявлен инспекцией Управления охотничьего хозяйства Министерства сельского, рыбного и охотничьего хозяйства РК по государственному контролю и надзору в сфере охраны и использования объектов животного мира и инспекцией Отдела государственного контроля, надзора и рыбоохраны по РК Северо-Западного территориального управления Федерального агентства по рыболовству);

– ст. 6.3 КоАП РФ (Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения) – 16,0 % (данный вид нарушения выявлен инспекцией Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по РК и инспекцией Министерства по природопользованию и экологии РК);

– ст. 8.39 КоАП РФ (Нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях) – 15,3 % (данный вид нарушения выявлен инспекцией Министерства по природопользованию и экологии РК).

Качественному составу данных видов нарушений, видимо, способствует наличие в Карелии значительных территорий, покрытых лесами, большого количества рек, озер, водохранилищ и особо охраняемых природных территорий.

Нарушения КоАП РФ, связанные с санитарно-эпидемиологическими требованиями и правилами охраны атмосферного воздуха, представлены следующими статьями:

– ст. 6.4 КоАП РФ (Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта) – 7,6 %;

– ст. 6.6 КоАП РФ (Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к организации питания населения) – 4,7 %;

– ст. 8.21 КоАП РФ (Нарушение правил охраны атмосферного воздуха) – 7,4 %.

Наименьшее количество нарушений норм КоАП РФ выявлено в области лесного законодательства (не более 1,5 % каждая статья КоАП РФ):

– ст. 8.25 КоАП РФ (Нарушение правил использования лесов);

– ст. 8.26 КоАП РФ (Самовольное использование лесов, нарушение правил использования лесов для ведения сельского хозяйства, уничтожение лесных ресурсов);

– ст. 8.28 КоАП РФ (Незаконная порубка, повреждение либо выкапывание деревьев, кустарников или лиан);

– ст. 8.31 КоАП РФ (Нарушение правил санитарной безопасности в лесах). Следует отметить, что основными нарушителями норм лесного законодательства являются юридические лица (более 90 %).

Наибольшее количество экологических административных нарушений приходится в основном на районы РК, расположенные в средней и северной частях: Муезерский, Беломорский, Суоярвский и Пудожский (9–10 % на каждый район). Причиной, на наш взгляд, является более высокий уровень безработицы населения в этих районах по сравнению с другими районами.

По данным судебной практики, наименьшее количество вышеперечисленных нарушений

характерно для районов с низким уровнем безработицы населения и с доминированием городского населения (численностью 30–40 тыс. чел.): Петрозаводск, Кондопога, Костомукша, Кемь, Сегежа и другие (от 1,2 до 3,6 %, в среднем около 2 %). Следует отметить, что при проведении последней Всероссийской переписи населения в 2010 году в состав большинства администраций крупных населенных пунктов (городов) были отнесены и сельские поселения. Например, в г. Петрозаводске (с самой высокой численностью населения по РК и без сельских населенных пунктов) отмечен и самый низкий уровень нарушения норм экологического законодательства – менее 1 %.

По данным официального сайта судебных участков мировых судей РК, не зарегистрировано экологических административных правонарушений на 13 судебных участках мировых судей г. Петрозаводска (за исключением одного судебного участка мировых судей № 10). Отсутствие дел об экологических административных правонарушениях, по нашему мнению, связано с территориальной подсудностью или границами судебных участков, которые располагаются на территории города. Нарушения норм экологического законодательства в РК связаны в основном с большими территориями, не заселенными людьми (лесные массивы, водоемы и т. д.). Так, например, на единственном судебном участке (№ 10) мировых судей г. Петрозаводска, на территории которого (согласно территориальной подсудности) встречаются лесные массивы, зарегистрировано одно административное экологическое нарушение.

В районах РК, в которых наблюдается преобладание сельского населения (численность около 15–20 тыс. человек), отмечен более высокий уровень нарушения норм экологического законодательства (Олонецкий и Прионежский районы – около 5 %).

В районах РК с неразвитой промышленностью (Калевальский, Муезерский и Лоухский) зарегистрирован довольно высокий уровень нарушений норм экологического законодательства (от 3 до 10 %, в среднем около 7 %).

Основными причинами нарушения норм экологического законодательства физическими лицами, на которые приходится почти 70 % всех нарушителей, на наш взгляд, являются: постоянно растущее увеличение материальной и финансовой дифференциации, низкий уровень доходов и высокий уровень безработицы населения. Противоправное поведение физических лиц совершается чаще всего в форме браконьерства (по ст. 8.37 КоАП РФ до 60 %, по данным судебной практики). Следует отметить, что браконьерство в данном случае иногда может выступать как один из источников существования или доходов физического лица.

Анализ дел, рассмотренных Арбитражным судом РК, показал, что результаты его деятельности можно классифицировать по трем основным направлениям:

– признание незаконным решения административного органа о привлечении лиц к административной ответственности с изменением величины размера санкции (более половины всех рассмотренных дел);

– признание незаконным решения административного органа о привлечении лиц к административной ответственности с отменой санкции в виде предупреждения или штрафа (четверть всех рассмотренных дел);

– признание незаконным решения административного органа о привлечении лиц к административной ответственности частично, с изменением части размера санкции, назначив наказание в виде штрафа на меньшую сумму (четверть всех рассмотренных дел).

Статья 3.2 КоАП РФ устанавливает следующие виды административных наказаний: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный арест, административное выдворение за пределы РФ иностранного гражданина или лица без гражданства, дисквалификация, административное приостановление деятельности, обязательные работы, административный арест на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения.

По данным судебной практики в РК, за экологические правонарушения применяется менее трети перечисленных видов административных санкций:

1) в отношении физических лиц применяются такие меры, как:

– предупреждение (0,1 % от всех экологических правонарушений);

– штраф в размере от 100 до 5000 руб. без конфискации орудий добычи (98,0 % от всех экологических правонарушений);

– штраф в размере от 1000 до 5000 руб. с конфискацией орудий добычи (1,9 % от всех экологических правонарушений);

2) особенностью административной ответственности в отношении юридических лиц является наложение штрафа в размере от 10 тыс. до 80 тыс. руб. с конфискацией орудий добычи или без таковой;

3) должностные лица несут ответственность за экологические правонарушения в виде штрафа в размере от 1000 до 10000 руб.

В заключение можно сделать следующие выводы. Исходя из судебной практики в РК, следует акцентировать внимание судов на использование иных административных санкций (лишение специального права, предоставленного физическому

лицу, административный арест, административное выдворение за пределы РФ иностранного гражданина или лица без гражданства, дисквалификация, административное приостановление деятельности, обязательные работы) и применение мер по ужесточению наказания за административно-правовые нарушения.

Более половины всех экологических административных нарушений совершается по ст. 8.37 КоАП РФ.

Особенным является то, что нормы экологического законодательства нарушают в основном физические лица (70 %).

Наибольшее количество экологических административных нарушений приходится на районы РК, расположенные в средней и северной ее частях (Муезерский, Беломорский, Суоярвский и Пудожский), а наименьшее – на районы с доминированием городского населения (Петрозаводск, Кондопога, Костомукша, Кемь, Сегежа).

Анализ данных надзорных и судебных органов РК за последние пять лет показал рост количества регистрируемых экологических административных нарушений, их совершается почти в 35 раз больше, чем экологических преступлений.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жа дан В. Н. Актуальные вопросы криминологической характеристики экологических преступлений // Молодой ученый. 2013. № 4. С. 387–393.
2. Деревьянко Л. А. Административные правонарушения в сфере экологии: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
3. Яковлева Е. А. Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2010. 27 с.

Ermolaeva I. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE OFFENCES IN ENVIRONMENTAL LEGISLATION ACCORDING TO JUDICIAL PRACTICE

The aim of this work is to study the content of administrative violations in the field of ecology. For the first time, a study of statistics of environmental violations on the example of the Republic of Karelia allowed us to define the main characteristic features of this type of offense. The relevance of the topic lies in the fact that in the last five years the Republic has seen the rise in the number of registered environmental administrative violations. The offences are massive and, according to the data, are performed 35 times more often than environmental crimes. In terms of the inflicted harm these offences are comparable to the damage caused by environmental crimes. The results of the study run as the following: the main violators of environmental legislation are individuals (70 % of all offenders), much less are legal bodies (25 %) and administrative officials (5 %); wrongful conduct of individuals is expressed most often in the form of poaching — up to 60 % of all violations. The greatest number of environmental administrative violations, occurring in the areas of Karelian Republic, is registered on the territories with the high level of unemployment. (Muezerskiy, Belomorskiy, Suojarviy and Pudozhskiy regions). The lowest level of legal violations is characteristic of the areas with prevailing urban population and high levels of employment (Petrozavodsk, Kondopoga, Kostomuksha, Kem and Segezha).

Key words: quantitative and qualitative indicators of administrative and environmental offences, public policy proceedings in the field of ecology

REFERENCES

1. Zhadan V. N. Topical issues of the criminological characteristics of environmental offences [Aktual'nye voprosy kriminologicheskoy kharakteristiki ekologicheskikh prestupleniy]. *Molodoy uchenyy* [The Young scientist]. 2013. № 4. P. 387–393.
2. Derevyanko L. A. *Administrativnye pravonarusheniya vsfere ekologii: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Administrative violations in the field of ecology. Aspt. legal sci. diss.]. Moscow, 2003. 24 p.
3. Yakovleva E. A. *Problemy administrativno-pravovoy otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [The problems of administrative and legal responsibility for environmental offenses. Aspt. legal sci. diss.]. Irkutsk, 2010. 27 p.

Поступила в редакцию 13.05.2015

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА СОФРОНОВА
аспирант кафедры зоологии и экологии эколого-биологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ansofronova@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Рассматривается и сравнивается правовое регулирование экологических вопросов в Финляндии и Российской Федерации, определяются способы формирования внутригосударственной национальной экологической политики. Рассматривается ее содержание на примере ряда источников, таких как Федеральный закон РФ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г., Закон Финляндии «Об охране окружающей среды» (№ 527/2014), Экологическая доктрина РФ, Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, а также других национальных стратегий России и Финляндии, посвященных вопросам экологии. Финское законодательство в сфере охраны окружающей среды и природопользования долгое время находилось под влиянием права Европейского Союза, однако в последнее время в нем становятся заметны национальные черты и амбиции. Экологическая политика Финляндии обращена к сосуществованию экологии и экономики на принципах устойчивого развития в условиях демократизации и основана на привлечении общественности к исполнению природоохранных программ и повышению ее культурного, социально-экономического уровня. Экологическая политика Российской Федерации, в свою очередь, направлена на создание более эффективной административной модели управления в сфере природопользования и рассматривает концепцию устойчивого развития как принцип экологизации отраслей экономики.

Ключевые слова: Финляндия, Россия, правовое регулирование, национальная экологическая политика, устойчивое развитие, охрана окружающей среды, природопользование

Первая задача современного государства – при помощи доступных и легальных механизмов регулирования поднять общество на такой уровень развития, чтобы обеспечить защищенность прав человека на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду.

За время, прошедшее с исторической конференции в Стокгольме в 1972 году, в мировом сообществе сменилось множество концепций отношения к охране природы и природопользованию, выработывались нормативы и принципы, появлялись новые международные инструменты для урегулирования экологических проблем. Однако в XXI веке до сих пор не теряет позиции беспокойство о том, что человеческая деятельность угрожает окружающей среде, и экологи не устают предвещать глобальный экологический кризис. На фоне озабоченности как глобальными вопросами (наподобие климатических изменений), так и более частными (нехваткой природных ресурсов в связи с их нерациональным использованием, экономических кризисов, в том числе падения цен на природные ресурсы) в странах происходит выработка национальной идеи, которая удовлетворила бы потребности человека – и, возможно, в первую очередь, потребность в стабильности.

Экологическая политика современных России и Финляндии основывается на воспринятой обе-

ими странами концепции устойчивого развития. Благодаря этому приоритеты и основные ценности соседствующих стран совпадают и позволяют им двигаться в одном направлении: экологизации экономики, рационального пользования ресурсами и повышения ценности природных благ [1], [5].

Экологическая политика государства формируется на основе ряда элементов: принципов, приоритетов и целей, а также субъектов и механизмов ее реализации.

Выражается она в форме норм и принципов, закрепленных в регулирующих экологические правоотношения правовых актах либо в специализированных документах: концепциях, стратегиях и программах. Они определяют приоритеты, озвучивают ценности и направления, в которых следует действовать для того, чтобы прийти к наиболее эффективной и устойчивой модели экологического управления.

Субъектами национальной экологической политики выступают государство и его органы, а также общественные организации.

Согласно преамбуле Федерального закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды», правовые основы государственной экологической политики должны обеспечивать сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия

и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Закон Финляндии «Об охране окружающей среды» (Ympäristönsuojelulaki № 527/2014) также заботится о предотвращении загрязнения окружающей среды и возмещении причиненного ей вреда, экологическом разнообразии, здоровой и благоприятной устойчивой природной среде, улучшении возможностей граждан в сфере влияния на принятие решений, связанных с окружающей средой, устойчивым использованием природных ресурсов и борьбе с изменениями климата.

В рамках определения и проведения единой экологической политики, разработки и принятия планов и программ по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей природной среды в обеих странах разрабатываются экологические концепции государственного развития и целевые программы, принимаются ежегодные планы правительства по вопросам рационального использования природных ресурсов и охране окружающей природной среды и другие экологические документы.

Согласно принятой в 2002 году Экологической доктрине Российской Федерации, стратегической целью государственной политики в области экологии является сохранение природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны.

Принятой в соответствии с поручением Президента Российской Федерации по итогам заседания Государственного совета Российской Федерации и утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года определяется цель экологической политики как «значительное улучшение качества природной среды и экологических условий жизни человека, формирование сбалансированной экологически ориентированной модели развития экономики и экологически конкурентоспособных производств», а также «сохранение глобального биосферного потенциала и поддержание глобального экологического равновесия».

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537, сменившей Концепцию национальной безопасности 1997 года, есть раздел, посвященный экологии живых систем и ра-

циональному природопользованию. Стратегия представляет собой базовый документ по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности.

Экология живых систем и рациональное природопользование названы в числе национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны. Согласно документу к основным экологическим проблемам, с которыми сталкивается Россия, относятся истощение природных ресурсов, опасные производства, существование экологически неблагоприятных регионов и глобальные изменения климата.

Утвержденная распоряжением Правительства РФ от 27.08.2009 года Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года закрепляет базовые принципы государственной политики в области использования и охраны водных объектов. Она призвана создавать условия для эффективного взаимодействия между участниками водных отношений, устанавливать, каким образом должны быть приняты и реализованы управленческие решения по сохранению водных экосистем, которые имеют наибольшее социальное и экономическое значение.

В 2015 году заканчивается действие Программы обеспечения ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 19 апреля 2007 года № 484-р, среди заказчиков которой были Федеральная служба России по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. На службу в том числе возлагались контроль за ходом осуществления мероприятий Программы и организация комплексных проверок. Для того чтобы служба могла осуществлять свою деятельность в этой сфере, был утвержден план выделения целевых субсидий на нужды в рамках реализации мероприятий, таких как создание систем мобильных, дистанционных и других специальных технических средств информационного обеспечения Единой государственной автоматизированной системы мониторинга радиационной обстановки на территории Российской Федерации в аварийных ситуациях.

Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ от 30 апреля 2012 года, приняты в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, а также федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами субъектов

Российской Федерации и документами долгосрочного стратегического планирования, включая Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р.

Основы рассматривают сложившуюся в последние годы неблагоприятную экологическую обстановку, характеризуя ее высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности (п.п. 2 части I). Основы определяют цель, принципы, основные задачи политики и механизмы реализации предложенных документом мер. Особое внимание предполагается уделить нескольким группам вопросов. Первая – это вопросы, касающиеся изменения нормативов, экологической экспертизы и сертификации, экологического мониторинга, введения в действие системы декларирования соблюдения экологических требований и экологического аудита. Вторая – вопросы утилизации и захоронения отходов. К третьей группе можно отнести меры, связанные с увеличением ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды.

Главную цель национальной политики в области экологии Основы определяют, не выходя из знакомой области устойчивого развития. Они выделяют ряд социально-экономических задач, решение которых должно привести к «экологически ориентированному росту экономики» (п.п. 12 части IV). Терминология при этом не уточняется, однако предлагается разработать некую новую модель развития экономики, при которой эффект негативного воздействия на окружающую среду будет минимизирован.

Основы привычно обращаются к идеям сохранения благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Фактически же на принципах Основ и во исполнение этого документа в 2012 году был принят утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2012 года № 2423-р План действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. В Плане перечислены целевые программы и другие мероприятия, включая темы докладов для заседаний правительства, а также указаны ответственные органы, которым делегированы те или иные полномочия по исполнению пунктов плана. Как правило, это

различные министерства Российской Федерации и исполнительные органы субъектов.

В Финляндии программы охраны окружающей среды и научно-исследовательские программы принимаются с целью всестороннего изучения состояния окружающей среды, воздействия на нее человеческой деятельности, выявления экологических тенденций и взаимодействия между всеми этими факторами. Исследования могут фокусироваться на отдельных элементах или изучать широкий комплекс вопросов, сосредоточиться на текущей ситуации и на долгосрочных тенденциях, касаться вопросов местного значения или глобальных проблем.

Принимая стратегии, касающиеся внутренней и внешней экологической политики, правительство Финляндии следует в направлении, предложенном Европейским Союзом и зафиксированном международными конвенциями. Например, с целью внедрения соответствующих международных принципов и целей развития в сфере энергетической и климатической политики действовала созданная в 2008 году министерская рабочая группа. Результатом ее работы стала долгосрочная Национальная энергетическая и климатическая стратегия от 20 марта 2013 года (Kansallinen energia- ja ilmastostrategia 20.03.2013). Эта программа основана на политике Евросоюза в области климата и энергетики после 2030 года, а также иных международных договорах, заключенных Финляндией: в частности, Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотском протоколе, а также соглашениях, принятых на конференциях по изменению климата на Бали в 2007 году и в Дурбане в 2011 году. Главными целями договоров, соглашений и стратегий является сокращение выбросов антропогенных парниковых газов, которые считаются основной причиной изменений климата в мире.

Как член ЕС, Финляндия принимает и выполняет программы, связанные с проведением экологической политики на территории других стран.

Решением № 1600/2002/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 июля 2002 года по созданию Шестой программы действий Европейского сообщества в области окружающей среды страны, входящие в Союз, организовали ряд мероприятий по борьбе с незаконными лесозаготовками и лесооборотом, что было также поручено странам – членам Союза информационным сообщением Еврокомиссии от 21 мая 2003 года «Совершенствование правоприменения, управления и торговли в лесном секторе (FLEGT): предложения по Плану действий ЕС» [2]. Таким образом, Финляндия, как участник программы добровольных партнерских соглашений FLEGT, участвует в международной программе устойчивого управления лесами. Министерство ино-

странных дел Финляндии принимает, например, «Руководство политикой развития лесного сектора», направленное на помощь в лесопользовании и охране лесов ряда стран третьего мира, таких как Кения, Лаос, Северный Таиланд и другие [3].

Министерство окружающей среды Финляндии принимает также такие законодательные акты, как Проект законодательной программы по окружающей среде в период с 2014 по 2015 год. В нем рассматриваются необходимые шаги по созданию особо охраняемых природных территорий, вопрос о реформе сельскохозяйственной политики, изменениях в водном законодательстве, законопроект об оценке экологических последствий и другие [6]. Как и План действий по реализации Основ государственной политики России, этот документ представляет собой перечень природоохранных, природопользовательских и законотворческих мероприятий, которые должны быть исполнены к определенному сроку. Однако в качестве исполнителей в нем указаны конкретные лица, занимающие государственные должности, которым и даны поручения: по предоставлению информации в форме доклада, по формированию рабочей группы для создания законопроекта и прочие.

Министерство окружающей среды Финляндии регулярно выпускает популярные брошюры, в которых описывает состояние окружающей среды, представляет населению планы по ее поддержанию и улучшению, принимает обязательства и обозначает принципы. Так, в 2013 году Комиссия по устойчивому развитию Финляндии пересмотрела прежнюю Национальную стратегию, предложив вместо нее документ, который подытоживает основные идеи, сложившиеся в обществе по поводу национальной политики, и называется «Какой мы хотим видеть Финляндию к 2050 году» [5]. Преамбула описывает Финляндию будущего как процветающее социальное государство, нашедшее равновесие между использованием природных ресурсов и сохранением допустимого уровня социально-экологической нагрузки на природу, но, кроме того, страна предстает в роли влиятельного члена мирового сообщества, способствуя установлению «мира, равенства и справедливости» и предлагая практические решения глобальных проблем.

В отличие от российского подхода, делающего ставку на «вертикальное», административное управление на пути к устойчивому развитию, Финляндия приходит к мысли о необходимости социального метода. При его работе важную роль играет общественность, а решения вырабатываются на основе сотрудничества между государственными и неправительственными организациями, предприятиями, исследователями и объединениями граждан. Поэтому цели и задачи, поставленные перед ними, отличаются от тех, что озвучивает в национальных экологических стратегиях законодатель РФ. В частности, в нем больше социальных требований, таких как равенство возможностей, сокращение дискриминации и поддержка коренных народов; укрепление демократии с целью создать активное неравнодушное общество с высокой культурой и участием молодежи в политике; устойчивая экономика и «зеленые» рабочие места при возобновлении промышленности; экономическое и социальное укрепление местных общин для того, чтобы создать наиболее комфортные условия для жизни граждан [5].

Таким образом, для Финляндии принятие этой программы означает, что государство, исполняя свои функции управления, берет на себя социальные, экономические и экологические обязательства, за реализацией которых осуществляет контроль специализированный орган – Комиссия по устойчивому развитию. В число ее задач входит проведение мониторинга экологических показателей и их изменений в процессе реализации мероприятий, проводимых в соответствии с программными тезисами.

Итак, одной из действенных форм осуществления государственного экологического управления является создание национальной стратегии развития в исследуемой области – социального, культурного и правового фундамента, на котором возводится система государственных мер по охране окружающей среды и природопользованию. Российская Федерация и Финляндия следуют в этой сфере международному опыту, привнося в него национальные особенности и вырабатывая собственное понимание таких концепций, как устойчивое развитие, рациональное природопользование и ответственность перед будущими поколениями.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приоритеты национальной экологической политики России / Под. ред. В. М. Захарова. М.: Институт устойчивого развития. Центр экологической политики России, 2009. 152 с.
2. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament Forest Law Enforcement, Governance And Trade (FLEGT) proposal for an EU Action Plan / Commission of the European Communities. Brussels, 2003. 32 p.
3. Development policy guidelines for forest sector. Ministry for foreign affairs of Finland, 2013. Available at: <http://formin.finland.fi/>

4. Kansallinen energia- ja ilmastostrategia 20.03.2013. Työ- ja elinkeinoministeriön julkaisu. Energia ja ilmasto. Edita Publishing Oy, 2013. 55 p.
5. Suomi, jonka haluamme 2050. Ympäristöministeriö, 2014. Available at: http://www.ym.fi/FI/Ymparisto/Kestava_kehitys/Kestavan_kehityksen_yhteiskuntasitoutumus
6. Ympäristöministeriön lainsäädäntöohjelma 2014–2015. Ympäristöministeriö, 2014. Available at: http://www.ym.fi/FI/Lainsaadanto/Lainsaadanto_ymparistoministeriossa%283894%29

Sofronova A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

NATIONAL ENVIRONMENTAL POLICY IN RUSSIA AND FINLAND AS A FORM OF PUBLIC ADMINISTRATION

A comparative analysis of legal regulations concerning environmental issues encountered in Finland and the Russian Federation is carried out. The methods employed for national environmental policy development are determined. The essence of ecological policy practiced in both countries is analyzed with the help of legal sources including the Federal Law “On Environmental Protection” of 10.01.2002, the laws of Finland “On Environmental Protection” (№ 527/2014), the Environmental Doctrine of the Russian Federation, the Concept of long-term social and economic Development of the Russian Federation for the period up to 2020, as well as other national strategies of Russia and Finland, dedicated to environmental issues. For a long time Finnish legislation in the field of environmental protection was largely influenced by the European Union law. However, in recent times it began to assume its national character and ambitions. Finland’s environmental policy incorporates coexistence of ecology and economy on the principles of sustainable development in conditions of democratization. It is also based on the wide involvement of general public in the execution of environmental programs and enhancement of its cultural, social and economic levels. Environmental policy of the Russian Federation aims to create more efficient administrative management models instrumental in solving environmental issues and examines the concept of sustainable development as a principle of ecologically friendly industries.

Key words: Finland, Russia, legal regulation, national environmental policy, sustainable development, environmental protection, natural resources

REFERENCES

1. *Prioritety natsional'noy ekologicheskoy politiki Rossii* [Priorities of National Ecological Policy of Russia] / Edited by V. M. Zaharov. Moscow, Institute for Sustainable Development. Center for Russian Environmental Policy Publ., 2009. 152 p.
2. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament of the Forest Law Enforcement, Governance And Trade (FLEGT) proposal for an EU Action Plan / Commission of the European Communities. Brussels, 2003. 32 p.
3. Development policy guidelines for forest sector. Ministry for foreign affairs of Finland, 2013. Available at: <http://formin.finland.fi/>
4. Kansallinen energia- ja ilmastostrategia 20.03.2013. Työ- ja elinkeinoministeriön julkaisu. Energia ja ilmasto. Edita Publishing Oy, 2013. 55 p.
5. Suomi, jonka haluamme 2050. Ympäristöministeriö, 2014. Available at: http://www.ym.fi/FI/Ymparisto/Kestava_kehitys/Kestavan_kehityksen_yhteiskuntasitoutumus
6. Ympäristöministeriön lainsäädäntöohjelma 2014–2015. Ympäristöministeriö, 2014. Available at: http://www.ym.fi/FI/Lainsaadanto/Lainsaadanto_ymparistoministeriossa%283894%29

Поступила в редакцию 01.06.2015

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА СУХАНОВА

заместитель начальника учебно-методического отдела УФССП РФ по РК, старший преподаватель Северного (г. Петрозаводск) филиала Российской правовой академии МЮ РФ, аспирант юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
suhanova-tatyana@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ НОВАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Вопросы принудительного исполнения являются весьма актуальными во все времена, поскольку система принудительного исполнения судебных решений и актов других органов нуждается в совершенствовании. В настоящее время исполнительное производство в Российской Федерации находится на стадии развития. В процессе исполнения судебных решений и актов уполномоченных органов Федеральной службой судебных приставов России (далее Служба) осуществляется обмен информацией как с различными ведомствами, так и с гражданами, применение современных технологий в данной сфере является одним из важнейших аспектов создания информационного общества. Век информационных технологий диктует свои правила, в том числе в области исполнительного производства. Служба активно внедряет в свою работу информационные технологии. В настоящее время системы принудительного исполнения России и Финляндии имеют много общего. Статья посвящена информационным новациям в сфере исполнительного производства России и Финляндии. Автор исследует информационные новации и перспективы преемственности положительного опыта зарубежных коллег.

Ключевые слова: исполнительное производство, информационные новации, системы принудительного исполнения

Принудительное исполнение исполнительных документов, вступивших в законную силу, – это сложный, многоуровневый процесс, вверенный органам государственной власти не только на территории Российской Федерации, но и в иных иностранных государствах. Каждая система принудительного исполнения уникальна. Положительный опыт и позитивная динамика деятельности систем органов исполнительной власти иностранных государств заслуживает преемственности и внимания.

Исполнительное производство представляет собой установленный законом порядок принудительной реализации судебных актов и актов иных органов, имеющий своей целью обеспечение реальной защиты нарушенных или оспоренных субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов. В исполнительном производстве субъективное материальное право или охраняемый законом интерес, которые были нарушены или оспорены, получают свое восстановление посредством использования механизмов государственного принуждения, установленного законом [6; 5].

В Российской Федерации, как и в Финляндии, действует государственная система принудительного исполнения («In Finland... no private enforcement of judgments or private enforcement officers. The officials of the enforcement authority who take care of the enforcement tasks are bailiffs and enforcement officers») [7; 211].

Основные законодательные акты, регулирующие исполнительное производство, в Финляндии, как и в Российской Федерации, вступили в законную силу с 2008 года. В Российской Федерации это Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее Закон), в Финляндии Исполнительный кодекс – Enforcement Code (L705/2007).

В данной статье хотелось бы остановиться на информационных технологиях, способствующих повышению эффективности принудительного исполнения, и новациях законодательства, совершенствующих процесс исполнения.

В процессе исполнительного производства органы принудительного исполнения Финляндии активно используют информационные технологии. Весь исполнительный процесс осуществляется на основе информационной системы взысканий, поддерживаемой с помощью автоматической обработки данных, что, в свою очередь, облегчает и ускоряет процесс принудительного исполнения и обеспечивает доступ к информационным данным в отношении должника [3].

В Финляндии с января 2000 года вступил в силу Закон «Об использовании электронных технологий в государственных учреждениях» (The Act on Electronic Service in the Administration). В соответствии с данным законом «электронный документ» – это электронное сообщение, которое влияет на постановку или обработку некоторого вопроса или на управление решени-

ями. При необходимости представления какого-либо документа в письменной форме он может быть представлен в виде электронного документа или сообщения. Таким образом, заявление о принудительном исполнении может быть подано не только в письменном, но и в электронном виде [1; 159]. Заявление доставляется в местный орган исполнительной власти оснащенной системой для приема электронных сообщений либо электронным сообщением, переданным через техническую ссылку в общенациональную информационную систему принудительных взысканий. При поступлении заявления в информационную систему взысканий система автоматически начинает сбор информации о должнике, обращаясь к реестрам органов государственной власти, владеющих информацией о должнике и его имуществе.

Доступ судебных исполнителей к данным иных органов государственной власти ускоряет процесс исполнения и оптимизирует процесс взаимодействия с этими органами. Так, пристав может в течение 24 часов получить информацию о банковских счетах должника, о зарегистрированной на его имя собственности, а также любую информацию от страховых компаний, транспортных организаций и пр.

Данная информационная система создана в целях управления функциями, возложенными на органы власти, и предназначена для использования национальными органами принудительного исполнения. Стороны исполнительного производства регулярно информируются через информационную систему принудительных взысканий о полученных суммах по делу о принудительном взыскании и других сопутствующих факторах. Следует отметить, что при оплате долга система автоматически убирает должника из списка должников.

Информационная система включает в себя реестр принудительных взысканий, который поддерживается и управляется для выполнения задач органов принудительного исполнения, и состоит из национального каталога и локально поддерживаемых реестров. Цель информационной системы и реестра принудительных взысканий заключается в содействии эффективности управления, руководства, инспектирования и надзорных функций по управлению исполнительным производством, а также ведению статистики. Обработка секретных данных органами принудительного исполнения может осуществляться только в той мере, в которой это необходимо. Доступ судебных исполнителей к данным иных органов государственной власти ускоряет процесс исполнения и оптимизирует процесс взаимодействия с этими органами.

Персональные данные в Финляндской Республике являются публичными и могут предоставляться по запросу и за определенную плату. Любое лицо имеет право получить от местных органов принудительного исполнения выписку

из реестра принудительных взысканий в отношении лица, указанного им в качестве ответчика по делу о принудительном взыскании [3].

В Российской Федерации, со слов директора Службы А. О. Парфенчикова, в целом для Службы приоритетным направлением повышения эффективности принудительного исполнения является активное внедрение информационных технологий. Налаживание процесса автоматизации процессуальных действий судебных приставов-исполнителей напрямую может повлиять на значительное сокращение сроков получения информации об имущественном положении должников. Для налаживания этого процесса Службой проведена большая работа по обеспечению юридически значимого электронного документооборота с ведомствами, обладающими информацией об имуществе должника.

Для примера, еще два-три года назад судебный пристав-исполнитель тратил на получение информации из кредитных учреждений более 10 дней, на сегодняшний день срок сокращен до 2 дней. Таким образом, сокращается срок списания денежных средств, подлежащих взысканию. В настоящее время в режиме электронного документооборота со Службой работает около 50 кредитных организаций.

В онлайн-режиме на официальном сайте Службы (www.r10.fssprus.ru) функционирует банк данных исполнительных производств. В данном электронном приложении можно получить информацию о наличии задолженности, контактную информацию отдела судебных приставов, где возбуждено исполнительное производство, и возможность осуществить оплату посредством различных платежных систем [2; 129].

В настоящее время Службой организовано взаимодействие с рядом платежных сервисов, что позволяет должнику, воспользовавшись услугой любого такого сервиса, в онлайн-режиме оплатить задолженность по исполнительному производству при помощи интернет-портала, мобильного телефона, с использованием терминала [5; 14].

Также следует сказать о длительном взаимодействии Службы с операторами сотовой связи. Речь идет не только о межведомственном взаимодействии в части получения ответов на запросы по получению информации о наличии у должников зарегистрированных номеров сотовой связи, но и о вводе в эксплуатацию сервиса уведомления должников о возбуждении исполнительного производства по SMS-оповещению.

Кроме того, внедрена система добровольного SMS-оповещения о наличии задолженности по исполнительным документам. Для получения информации должник посылает SMS на номер 4345 с префиксом ФССП и своими паспортными данными или ИНН, в ответ ему приходит сообщение о наличии или отсутствии задолженности. В случае наличия задолженности приходит

ответ, где указаны номер исполнительного производства, структурное подразделение, сумма задолженности.

Опыт финских коллег представляет значительный интерес, и его позитивные моменты могли бы быть заимствованы и использованы в будущем при совершенствовании российского законодательства в сфере исполнительного производства.

Внедрение информационных технологий позволит Службе в будущем выйти на новую ступень в сфере развития информатизации, повысить оперативность действий должностных лиц в ходе исполнения требований исполнительных документов и обеспечить соблюдение прав и законных интересов граждан на судебную защиту, гарантированные Конституцией РФ, на этапе принудительного исполнения [4; 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуреев В., Туунайнен П. Исполнительное производство в Российской Федерации и Финляндии: международное и национальное исполнение: Научно-практ. пособие / Пер. с фин. Л. Коломайнен. М.: РПА Минюста России, 2011. 216 с.
2. Интервью директора ФССП России А. О. Парфенчикова информационно-аналитическому журналу «Вестник Московского антикоррупционного комитета» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2014. № 8.
3. Сазанов С. В., Могилёва И. Ю. Организация структуры органов принудительного исполнения Финляндской республики // Юридический мир. 2010. № 5.
4. Сборник материалов научно-практической конференции «Эффективность принудительного исполнения и актов иных органов»: г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 8–11 июня 2011 г. / Отв. ред. А. О. Парфенчиков и Д. Х. Валеев. М.: Статут, 2011. 430 с.
5. Сборник материалов научно-практической конференции «Принудительное исполнение судебных решений и актов других органов в отношении юридических лиц (Проблемные аспекты)»: г. Воронеж, 4–8 июня 2012 г. / Отв. ред. А. О. Парфенчиков и Д. Х. Валеев. М.: Статут, 2013. 352 с.
6. Треушников М. К. Гражданский процесс: Учебник. М.: Городец, 2007. 672 с.
7. Laura Ervo. Civil justice in Finland. Tokyo: Jigakusha, 2009. 327 с.

Sukhanova T. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INFORMATIONAL INNOVATIONS OF ENFORCEMENT PROCEDURE IN RUSSIA AND IN FINLAND

The system of compulsory enforcement of court judgments and acts of other bodies needs to be developed and improved due to the low level of execution of court decisions. Currently, the Russian system of court enforcement proceedings is in development. The Federal Service of court bailiffs of Russia implements informational exchange practice (with different departments as well as with people) in the process of court judgments' enforcement and acts of other authorized bodies. The use of modern technologies in this area is one of the key factors in developing information-oriented society. The age of information technologies dictates its rules to all areas of life including law enforcement. The Russian Federal Service of court bailiffs actively employs informational technologies in its work. Contemporary enforcement systems of Russia and Finland have a lot in common. The article deals with the issue of new information technologies' introduction into the enforcement system of both countries, Russia and Finland. Analysis of the experience gained by the foreign colleagues and its continuity in the area of information technologies' introduction are studied by the author.

Key words: enforcement, information innovations, enforcement organization

REFERENCES

1. Gureev V., Tuunaynen P. *Ispolnitel'noe proizvodstvo v Rossiyskoy Federatsii i Finlyandii: mezhdunarodnoe i national'noe ispolnenie* [Enforcement proceedings in the Russian Federation and Finland: international and national execution]. Scientific and practical guide; translation from Finnish L. Kolomainen. Moscow, The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation Publ., 2011. 216 p.
2. *Interv'yu direktora Federal'noy sluzhby sudebnykh pristavov A. O. Parfenchikova informatsionno-analiticheskomu zhurnalu "Vestnik Moskovskogo antikorrupcionnogo komiteta"* [Interview director of the Federal Bailiffs Service A. O. Parfenchikov for information and analytical magazine "Bulletin of the Moscow Anti-Corruption Committee"]. *Byulleten' Federal'noy sluzhby sudebnykh pristavov*. 2014. № 8.
3. Sazanov S. V., Mogileva I. Yu. The organization structure of the enforcement of the Republic of Finland [Organizatsiya struktury organov prinuditel'nogo ispolneniya v Finlyandskoy Respublike]. *Yuridicheskiy mir*. 2010. № 5.
4. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Effektivnost' prinuditel'nogo ispolneniya sudebnykh resheniy i aktov drugikh organov"* [Publications of the International scientific conference "Efficiency of enforcement proceedings of court judgments and acts of other official authorities": Kazan (Volga region) Federal University, June 8–11 2011] / Editors in- chief A. O. Parfionchikov and D. Kh. Valeev. Moscow, Statut Publ., 2011. 430 p.
5. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Prinuditel'noe ispolnenie aktov sudov i inykh organov v otshosenii yuridicheskikh lits (organizatsiy i predprinimateley) (Problemye aspekty)* [Publications of the International scientific conference "Enforcement of court judgments and acts of other official authorities against the legal persons (organization and individual entrepreneurs) problematic aspects": Voronezh, June 4–8 2012 / Editors – in- chief A. O. Parfionchikov and D. Kh. Valeev]. Moscow, Statut Publ., 2013. 352 p.
6. Treushnikov M. K. *Grazhdanskiy protsess* [Civil proceedings: textbook]. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 672 p.
7. Laura Ervo. *Civil justice in Finland*. Tokyo: Jigakusha, 2009. 327 p.

Поступила в редакцию 08.06.2015

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Серия «Общественные и гуманитарные науки» включает в себя следующие рубрики, соответствующие трем отраслям наук: «Исторические науки и археология» (07.00.00), «Филологические науки» (10.00.00), «Экономические науки» (08.00.00); двум группам специальностей из отрасли «Педагогические науки»: «Общая педагогика. История педагогики и образование» (13.00.01) и «Теория и методика профессионального образования» (13.00.08); двум группам специальностей из отрасли «Юридические науки»: «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» (12.00.02) и «Административное право; административный процесс» (12.00.14).

Представляемые в журнал рукописи должны соответствовать тематике журнала и содержать материалы, не опубликованные ранее в других изданиях. Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами. Статья должна состоять из следующих элементов на русском и английском языках: УДК в левом верхнем углу. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный и почтовый адреса, контактные телефоны). Название статьи жирным шрифтом заглавными буквами.

Аннотация (объем от 120 до 250 слов) является кратким резюме большей по объему работы. Аннотация может публиковаться самостоятельно и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации. Она является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал. Структура аннотации должна повторять структуру статьи и включать введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы). Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Ключевые слова – от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).

Список литературы должен быть представлен на отдельных листах в 2 вариантах:

1) на русском языке в соответствии с ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество) приводится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы;

2) список литературы должен быть записан на языке оригинала латинскими буквами (References). Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника. Как правило, библиографические описания российских публикаций составляются в следующей последовательности: авторы (транслитерация), перевод названия статьи на английский язык, название статьи в транслитерированном варианте в квадратных скобках, название источника (транслитерация, курсив), выходные данные с обозначениями на английском языке.

В тексте статьи ссылка дается в квадратных скобках, через точку с запятой – цитируемая страница, если это необходимо.

Законодательные акты, постановления, архивные и исторические источники оформляются в виде Примечаний.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

Редакция оставляет за собой право внесения в текст редакторских изменений, не искажающих смысла статьи.

Более подробная информация для авторов дана на сайте журнала: uchzap.petrso.ru.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, редакция не рассматривает. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- Egorov A. K.*
RUMORS AS OBJECT OF HISTORICAL RESEARCH 7
- Pashkova T. V.*
PUBLIC HEALTH AND TRADITIONAL MEDICINE IN KARELIAN VILLAGES IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES 11
- Blyshko D. V.*
CONSTRUCTION OF REALITY: CONCEPTS OF DAILY LIFE HISTORY IN POST-SOVIET DOCUMENTARY FILMMAKING 15
- Vanichev S. V.*
FINNISH DEPARTMENT OF KARELIAN RADIO COMMITTEE IN 1930S: CHARACTERISTIC FEATURES OF ITS ACTIVITY 20
- Zontova E. F.*
COUNTRY ESTATE “MIKHAILOVSKOE” AFTER PUSHKIN’S DEATH (1837–1899)..... 25
- Kovpak D. A.*
“I AM STILL STROLLING IN THAT NAVAL COAT”: GREAT PATRIOTIC WAR AND A. L. SHAPIRO CAREER..... 28
- Murav’ev A. O.*
CLANDESTINE ACTIVITY OF FINNISH COMMUNIST PARTY IN FINLAND OF 1923–1928..... 33
- Suzi G. V.*
DISTRICT ZONING OF NEW TERRITORIES OF KARELIAN-FINNISH UNION REPUBLIC AND LENINGRAD REGION IN 1940..... 38

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Bogdanova N. A.*
ORIENTATION OF STUDENTS TOWARDS TEACHING PROFESSION BY PROJECT ACTIVITIES 43
- Baskova T. B.*
INDIVIDUALIZATION OF ECOLOGICAL EDUCATION IN BOARDING SCHOOLS AS CONDITION OF SOCIALIZATION SKILLS’ DEVELOPMENT IN TEENAGERS 48

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Guseva E. R.*
PARTICLE CONJUNCTIONS IN NORTHERN RUSSIAN DIALECTS (COMPLEX WITH *L*-, *N*-PARTICLES, INITIALS *I*-) 52

- D’yachkova I. N.*
NUMERALS IN “RUSSIAN GRAMMAR” BY A. A. BARSOV..... 56
- Fedorov M. A.*
EVOLUTION OF CONCEPTUAL METAPHOR “TIME IS A VALUABLE COMMODITY” IN BRITISH LINGUOCULTURE 61
- Boeva G. N.*
POETICS OF HORROR BY LEONID ANDREEV: PERCEPTION ASPECT 66
- Zakharchenko S. O.*
LITERARY PREFERENCES OF OPTINA MONKS ... 71
- Pashkova T. V.*
THE HEALING PROPERTIES OF TREES IN THE KARELIAN MEDICAL PRACTICE (EXPERIENCE OF COMPILATION) 77
- Shilova N. L.*
ISLAND-MUSEUM: ON SPECIFICS OF LITERARY REPRESENTATION OF KIZHI ISLAND..... 83

ECONOMIC SCIENCES

- Kozyreva G. B., Morozova T. V.*
SUSTAINABLE TOURISM AND MUNICIPALITIES’ DEVELOPMENT IN BORDER REGIONS..... 89
- Vorontsova E. A.*
MANAGEMENT OF ACCOUNTS RECEIVABLE IN CONDITIONS OF ECONOMIC CRISIS..... 97
- Mansurov R. E.*
DYNAMICS OF GRAIN SUBCOMPLEX DEVELOPMENT IN VOLOGDA REGION IN CONTEXT OF FOOD SECURITY PROVISION 101

LEGAL SCIENCES

- Chernov S. N.*
CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF ARTIC MACROREGION 106
- Ermolaeva I. G.*
CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE OFFENCES IN ENVIRONMENTAL LEGISLATION ACCORDING TO JUDICIAL PRACTICE 111
- Sofronova A. A.*
NATIONAL ENVIRONMENTAL POLICY IN RUSSIA AND FINLAND AS A FORM OF PUBLIC ADMINISTRATION..... 115
- Sukhanova T. P.*
INFORMATIONAL INNOVATIONS OF ENFORCEMENT PROCEDURE IN RUSSIA AND IN FINLAND..... 120
- INFO FOR THE AUTHORS 123